

An impressionistic painting of a sky with thick, textured brushstrokes. The colors transition from a deep teal at the top to a bright, hazy white in the middle, and then to warm, glowing oranges and reds at the bottom, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is painterly and expressive.

Генерал Го-Ку. Клевета и слава

Ст. Кущёв

Ст. Кущёв

Генерал Го-Ку. Клевета и слава

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72136006

SelfPub; 2025

Аннотация

Предположим к примеру, что Резун, автор одной из широко известных подрывных книг по военно-политической истории советского периода, взял псевдоним «Суворов» с прямым умыслом – тем самым собою замарать само звучание великого имени в народе. Ведь ни одному культурному человеку, уважающему историю своей страны, не пришла бы в голову самореклама на светлой памяти о герое.

Если догадка о намеренной дискредитации героев русской истории верна, то неспроста идеологические противники взялись и за Кутузова. Тем более, он человек гораздо более прихотливой судьбы; здесь, уже и с помощью профессиональных историков разных времён, но определённого толка, образ полководца был в массовом общественном сознании всячески опорочен донельзя.

Перепроверка документов показала лживость обвинений к генерал-фельдмаршалу и кроме пресечения напраслины, выявила гораздо более существенное значение его в политической истории России.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

297

Ст. Кущёв Генерал Го-Ку. Клевета и слава

(Документы против мнений)
эссе-поэма

Предупреждение

Внимание! Эта книга, вероятно, попадёт в раздел «история» – не верьте! Хотя всё здесь – преследование исторической истины в перепроверке достоверности фактов, она сделана для другого. Постепенное прояснение замысла должно искупить вынужденные перебивки хронологии и свободу отступлений, необходимые для увязки смыслов.

Первое предварение: что за неизвестный генерал Го-Ку?! Тут забавно, что вослед забвению настоящей родовой его фамилии – Голенищев-Кутузов, последовала и... малоизвестность, как выяснилось, этого *знаменитого* героя... Получается так! Во всяком случае, так в документах, им подписанных, так и в письмах родным – "Го-Ку".

Второе предварение: отчего не всякому историку доз-

волить можно излагать мнение на публику? Общественное мнение последнего времени пестрит избытком исторических тем с новыми ответами по старым вопросам. Притом, поводы к тому, зачастую, не в обнаруженных, потерянных бы допрежь материалах, а лишь в отдалённых от сути предмета пересудах о хорошо прежде известном. Примечательно, что среди «содокладчиков» многочисленно отмечаются и профессиональные историки.

Однако, непременно *выступать* публично – не является, собственно, занятием историков! Их задача – работа с документами, увязывание исторических фактов в смыслообразующие концепции, доказательность которых им ещё только предстоит утвердить в научных дискуссиях. Скороспелые мнения на разрозненных примерах, допустимые в художественном творчестве, не должны ими пропагандироваться в форме околичных высказываний наукообразной формы. Всякая недостоверность, сиюминутное псевдообоснование случайной политической потребности частного мнения высказываемое публично, выказывает недостаточность настоящего научного просвещения. Сами профессиональные (так они числятся) историки, располагая возможностью работы со всем массивом документов, вступили не только в прямое противоречие по важнейшим для общественного самоопределения предметам, но главное, что не решаемое слишком долго! Стало быть, или их научная метода слаба, или они не владеют ею.

Пока они будут разбираться между собой, попробуем зайти с другой стороны: на их же материале покажем им границу формально-научного взгляда. Для этой степени обобщения не нужно меркантильно-полного «научного» списка источников. Речь как раз и пойдёт о том, что известные и многократно повторённые документальные свидетельства имеют совершенно другое значение, чем по давно заученной привычке.

Вот как странно! Очевидно, что школьное математическое «минус на минус даёт плюс» – вряд ли кто способен объяснить, во всяком случае, без помощи «настоящих полк...» математиков, но принимают за истину по итогу правильности расчётов. Так и здесь, предстоит не открыть новое, а, наоборот, восстановить давно известный, но по некоторым причинам, извращённый исторический факт. Более того, внезапно окажется, что таких извращений накопилась уже прорва..., но как узнать правдивость той или иной стороны?

Подобно картине под реставрацией тёмное и тусклое изображение начнёт насыщаться яркими цветами с хорошо узнаваемыми фигурами, отношения между которыми подтвердятся естественностью их положений; к тому же, окажется, что это и было о них когда-то известно! – до той поры, пока шелуха мелких обыденных мнений, копящаяся столетиями, не запылила их лиц. Но главное – общая картина, историческая картина вдруг сойдётся в непротиворечи-

вое полотно и гораздо шире против прежнего, вместо дра-ных лоскутов с дырками и где концы с концами не сходятся.

Здравый смысл имеет, конечно, своё ограничение в специальных вопросах, где может сбиться в профанацию, но применённый уместно ограничивает ту степень специальной абстракции, когда уже сама учёность превращается в наукообразное безумие. (К слову, непререкаемый взаимоперевод дат юлианско-григорианского календарей не имеет в этой работе никакого значения, так уж к этому-то цепляться не стоит).

Третье предвараение: отчего всякому читателю не стоит безоглядно пересказывать чьё-либо мнение?

«Все, испытавшие войну, знают, как способны русские делать своё дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью.... Я жалею, что не списал этих донесений. Это был лучший образец той наивной, необходимой, военной лжи, из которой составляются описания»¹.

Хороший пример наблюдения Толстого-философа над административными страданиями Толстого-артиллериста, которому и самому приходилось и читать, и составлять донесения... Соотнесение конкретного действия и его предметного, образного представления явно не находятся в очевидной зависимости... Действительна ли неизбежность присочинения даже при «выправлении» (некоторый каламбур!) слу-

¹ Л.Н. Толстой «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»

жебных бумаг ? С одной стороны, эта ложь видимо, неизбежно для чего-то потребна, с другой, Толстой замечает, что хотя русским «врать» поневоле тоже приходится , но удовольствия им всё-таки это не доставляет. Выходит, что «русские» что-то должно определять, что так же требует объяснения. Оно вполне возможно и даже в одном предложении, но без того же присочинения, будет ли достаточно убедительным? Насколько всякая математическая формула пригодна для тех, кто не умеет пройти всего доказательства? Но, отложим это, пока не будут уяснены некоторые основания

К тому же слова Толстого имеют прямое отношение к объявленной «злобе дня» – т. н. «информационным войнам». Если клевета и наговор действительно плотно перешли из личных отношений в общественные «правила», то странно не замечать, что взаимная перебранка никогда не считалась разумным поведением. Вообще же, сказано прямо: действительность, как она есть, превосходит возможность правдивого описания в принципе – мысль изреченная есть ложь... и правда возможна только ограниченная необходимой задачей.

Четвёртое: цитаты из документов представлены редко хоть с малейшей правкой – так надо! Правда и то, что после долгого их чтения, общий взгляд на правила орфографии претерпевает *модификацию*, а там и слог корячится, не обессудьте....

Предисловие

1. Объект

В древности полагалось, что истории народов зависят, если не от одной воли богов, то от поступков людей, то ли значительных общественно, то ли по в силу личных обстоятельств – *царей* или *героев*, скажем так.... Лишь с развитием науки стали замечаться те закономерности, которые действительно определяют исторические перемены. Однако, во все не следует умалать историзм личности в значении событийного агента, причём, как излишним упрощением в «классовый подход» (который, тем не менее, существует), так и в отношении личности самой по себе значительной.

История общества есть природный процесс, опосредованный самим человеком; он достаточно закономерен, что подтверждается возможностью изучения в понятиях той же политэкономии с объяснениями без привязки к конкретным событиям и вполне безличной. В таком виде «история» по преимуществу объективна. Другая сторона этой же *истории* совершенно субъективна, ибо в реальности совершается людьми в личных поступках. Здесь событие во множественности выбора, вариантности выхода и непредсказуемости в принципе, вбирает волю каждого участника, но... не подразумевая степень его понимания конечной причины своих поступков (то есть, пункта первого).

Поэтому представление о прошлом невозможно без единства и борьбы этого подвижного противоречия. Но... спо-

способность исследователя к такой, должной бы для каждого *учёного*, широте взгляда нигде не оговаривается, может быть, иным слишком очевидная... а прочие могут всю жизнь спокойно заниматься историей, так и не познав сути предмета своих занятий.

И вот пример, когда углубление в «анкету» исторического лица привело к неожиданному прояснению заученных исторических фактов, которые казались прежде вполне и достаточно понимаемыми. Поневоле, попутно были затронуты и другие персонажи, сопряжённые в исторических событиях; влияя на их исход, они и сами получали собственное значение.

Оказалось, что несмотря на многотомье профессиональных историков, взвешенная оценка важного исторического периода сколько-нибудь ими не выработана. И даже те специалисты, кто подобрался к самой сути и, казалось бы, заявившие о ней – впоследствии заглушаются сонмом крикунов так, что давно и очевидно показанное, странным образом куда-то запропадывает... Похоже, что сознание *толпы* имеет свойство затягивать ряской забвения ясность былой очевидности. Разве не примечательно, что обнаруженный слой именно прежних (!) взглядов общества, внезапно получает подтверждение перепроверкой устоявшихся фактов... которым ныне придано другое значение? Если допустить, что история событий должна обладать атрибутом непрерывности, то, видимо, можно найти управу на эту толчею, сме-

няющих друг друга, переписываний истории?

Как и в предыдущей работе, отвергается заведомой задачей принуждение читателя к предложенной точке зрения. Напротив, его призывают проверять здравым смыслом каждое фактическое свидетельство на достоверность объяснения – не закралась ли где ошибка соответствия очевидности и какую сторону выбрать ему. На случай другого решения, однако, автору простительно пояснять свой выбор.

Ещё важно понимать существование «сопряжённой субъективности»: то есть, читатели без доли совпадающего жизненного опыта никогда (никогда!) не признают правоту иной точки зрения, «хоть ты их режь!». Здесь главное условие опытного естествознания – однозначность причины и следствия иногда затирается до исчезновения, ибо не присуща самой гуманитарной области, а лишь по личной возможности размышляющего *предшествует* ей – всё то же иное соотношение частей задействованной логики в гуманитарности. В общем-то, важнейший вопрос именно в этом: до сих *исторических* пор сравнительное (именно так!) здравомыслие общества обеспечивалось бессознательно вменяемым *большинством* населения. Благословенные, в этом смысле, времена оставляются нами безвозвратно. Далее решайте сами.

2. Субъект

Хотя впредь перетолки будут вестись на полях исторических сражений, главный разговор не о них, а, как и всегда, о выяснении закономерностей более общего порядка. Пово-

дом послужило недоверие к справедливости мнения, которое ныне стало модным среди людей образованных... «*Дело о репутации*» из далёкого прошлого, неожиданно заодно прояснило некоторые самые злободневные политические недоразумения и даже тайну русского либерализма. Но не странно ли, что исследование поступков исторического лица вывело на столь широкие обобщения? Нисколько, всё дело в масштабе личности: он связан со многим и участвовал во многом. Не то, чтобы «каждый сам выбирает...», но если выбор есть – каждый сам определяет меру желания за долю своего же риска и идёт вперёд сколько может...

Чтобы показать градус дискуссии, придётся упомянуть кое-кого из заочных оппонентов. Как говорится, «ничего личного», но есть справедливое утверждение: «сначала ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя». Стало быть, лица, «капитализировавшие» свои способности в общественную известность получают *силу голо-са* многожды превосходящую влияние частного человека, и, стало быть, должны нести ответственность за то, к каким поступкам они подтолкнули своих приверженцев, поскольку знамениты не только печатно, но и многомиллионным радиослушателям.

Один замечателен тем, что книга ещё не была закончена, а он уже набежал потенциальным читателем.... Неважно, прочтёт он её когда-либо или нет, но такое точное попадание в «яблочко» средоточия аргументов чьей-то головы, доста-

точно, чтобы считать работу не напрасной. Даже маловероятно, чтобы он её открыл, если книга и будет напечатана, что может и к лучшему — «зачем обижать хорошего человека?». Ведь тут случай неординарный... Он попал в тему книги случайно, пока она ещё была в работе,.. Это довольно удивительно, так как я оппонировал там совсем другим именам, пытаюсь понять грани их профессионализма. Не могу удержаться, чтобы не представить его по своеобразному псевдониму образа. В конечном счёте, тем, кто поймёт, будет достаточно, а другим и знать не надо — «Денис Кораблёв» — будь благословенна память родителей его и, в этом случае, особенно отца! Столько радости, сколько он подарил своими «Денискиными рассказами» мало, где можно было сыскать. Я просто бился в пароксизмах смеха, если уж было смешно и точно — не я один!

Дениска вырос, стал, кроме прочего, известным писателем; бывает, что выступает устно, рассуждая толково и интересно. И вот, кстати, пришлось два его публичных высказывания, имеющих прямое отношение к сюжету книги, притом прямо за сторону оппонентов. Замалчивать мнение нет причин; тем более, раз он, сам по себе, известный, общественных наклонностей, человек, следовательно, желающий или предполагающий оказывать влияние на других, придётся эти две позиции объявить — «не я это начал!». А если с тех пор он уже мнение переменял, так «слово не воробей» и его точка зрения имеет влияние на многих и многих людей.

Во-первых, например, на 15 часов 05 минут по московскому времени от 20 сентября 2017 года, он имел следующее убеждение, которое отстаивал публично: «Подождите, Кутузов был педофил, потаскун и мерзавец, однако мы знаем его как героя Великой Отечественной войны 12-го года. И Лев Николаевич Толстой описал Кутузова совершенно не таким, как он был. И мы Льва Николаевича Толстого за это не ругаем»².

Во-вторых, ему, как и многим (в общем-то, почти всем...) понравился недавний Би-Би-Сишный сериал «Война и мир». Если второй пункт покается неважным и даже смешным, так дело тут серьёзней, чем кажется. Ведь сериал... вполне может нравиться, но за единственным и главным условием: если бы там стояло «по мотивам»; если угодно, «по Льву Толстому» и так далее, но ни в коем случае как представление оригинального авторского замысла, лишь переложенного из литературы в кинематографию. Почему это так и в чём тут дело – об этом будет разговор дальше. А то, что подвоха не заметил никто из «интеллигентствующих культурологов» весьма печально. Им-то отзываться, подобно пятиклашкам, односложно: «Понравился...», как о мороженом? Для рефлексирующих интеллектуалов это довольно легкомысленно и так нельзя говорить.

Что касается самого утверждения в цитате, то сначала

² Радио «Эхо Москвы» – «Персонально ваш», 20.09.2017 <https://echo.msk.ru/programs/personalnovash/2058394-echo/>

всё-таки разберёмся: не являются ли всем как бы известные факты – заученной вульгарной пошлостью (в какие бы академические тоги она не рядилась)? И если возможно было культурного человека подвести к такому мнению, чего ожидать от беззаботных любителей ну, по-простому, трепать языком по любому поводу? Тем более, что истина, как таковая, ищется из оснований, которые не имеют отношения к добродетелям образования и даже шахматы здесь не помогут. В конце концов, это только игра, как стало окончательно ясно по всемирно известному политику-чемпиону.

Стало быть, за простым бы вопросом о педофильстве Кутузова появится более важный. а именно: если значительная доля гуманитарного знания всего лишь псевдонаучная белиберда, то отчего *самобразкующаяся интеллигенция* особенно падка на эту часть и так склонна проповедовать безосновательное чужое мнение?

Ведь, что тут самое интересное: нет ни малейшего повода сомневаться в уме «Дениса Кораблёва» в самом положительном смысле его биографии образования и череды заслуженно занимаемых служебных должностей; формально он имеет полный сертификат на общественное доверие к себе. Разумеется, в рамках тех специальных вопросов, в которых подразумевается его квалификация. Но... каковы же они, эти рамки и, ещё важнее, отдаёт ли сам он себе отчёт в заведомой их ограниченности?

Если сначала это замечание покажется достаточно бес-

содержательным, но сейчас оно радикально преобразится простым напоминанием: «Денис Кораблёв» – гуманитарий. Оп-па! Чтобы показать, насколько этим всё меняется, вместо обычного простого методологического разъяснения воспользуемся (ох, держите меня!) чрезвычайно уместным свидетелем – объявившимся вторым (уже!) номерным *нечита-телем*.

Этот другой, тоже человек неординарный, причём, далеко за биографический формуляр. Если брать творческие способности не по результату содержательности (пока что разыскивается по статье «распространение заведомо ложной информации о действиях ВО РФ»), а эстетически, стало быть, без знаков плюса и минуса, правды и лжи, добра и зла, то личность он весьма примечательная! По крайней мере, длинный список, что называется, «компетенций», видимо, заслуженно увенчанный депутатством Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации I—IV созывов и членством Комитета Государственной думы ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству 19932007г. г.; уже не говоря о внесении 7 февраля 2012 года в список доверенных лиц Владимира Путина.

В этом творческом потенциале важен масштаб его влияния на аудиторию,... невзирая на чехарду и перебивчивость в учебе, не доведённой до дипломированного конца. Ну и что с того? Лев Толстой тоже не кончил курса! Одна-

ко, Лев Толстой, помимо озабоченности в предельно общих вопросах, в своей неоконченной специальности по факультету иностранных языков, как живых, так и древних, не единожды доказывал изрядную квалификацию. Самообразование предполагает вменение себе критерия качества подчас способное посрамить недоверчивых формалистов. Так что нет никакого повода заранее придирается к этому свидетелю, который, как нарочно, неоднократно публично заявлял, что ни в грош не ставит стандартную систему гуманитарной научной квалификации, что называется, по факту её недостаточной достоверности (вот, тоже ведь замечает!).

Посему он публично отрёкся от допрежь наработанной как-то гуманитарной образованности в пользу естественно-научного подхода в объяснении посильной ему действительности. Всячески осуждая религиозное мракобесие, он дополнительно свидетельствует этим избранную методологию. Удастся ли Александру Невзорову (а это именно он) поменять гуманитарную иллюзорность на причинно-следственную логику в наукоёмких вопросах? Это ему только предстоит доказать (кому надо – пусть проверяет согласно методике).

Но вот ему, как публицисту, случилось вновь встряхнуть стариной и высказаться 11 сентября 2019г. по старозаветной для него, сугубо гуманитарной теме:

– «Мне нравится вся эта история с Бородино, потому что она показывает размерность лжи. Она показывает, действи-

тельно, то, что ложь должна быть гигантская, она должна быть огромной. И это первый день, первый случай полного торжества пропаганды над здравым смыслом, когда эта госпропаганда еще при царях ощутила вкус крови и утвердилась в своем всемогуществе.

– Вот любые поражения были, и были различные ситуации и только в этом случае вдруг стало понятно, что любое, самое позорное поражение можно преподнести как победу. Там всё абсолютно белыми нитками шито. Этот одноглазый педофил Кутузов, действительно, оставляет поле боя с 30 тысячами раненных, уходит, бросив второй по значимости город и оставляет все позиции. И при этом разгромленный хитрец абсолютно откровенно лжет. Он говорит: «Виктория, победа!» – он говорит. И немедленно получает табакерку, усыпанную алмазами. И ему верят. Потому что решают, что на самом деле, если он так уверенно говорит...»

– «...Да, да. И смешное абсолютное поражение с отступлением приобретает статус победы».

Причём, у Александра Глебовича есть двое интервьюеров, которые тоже вполне сочувствуют в беседе его тону:

О. Журавлева— Но у Наполеона тоже победа была так себе. Она вроде как победа, но так... как с выборами приблизительно.

А .Невзоров— Нет, она не была ничья. Тот, кто оставил раненых на поле, тот считался проигравшим.

В Дымарский— Но, вообще-то, вошли в город, между

прочим.

А. Невзоров— Да. Вошли в город и оставили позиции.

В Дымарский— Александр Глебович, в французских учебниках истории Бородино обозначено как победа французского оружия.

О. Журавлева— И битва на Москве.

А. Невзоров— Это во всех военных энциклопедиях она обозначена.

В. Дымарский— А поражение французов – это только Брезина.

А. Невзоров— Нет ни одной военной мировой энциклопедии, начиная с Нотнагеля, где было бы написано по-другому. Вот такие финты, настолько бесстыжие, их не удавалось в чистоте повторить почти никогда..³

Кстати, в этой цитате замечательно соединяются убедительной логической связью: 1) *как бы* объективный факт события; 2) его чёткая оценка; 3) увязанная характеристика лица; 4) доказательство корысти. Очевидно же, что они подтверждают друг друга и как бы иное было бы логически несообразно, и даже невозможно тронуть одно, чтобы не затронуть другое, следовательно..... Притом упрекать самого Александра Глебовича Невзорова в таком мнении напрямую бесполезно – за ним сразу обнаружится воздвигнутый многими профессиональными историками монолит именно та-

³ Радио «Эхо Москвы» – «Невзоровские среды», 11.09.2019 <https://echo.msk.ru/programs/neysredy/2498895-echo/>

кого очевидного исторического факта!

То есть, несмотря на то, что оба примера выказывают людей рассуждающих вроде бы самостоятельно, опровергать только их – пустое дело, потому что на самом деле своё мнение они (и очень многие другие) усвоили со слов учёных-историков...

Возьмёмся же их опровергнуть и показать по делу «О педофильстве Кутузова» противное в главном: любой грамотный и способный вычитать до конца всю цепь причин и следствий, житейски опытный человек (это важно) сделает однозначный вывод – работа историков приводить в порядок документы из прошлого, разыскивать пропавшие и пояснять их содержание. Объяснение исторических событий не входит в их компетенцию! К сожалению, нельзя им этого запретить... но только в рамках свободы выражения мнения всякого обывателя ни в коем случае не доверяя ничему, не представленному доказательно. Здесь есть проблема.

Ведь гуманитарная научность получает доказательность за пределами своих профессиональных знаний. Они тоже могут сознательно достичь «здорового смысла», но желающему того сперва надо ощутить его недостаток, а ежели бессознательно..., то к нему даже более горазды... многие работники простого (так принято говорить) физического труда.... Доказательство? – уверяю, вы удивитесь! Тому, что узнаете нового? Ещё более тому, что не понимали очевидного из уже известного...

3. К слову...

Таков общий сюжет книги, притом сопровождаемый попутными отступлениями. Это не прямые ответы; в таком виде они просто заучивались бы, когда случается то же, что произошло с многомиллионной партией советских коммунистов: оказалось, ни один не понимал уже своего учения. Безотносительно этих «рыцарей печального образа», очевидно, что учение, которого они не понимали, очередной раз доказало безупречность своей теории. Всё происходит в точном ей соответствии, и желающие разобраться хоть в чём-нибудь, пусть смотрят во все глаза. Неудача очередного хождения России в капитализм до того, что даже «т. н. цивилизованные страны» уже не знают, что и придумать, чтобы отпихнуться от странного попутчика показывает яснее ясного – основания её исторического движения лежат гораздо ранее какого-либо «большевизма».

Ещё более удивительно, что «военная тайна» Мальчиша-Кибальчиша была выписана ещё двести лет назад образцовым иностранцем на русской службе и в свободе доступа к себе не имела ограничений. Почему Россия находила бескорыстную помощь со стороны подобных людей, весьма толковых? Почему этот исторический кредит может иссякнуть и что надо успеть сделать? Есть там и сведения из которых можно понять – что такое либерал? Почему либерал может быть только исторически-оригинальный, а современные протухли, как «осетрина второй свежести»? Кто бы-

ли русские либералы? Почему они первыми догадались бы о причине сегодняшней общественной катастрофы в политике «цивилизованных стран»?

К слову сказать, Запад расценивает противостояние с Россией как антагонистическое, но это заблуждение; задача России вполне гуманитарная: не уничтожение, а возвращение, забытого ими же наставления, хоть они этого не понимают. Как не понимают невозможности всегда быть правыми – эта истина и раньше в Европе была бы для них непривычна до непереносимости и теперь одно предощущение слабости заставляет их делать вещи вовсе недопустимые.

Россия же, несмотря на постигшее её, по списку причин, недавнее отступничество, уже как лет двести явно определилась в общечеловеческом долге: если было именно французское «Просвещение», то теперь – русское «Вразумление» Европы. Русское по месту сохранения истины, которая изначально была присуща всем, но отдалилась там настолько, что одно напоминание о ней – им нравственно мучительно. Но она есть и в том лозунге «Свобода! Равенство! Братство!», которое так долго выкликали до сих пор не подозревающие его содержания, когда -то «вполне ничего себе», либералы.

Эпиграф

Кто-то скажет, мол, школьная привычка (а что, нынче в школе ещё приучают к эпиграфам?), но предупредить сочинению краткий смысловой посыл как бы подготавливая внимание читателя, представляется и сейчас не менее разум-

ным, чем во времена стародавние. Хорошо бы и что-нибудь из древних, чтоб «внушало», стало быть.

Что ж, подходящий эпиграф подвернулся на удачу в каком-то дореволюционном журнале, навроде «Русской старины» или тому подобного. Перепроверка источника цитаты выявила удивительное: все интернетные поисковики выдают только один перевод афоризма Тацита «об истине» в таком виде:

– Истина подкрепляется зрением и временем, а ложь – поспешностью и неопределенностью.

«Ну, вы, блин, даёте!» – это что? Искусственный интеллект, что ли, уже всю переводит? Что за зубодробительное косноязычие? Из четырёх эпитетов в цитате – три настолько абстрагированы от образа, то вообще не цепляют внимание, а «поспешность» тоже не совсем точна по месту – невразумительно, и очень жаль!

Две тысячи лет назад этот римлянин выдал наипервейшее условие избегания вреда от современных средств сетевой коммуникации. Намеренно или случайно, но сейчас *интеллектуальная атмосфера* народов целых стран вгоняется в состояние, где даже обыденная логика осмысления обстоятельств затирается сутолокой полубессмысленной болтовни.

Так что же пришло на ум Публию Корнелию Тациту, сенатору и консулу, поклоннику уходящих республиканских добродетелей, и что прочитывали гимназически образованные школяры, без затруднений в латыни и древнегреческом?

– Истина получает силу от рассмотрения ее и от времени; одна ложь от торопливости и слухов.

Это совсем другое дело! Почему же *правда* занимает время? Видимо, оттого, что только разуму свойственно учинять *порядок* во всём Универсуме природы и общества. Имеет ли природа упорядоченность, пока не породила разум, себя осознающий – возможно, вопрос лишь масштаба выборки материи; но для себя, по крайней мере, человеку (Бога допрежь отставим...) не свойственно и не должно быть свойственно рвать связующие нити ткани бытия, поэтому об *истине* приходится размышлять и долгонько, а брехать и «постить» можно со скоростью нажатия кнопок...

Впрочем, оказалось, что подобное соображение можно отыскать гораздо ближе и пусть не столь афористично кратко, но более душевно:

– Нет ничего зловреднее вялости духа, мешающей отыскивать истинные причины того, что перед нами; она входит в привычку, и вот мы уже начинаем судить обо всем по внешнему виду, по первому впечатлению, так что нередко случайное отклонение от общего правила определяет наше мнение о целом. ...Наконец, мы с удивлением обнаруживаем у себя запутанные и противоречивые понятия и не знаем, чему приписать свои заблуждения; а ведь исправить эти ошибки было бы гораздо легче, если бы мы с самого начала следили за основательностью своих суждений...

– Александр Чичерин (Дневник. 1812-1813.). Поручик 9-

й роты Лейб-гвардии Семёновского полка 5-го пехотного корпуса 1-й Западной армии, 20-ти лет

«Поддерживая в храбрейших дух неустрашимости» – в бою с Наполеоном – смертельно ранен.

Кланяться:

– Олышанское протестантское кладбище в Праге, памятник 45-ти русским офицерам, погибшим в 1813-м году под Дрезденом и Кульмом

– Санкт-Петербург, дом 15/59 у Зелёного моста угол Невского и Мойки....

Да, ещё не так давно прохожему можно было, в какой-то доле реальности соотнестись с домом его деда, местом рождения и детства, откуда 13-ти лет он поступил в Пажеский корпус в 1806 году, чтобы уже выйдя в офицеры успеть к Наполеону. Однако, навестить местожительство юного Чичерина уже не удастся: стараниями нуводельных «реставраторов» от дома остались лишь наружные стены...

Чувство до мысли

Не соображение, но чувство есть первейшая мысленная реакция. Но ощущения в органах чувств могут возрасти и до... чувства прекрасного в прямом духовном смысле. То есть, одно и то же слово применяется, как в описании физиологии, так и к психике; стало быть, само по себе оно лишь обозначающая табличка. Кто какую риску на шкале его значений имеет в виду? И не подменяются ли участки мерной ленты с переменной самого словоупотребителя?

Есть способ проверить: живое существует только в действии и не обходится без последствий. Вот говорят же: «плод любви» (ха-ха)...; не всегда результат столь очевиден (ха-ха ещё раз), но даже если и сам предмет обожания и его поклонники затерялись во времени, однако ж, они были взаимосвидетели друг другу?

Опознав предполагаемую любовь, уместно проявить к ней хотя бы уважение. Кстати, очень странно, что сторонники законодательного преследования «оскорбляющих... чувства верующих граждан» не замечают очевидной нелепости: как возможно участие Фемиды в таком деликатном деле? Ведь она взвешивает поступки (что и составляет юстицию) – весомые, ставшие действительными, уже осуществлённые деяния добра и зла. Как можно весами учитывать душевное трепетание ещё (прости, господи) организменных чувств? Защищать «чувства» формально-юридически чрезвычайно... странно. Подобные законодатели – большие путаники, не осознающие своей, *вероятно*, мысли...

Всякое чувство переживается «едино-лично». Но иногда нам кажется (а может быть, это и на самом деле так), что при совпадении переживаемых чувств общественно, соборно – как говорится, «нас охватывает»... Без сомнения, «чувство» это самое древнее, природное, донельзя животное личное свойство физиологического самоконтроля организма – оно же есть и дословесное средство взаимообщения, а, значит, имеет полное лично-общественное значение.

Тогда, можно ли к нему относиться легкомысленно, им не заниматься и считать, что до качества, истинности этих чувств никому нет дела? – «Да так ли эта m-le хороша?» или здесь случайный пример ослепления своей страстью? Но мы охотно простим влюблённому желание признавать в любимой объективно превосходящие совершенства за действительные, если: а) и многие другие были очарованы, б) материально-духовные последствия вспышки страстей значительны (от рождения младенца до очевидного озарения своеобразным творческим вдохновением муз, безотнositельно деторождению, х-м-м).

Сами чувства явно обладают неподсудностью: «ждите ответа!» – они не помышляют о результате и только.... переживаются. Обратная сторона их безотрицательности – безотчётность угасания. В ушедшем чувстве нет вины, лишь повесть об основаниях к бывшей страсти; его может заместить долг, «но это уже другая история»....

Налицо парадокс: загнав чувства в тот огород, где им совсем не место, утрачено их значение в личности. Это так и должно было случиться во времена, когда искренности предпочитают *политкорректного* «имиджа». Определённо одно: чувства предшествуют совершённом действию и как вероятное воплощение в мотивах – их надо понимать. То есть, оценивая на весах Фемиды уже поступки – взвешивать их более способен тот, кто и сам может чувствовать и достаточно воспитан, чтобы чувства понимать. Поэтому-то же-

ланнный каждому судия рисуется нам умудрённым, всепони-
мающим старцем, познавшем всю глубину человеческих от-
ношений, а не моложавым законником-формалистом чинов-
ной службы.

Но, с одной стороны, дела наши порой не стоят выеденно-
го яйца; с другой, никакая внешняя сила не может заставить
чиновника сделаться праведником... Только для понимания
неловкого абсурда упомянутых новаций законодательства:
здесь очевидная истерика обывателя от навязываемых созна-
нию «постмодернистских» (так вроде это называют) обще-
ственных отношений. Утрачиваются чувства – их начинают
искать «под фонарём», а не там, где потеряли.

– «Морали тут не нужно. Во всех государствах, где да-
же в судьи избираются люди, изучившие юриспруденцию –
случаются подобные ошибки. Здесь главное не в учености
судьи, не в познании законов, не в изучении Римского пра-
ва, но в изучении человечества и познании человеческого
сердца. Характер человека не может быстро переломиться –
и честный человек не сделается мгновенно злодеем. В гне-
ве, в ослеплении страсти, и честный человек может забыться
на минуту и совершить дело противозаконное, даже проти-
вунравственное: но честный человек никогда не покусится
на жизнь ближнего – из корысти. Первое следствие – осно-
вание дела, и в низших инстанциях, где производится первое
исследование, должны быть самые благонамеренные и про-
свещенные чиновники... Сколько бедствий отвращено было

бы, если б первое следствие производилось всегда людьми просвещенными, понимающими цену чести и доброго имени!»⁴

Обсуждая действия как поступки, невозможно не учитывать роящиеся вокруг них вихри чувств. Голая схема ни к чему не ведёт, она почти бессмысленна. Но кто и какие чувства собирается вымеривать и вчинять? Не причина ли мутного селевого потока «перетолковывателей» истории в том, что свои случайные чувственные переживания сегодняшнего дня они навязывают уже таким выхолощенным, псевдообъективным фактам? Не ошиблись ли они дверью?

Художественная литература как раз существует для такого бессознательного упражнения сопряжений в действиях героев хотя бы с их мотивами (т.н. «психологией») во всевозможных (и невозможных) условиях. Каждый волен испытать свои силы критерием истины. То есть, если всё-таки полагать историю в какой-то мере «наукой», то именно там, где учёный-историк будет искать точку наблюдения более независимую от себя, чем от изучаемого предмета.

Для уточнения темы любви, заметим её не там, где обыкновенно рождается новая жизнь, меж двух влюблённых — при всей восхитительности этого условия, а там, где и лишение собственной не считается делом особенным. Станным образом, именно этим названием пользуются те, кто едва ли

⁴ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания. <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Bulgarin/Bulgarin.htm>

в полной мере пребывает в мире живых, на ту же долю возвышаясь над ним. Судить и опровергать то, что они полагали истиной? Да и есть ли другая, относительно этой? Или сначала озадачиться пониманием?

Отрицать стандартный военный институт государства, как бы ни хотелось прекращения всех и всяческих насилий, – увы! – всё ещё преждевременно; следовательно, отрицать огромное число людей, исторически принимающих военную службу как достойное поприще, подневольно присяжное или, если угодно, «поле славы», ошибочно. Отмена возможности войны вообще, гораздо более сложное дело, чем сгребание всяческого «пацифизма» в одну кучу. Современные мамочки-глобалистки, которые скорее сбегут с родной стороны, где бы она ни была, чем будут настаивать на её защите, вольны изымать в торговых сетях игрушечное оружие с полок, но, во-первых, разговор пойдёт о мальчуганах 200-летнего прошлого (их-то можно не *толерантировать*?), а, во-вторых, выломанной в кустах палки и зарослей чертополоха достаточно для удовлетворения, может быть, кому-то уже непонятного, но всё ещё «живаго» мальчукового инстинкта.

– «Я хотя не постигал всей опасности, но знал хорошо, что значит убить и умереть, слыша часто о битвах и о смерти наших знакомых, и, видя общее беспокойство, был в страхе, однако ж просил, чтоб мне дали ружье, для защиты матушки. Она улыбалась сквозь слезы, прижимая меня к сердцу»⁵.

⁵ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания <http://>

Летописание с последовательностью исторических событий насколько возможно полное, всегда было подвержено политической цензуре вплоть до уничтожения всех документов. Но, что такое «событие», если ещё Конфуций объяснил, что сюцай отличается от простолюдина не тем, что поступил по-другому, а тем, что, сделал это по другим причинам? Вообще, если в его этике: «Благородный человек знает только долг, низкий человек знает только выгоду», «Благородный муж всегда думает о добродетели; простолюдин думает об удобстве» – определение «благородный» заменить на «способного увидеть и предпочесть более всего истину категориального обобщения», а «простолюдина» на «неспособного или пренебрегающего» ею, то спрятаться за архаику не удастся – это «и ныне, и присно, и во веки веков» – выражение вневременной борьбы духа.

Притом просматривается нарастание парадоксального расхождения: герои прошлого в художественности разных искусств всегда подавались с возможной полнотой изображаемой личности, однако современные трактовщики истории явно грешат довольно... плоским пониманием их характера, видимо, в силу представления, что жизнь в старину была проще, а люди, стало быть, были глупее нынешних. Особенно злую шутку играет ныне скорость житейско-бытовых технологических обновлений. Хотя... вот раньше в зиму люди благоразумно пересаживались в сани и не устра-

ивали скандала из каждого снегопада! Так что соотношение «усложнения» и «упрощения» в понимании действительности не так очевидно. Статистический анализ фабричной документации – прекрасный полит-экономический инструмент, отработанный Марксом и Энгельсом досконально, но доверять ли нынешним «массовым социологическим опросам», когда опрашиваемые и не собираются быть искренними? С поправкой на взаимное надувательство кое-что, конечно, можно выцедить, но странным образом никто не усматривает в этой соц. машинерии самого беспардонного оскорбления тех самых «деликатных чувств», о которых так пекутся.

«Огрубление» психологии мотива хорошо заметно: на процессе 1804 года о заговоре против Наполеона – генерал Моро, на обвинение в преступной связи с заговорщиками оправдался тем, что не мог же он выставить знакомых и уважаемых людей из собственного дома под дождь, если уж они пришли с визитом! Суд не нашёл в ответе ничего предосудительного. Возможен ли такой аргумент на политических процессах XX-го века?

Очевидно, что область частной независимости, личного права, простого нерасположения или, наоборот, право на прихотливое обоснование своего поступка решительно сузилась. А раньше бы подобное «хотение» никого бы не удивило. Не показатель ли, что из отстоявших государственность революционной Франции можно выстроить практиче-

ски полный ряд предрасположений – «что с этой государственностью потом делать?». Взять, например, революционных генералов первого призыва:

– Пишегрю: закончил роялистским заговором (то есть, ре-негатством)

– Моро: отказался от диктаторства

– Бонапарт: устремился к диктаторству и получил в Моро оппонента

– Массена: этому всё «по полковому барабану». Претерпевший в детстве самую жестокую нужду, он по-своему усвоил жизненные уроки. Алчность его не знала предела, ему недостаточно трофеев; он грабит собственных солдат! Но... он нужен и предыдущему, и последующему королю, промежуточным конвенту и императору. Ему всё прощают и платят все и всем. Такова цена таланта, даже самого своеобразного, когда он востребован.

Необходимый вывод: обстоятельства более случайной, сложной, переменчивой, изощрённой личной жизни, однако же, восстанавливают более-менее рациональную картину прошлого. Что-нибудь, хоть сколько-нибудь внятного, можно представить в личных поступках (история существует только через личность, оттого, что – она для личности) в «генералитете» уже русской революции или «отечествово-енном»? Всё насквозь мифологизировано в главном: стиранием черт подлинной полноты личности, забвением опознавательных знаков характера. Распределённость политсо-

держания во французских генералах наполеоновской эпохи представляется естественным проявлением разнообразия их частной жизни; но отечественным Тухачевскому, Жукову и иже с ними, никак не находится иного ранжирования, кроме жёсткой дихотомии: реабилитирован/нереабилитирован, назначен/отставлен, но... относительно чего? Похоже, что сами интересанты до сих пор находятся в жёстких шорах революционного политического самосознания или утратили чувствительность к оттенкам политического самоопределения. Воспользуемся же тем, что ещё осталось.

Поэтому неспроста обильны попытки «переписывателей истории» поразить читателей очередными откровениями спекулятивных мнений, хотя только документы и свидетельства очевидцев что-то значат, а раз без полноты документов далеко не уедешь, то, пожалуй, подлинная история прошедшего века уже никогда не будет выявлена. Она вышла из-под рациональной оценки утратой свидетельств. История XXI-го века? Претендентка на самый короткий анекдот. Она сочиняется в открытую насмешку над обществом. Личности нет, её замещает карикатура «имиджа». (В доказательство – выморчивание значительной части западного политического «политикума», где самые высокие посты подчас занимают очевидные скоморохи, то есть действительные лицедеи!).

Историк-учёный обладающий специфическим мужеством перемогания архивной пыли способен вести поиск новых материальных свидетельств, которые случайно не уничтожи-

лись, но дилетанту только чудо может подарить некий документ.. Раз здесь не будет новых фактов – нет необходимости доказывать самое их существование. Поэтому мы будем свободны от строгости соблюдения поступательной хронологии, и станем двигаться как вперёд-назад, так и налево-направо по оси хронологии. И хоть поводом будут примеры истории, наконец, обсуждение историков, исследоваться будет не история, а происходящее в головах людей. Возможно, здесь больше философии и паче очевидных выводов.

Не всё то художество, что так назовут

Не в первый раз приходится дерзить поперёк школярского представления, как о «мастере художественного слова», определением: всемирно известный писатель Лев Толстой – есть вовсе не то, что все полагают о нём! Мастер, то он мастер, но здесь надобен не за красоты стиля, а по оригинальности предлагаемого им смысла. Как-то уже пришлось убедиться, что знаменитый роман «Анна Каренина» (хотя довольно часто многим известен лишь со слуха, а не читанный) отнюдь не развлекательная литература, а беллетристический ковчежец (хоть и прекрасного качества) для заброса в головы философских скрижалей Канта. После такого открытия, полагать, что «Война и мир» – всего только историческая зарисовка хотя бы и эпического масштаба?

Однако бал правит «постбразовательное всезнание», которое школьные впечатления, по очевидности детские, так и оставляет без возрастной перепроверки. Школьник, оза-

боченный толщиной «задания на лето», ещё не понимает, какой вкус в подобных книгах находят взрослые – оттенки личных отношений ещё неведомы подростку. Став постарше, некоторые распробуют этот крем, но бисквит художественно изложенной философии, скорее всего, так и останется засыхать между картонками обложки... Поумерив «ахи» и «охи», отмеченные учителями средней школы, всё же следует перечитывать книги, не ограничиваясь указанными когда-то учебными отрывками. Например, можно обнаружить прямые слова Толстого, которые подтверждают «переоткрытую творческим усилием» концепцию «Войны и мира»:

– «Мне хотелось, чтобы читатели не видели и не искали в моей книге того, чего я не хотел или не умел выразить, ни на чём (по условиям произведения) не считал удобным останавливаться. ...1) Что такое «Война и мир»? Это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника»⁶.

Публика не заметила: изложение философской мысли лишь прикрытое художественным оформлением, начатое в «Войне и мире» не прерывалась Толстым и в «Анне Карениной». Ведь всё достаточно очевидно: «ВиМ» логически предваряет «АК». Первое – оговаривает материал истории, второе – направление его движения. Однако, Толстому было суждено испытать странное в противоречивости разочарование – не в себе, но в обществе, частью которого был он сам. И как умный человек, в неуместности объяснять правду

⁶ Л. Н. Толстой «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»

до конца, в старости он мог только морщиться и повторять в разных вариантах то, что потом записал: «Люди любят меня за те пустяки – «Война и мир» и т.п., которые им кажутся очень важными»⁷. Он сокрушается о том, что художественная красота объекта не послужила проводником к его смысловому содержанию.

Мы не вполне осознаём выраженность граней творчества Льва Толстого. Невероятная диалектика: именно пренебрежение своим художественным даром даёт ему ту свободу и верность глаза, которых никогда не найти у литераторов, по преимуществу желающих лишь отжимать досуха свои сладоточивые перья. Он ещё не знает, что общество (всемирная публика!) настолько всосётся карпом в жирную макуху его художественной способности, что останется совершенно глуха к философской подложке. Постепенно прозревая на этот счёт, он займётся другим – деятельным подвижничеством и его заветы на этом пути далеко не исчерпаны.

Как говорится, «хорошо, что не дожил»; подбирая подходящее издание книги, даже у нас теперь можно набрести на ужасную годзиллу современного «продакшена» – учебно-адаптированную версию произведения – что за белиберда?!

– «Война и мир» Л.Н. Толстого. Краткое содержание. Особенности романа. Сочинения.

– Вы можете прочитать онлайн краткое содержание по

⁷ Л. Н. Толстой «Дневник» 6 декабря 1908

главам книги «Война и мир», а также сочинения по темам романа и статьи, содержащие анализ текста произведения.

– Предлагаемое пособие призвано максимально сократить время на чтение произведения путем краткого пересказа наименее значительных мест (с попыткой сохранить стиль автора). Фрагменты, наиболее важные для изучения произведения, даны в оригинальном виде и выделены, что акцентирует внимание читателя на местах, важных для понимания сюжета, основных тем романа и восприятия его в целом.

– Предлагаемая форма изложения очень удобна для написания сочинений и рефератов, для подготовки к устным ответам и другим творческим работам. Автор: Шаповалова О.А.

«Приехали!» – вместо возможности самому отчаянному двоечнику узнать вкус настоящей «горячей художественной плоти» и в этот час просветления воспрянуть душой – какие-то псевдообразовательные начётники набивают пепто-но-литературные сосиски «с попыткой сохранения стиля автора»! Лишать самой возможности просвещения? По настоящему образованный и чувствующий преподаватель, понимающий неистощимое богатство смысловых связей произведения такого уровня, не позволит в схоластических целях подменять искусство муляжом. Наши «среднеобразовательские» учителя, похоже, пребывают в духовной прострации. Что это они всё кричат о том, что никак им, видите ли, не «оттрактовать предмет»; мало, дескать, учебников... Да раз-

ве первая задача учителя – трактовать? Его задача – обеспечить усвоение предмета утверждённой стандартной программы. Все настоящие революционеры школы – в новаторстве преподавания, в революционной педагогике, в работе с ребёнком, проще говоря. Если же кто, помимо непосредственной задачи, задумался об академических вопросах, то это никогда не имело отношения к средней школе. Для этого, будьте любезны, пожаловать в университет. Но не было слышно, чтобы, например, Лобачевский, известный образцовым преподаванием курса, на учебных лекциях «ломал табуретки» в борьбе за научную идею...

Вообще, оказывается, что мы живём в мире, когда посторонние всему люди всяческих «коммуникаций», не имеющие за собой никакой ответственности ни к чему и никакого занятия, кроме резонёрского распутства, присвоили себе право мусорить в общественном сознании, набалтывая безумные абстрактные определения выдуманных схем. Перефразируя слова царя Соломона: «Клевета клевет и всяческая клевета!». Одной из предпосылок такого бесстыдства является та же «бесчувственность» нашего времени, равнодушная к правде личности, ибо они стремительно истираются налепленными «имиджами» до того, что скоро перестанут узнавать сами себя.

«Придя в чувство» можно заметить, что и современный историк под подозрением, а уж, желающие числиться художниками! Это заслуживает отдельной брошюры.... И совре-

менные законодатели могут отбить саму охоту заниматься различием «дела» и «чувства».... (и появляющийся оттенок «Слова и дела» тут неспроста).

Но определённо одно: личное чувство, сопряжённое с общественным – по отношению к известным событиям и лицам – и есть историческая правда. Любая навязываемая переоценка прошлого, якобы открывшимися фактами, это злонамеренная спекуляция ложью, потому что участники тех событий уже сделали свой исторический выбор прошлыми поступками, ведомые своими чувствами и переживаниями. Факт зафиксирован его бытием и умничанье потомков задним числом тут неприлично. Собственно, это и есть смысл пресловутого отвержения «сослагательности» истории. Он совсем не в том, что частный исторический переход не мог избрать другого русла, а в том, что перетекши в этом месте именно по этим конкретным людям, подтверждает как одну из вероятных отметок – достоверность энергетического понижения равнинной части долины общественного сознания, которое станет руслом протекания общественных действий.

Как остроумно заметил Карл Клаузевиц: «На военном совете обычно одерживает верх мнение того, кто не хочет что-либо предпринимать»⁸.

Именно это заставляет закономерно рассматривать причины и следствия прежде всего на этих людях, как предмет-

⁸ Клаузевиц К. 1812 год.– М.:Госвоениздат,1937 <http://militera.lib.ru/h/clausewitz3/index.html>

но достоверном. Но вовсе не означает отсутствия примыкающего рельефа исторической местности.

Поэтому отпадение от бывшей общей судьбы по «эту сторону фронта» на значительной части Малороссии – есть предательство исторической правды. Отрицание объединяющих фигур «командирского вождизма» в послереволюционной России или в Китае, с неизбежностью того, кто только и мог удержаться так-то и во имя того-то – есть отрицание исторической правды. Непонимание, что большинство немецкого народа действительно излишне простодушно уверовало тогда в свой национальный дух и по этой слабости подставилось в «нации образца 30-х годов» под обман – забвение исторической правды.

Историческая правда события неразрывна с общественно-личным к нему отношением. Поэтому лукавым и анти-историческим является «теоретическое опровержение» кумиров исторического момента. Они упраздняются действием общества и его трибунов в насущной политической борьбе разной выраженности, но «отрицать», «упрекать» неизбежность недавно пережитой реальности – есть фантастика обывательской абстракции! И ей ловко пользуются политики-спекулянты.

Историческим будет выяснение причин именно такого хода событий, как он случился и возможной широты его вариантов. Но это не имеет ничего общего с поисками «Исторических Злодеев» и пропагандой зависимости хода истори-

ческого развития общества от личной судьбы. Живое развитие объективного общественно-исторического движения настолько превосходит нравственные силы влекомого ей дюжинного обывателя, что давно пора снять все наветы в заведомой исторической злонамеренности кого бы то ни было в эпоху революций, оставив её заместителем – полную личную нравственную ответственность и только в сознательной доле этого соотношения искать истину для отдельного человека.

Однако, поди ж, ты – «Исторические Злодеи» до сих пор в моде! Вместо художественной разработки образов выдуманных персонажей, на настоящих улицах исторические погромщики всё ещё сводят счёты с действительными, ушедшими уже, персонажами истории.

Поэтому *чувствовать* необходимо и сочувствовать тоже, а историк, который не умеет раскрыть обстоятельства общественно-личного отношения к событию и доказательно войти в него, профессионально непригоден. Исторiku недостаточно обладать слоновьей памятью на даты. Он может (и должен!) сочувствовать также и исторически умалённой стороне, но только через признание факта преобладающей стороны возможна научная объективность, которая вовсе не заключена в воплях от якобы внезапно обрётённых истин. Посетите естественнонаучные факультеты: там не поливают грязью предшествующие теории, а, преодолев их в частной, личной и порой весьма острой борьбе, в понимании проделанного труда, учитывают в картотеке...

Всё-таки странно, естественная наука за прошедшее столетие, начав с анатомии и физиологии, довела разбор «чувств» до биохимического и даже «помолекулярного» уровня, в это же время гуманитарии решительно одичали «псевдообъективируясь», видимо, не понимая вполне свою собственную методику.

Было бы хорошо, если бы историки яснее понимали свою науку и своё назначение. Ведь её положение довольно особенное. Никто не оспаривает это, возможно, древнейшее формализованное знание. Но уже в этом заключено признание его «протонаучности», младенчески слабой отделённости от географии, литературы и царице цариц – стихийному мнению толпы, то есть ежедневной политики. Поэтому даже сегодня, опора научной истории – политэкономия (обретшая причинно-следственную связь) расположена вне её, за бортом, факультативно.

Однако, исследование исторически особенностей и моментов настолько объёмно, что историей можно плодотворно заниматься не поднимаясь на этот уровень обобщений. К этой стороне деятельности историков нет претензий, за исключением того, что привычка к эмпирическим фактам снижает им планку ответственности за своё знание. Не себя же ради, они работают! и не ради самих фактов, а для увязки этих лоскутов в общее одеяло событий, по возможности, целое, без больших дыр, которым иногда надобно и прикрыться! Видимо, по архаичной закладке своего знания они не

чувствуют и потребности «ходить в обратную сторону» — для внятного обобщения результатов. Но этим оголяется часть мировоззрения обывателей, которые не умеют уравнивать множество профессиональных фактов, следовательно, доверяются случайным мнениям.

Недавно обществу понадобилось такое общее объяснение, вполне цельное и здоровое, которое ослабило бы «возникшие напряжения в политических вопросах», за которыми, однако, стоят человеческие жизни. Смогли историки его предоставить? Нет. К чему бесконечные «дефиниции», если даже среди них не обозначилась научная дискуссия? Если историки вообще неспособны к обобщениям, пусть открыто признают это, чтобы «псевдоисторики» не выступали публично с якобы научных позиций, внося сумятицу.

Сколько обыкновенных житейских осложнений вызывает политическое недоверие стран Западной Европы к России. Кажется, «эта страна» представляется им чрезмерною.... Короче, господа иностранцы боятся России оттого, что она «большая и страшная». Или страшная, потому что большая? Пусть выскажутся, наконец, ха-ха-ха! Может быть, их пугает странность такого *странообразования*? Но в этом нет тайны, которой нужно опасаться. И вот историки, в поисках прародины полян, древлян, кривичей и вятичей, почему-то забыли объяснить, что истоки такой государственности России лежат не в свойствах какого-то рода-племени («спаси и помилуй...»), а в уникальном, но элементарном политэко-

номическом явлении – достаточно уникальной (без оценки хорошо сие или худо) ресурсной экономики этой окраинной континентальной части. Огромная продольно-поперечная величина России прямое следствие политэкономического ресурса «поперечного и продольного».

Поперечный: устойчивой протяжённости торговый путь «из варяг – в греки». Кто-то тянул как ганзейские купцы торговую линию по северу Европы, кто-то на караванах по Шёлковому Пути, кто-то по «морям-окиянам», а восточным славянам, под началом то ли заезжих, то ли просто непоседливых дружин, она дадена самой природой по Днепру: от Ладоги до Тмутаракани, откуда морем до Царьграда рукой подать. Вот эта поперечная мерка: сколь не идёшь, а вокруг всё свои – и задало масштаб уже «поперечно-русского» освоения пространства.

«Продольный»: окраинность русской земли позволила пользоваться архаическим для Западной Европы зверовым пушным промыслом, доля которого в доходах казны долго была уникально высока. Русские промышленники перешли Аляску! Как не понимать причины такого мощного пространственного движения? Поэтому не стыдно ли сравнительно малоземельным европейцам выдумывать комплексы «общественного страха» перед мнимой непонятностью простейшей вещи?

"Как бы" беллетристика, но...

Лев Толстой, без обиняков – перворазрядный философ;

но не *учебный*, ранжирующий одни категории, а философ жизни, которая не может быть законченной замкнутой системой. Жизнь не логична в задатке, она стихийна — только разум способен отжать из её движения логику при желании понимать направление. В этом смысле, даже так воспеваемая творческая свобода имеет свой предел. В конечном счёте, не надо пенять философии недостаток ответов (не Платон ли начал стараться об этом?), уже достаточно, что она проясняет вопросы — «и это неплохо!», но всякий должен понимать, что только он сам определяет их пропорцию.

Толстой делает попытку воплощения философии формой искусства, то есть, художественной имитацией жизни. И какого успеха можно было ожидать? Тщетно! Увидев общество невразумляемым, он в итоге и обращается в литературе к тем грубым формам моральных проповедей, которые с тех пор не устают ставить ему же в вину Однако, оставив в умолчание «Войну и мир», как образцовый пример художественности (ещё раз — именно в степени философского влияния «ерунду», горькими словами самого Толстого), можно сделать усилие и воспользоваться книгой для оценки недостаточно проявленной действительности. То есть, не ходить по закоулкам Толстовского обоснования — найдутся охотники до этого, а, заметив главное, перейти к следствиям.

Следует отчётливо опознать тот край общей задачи, который взял на себя труд отработать Лев Толстой и не забывать о другой стороне. Кто-то понимает, но большинство — раз

сам Толстой не выставил противовеса – так и будут располагаться кособоко...

Положим так: не клянут же одну свою ногу за её отставание, покуда выставлена вперёд другая? – движение органическое нам суть движение ногами попеременное..... Неизбежно ведущая, шагающая сторона истины выносятся вперёд и в этот момент другая лишь подстраивается под общий ход. Всякую поверхностность: «не понял», «не указал», «не заметил» и проч., оставьте в работу себе. Решение любой задачи необходимо вынужденно ограничено.

Выводить «понимание» из-под «впечатления» проще с самых главных слов, вполне очевидных в литературном тексте, но оказывающимися словами специальными в тексте философском. В любом школьном сочинении на заданную тему, найдёшь, что главный герой «Войны и мира» – народ. Толстой понимал «народ» – природной, естественной формой общества, так сказать, аксиоматически (хотя сейчас уже стало ясно – так же исторически обусловленной). Позже, в «Анне Карениной» он будет искать для этой природы управление в безусловной, органической человеку этике.

Но сначала он изучает в опыте «Войны и мира» свойства этого живого вещества природы (да, да, «народа») на примере бессознательного энергетического общественного движения времён Наполеоновских войн (на деле – последствий Французской буржуазной революции). Вектор движения к поиску причин описан им на понятном литературове-

дам языке:

— «...я начал писать повесть ...героем должен был быть декабрист... Невольно от настоящего я перешел к 1825 году... и оставил начатое... нужно было перенестись к его молодости...1812 года. Я другой раз бросил начатое,... Но и в третий раз я оставил начатое... личность моего героя отступила на задний план...Ежели причина нашего торжества была не случайна, но лежала в сущности характера русского народа и войска, то характер этот должен был выразиться еще ярче в эпоху неудач и поражений...я с этого времени намерен провести уже не одного, а многих моих героинь и героев через исторические события 1805, 1807, 1812, 1825 и 1856 года»⁹.

Его беда, как философа уникальна – он слишком хорошо пишет! Толстому нет никакой необходимости «грузить» читателей философским «ассемблером низкого уровня», если ему самому удобно работать в художественном языке уровня высокого. Он слишком понятен! И до такой степени, что по внешней доступности этого языка читатели ... не воспринимают сказанное с тем масштабом смысла, который там заложен! Философия в своей естественной красоте словесного размышления, низведённая с котурнов терминологии, стала слишком понятной и... отвергнутой (как слишком легко до-

⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М., 1958 – Т. 13. – С. 54-55. (история начальной стадии рассказана в одном из черновых набросков предисловия – прим.)

ступная женщина? Х-м-м-м...)

Толстому выпало закончить художественную литературу (во всяком случае, для себя) как заведомо «серьёзное дело» – такова его неудачная попытка в духе Просвещения изъясниться о содержательных вещах изящным искусством слова. Читатели помоложе слизывают художественные сливки, оставляя горькие пилюли трудных истин неразжёванными; а став постарше уже теряют интерес к выдуманным историям, читая разве только мемуары. Те же, кто по творческой склонности сами продолжают выделять словесные вещицы, переглянувшись с улыбкой авгуров, даже не помышляют участвовать в деле блага и пользы.

Что казалось ему необходимым? Выявить, изумившую его, неодолимую силу вулканических изливов общественных движений и предостеречь, к сожалению, не воспринявших его урока, всех т.н. «культурных, образованных» людей с претензией на «личность», что если они не поспешат ко скорейшим действиям ко благу общему, то «мало им не покажется».... Во имя этой идеи, абсолютно здоровой и подтверждённой XX-м веком, он сводит почти все предполагаемые в сюжет исторически значимые персонажи «Войны и мира» независимо от их ранга в житейскую бессознательность мотива поведения, во всяком случае, определяя в поступках подавляющей долей.

На более высокой духовной ступени находятся те, кто независимо от должности (Пьер – ну, что бы это был за слу-

жака? или, скажем, артиллерийский капитан) – действительно озабочены выявлением сущностей.

Драма удара «стихией истории» по почти бесчисленным судьбам героев книги, которые воспринимаются нами так интимно, не выразить иначе, нежели художественным описанием их переживаний. Но «Война и мир» не собственно художественное произведение; как и «Анна Каренина» – это философская ПЭВМ, где под конкретную задачу заводятся и определённые данные. Толстой вынужден усреднять и подгонять под идею в литературном живописании даже исторические лица, которые могли быть упомянуты только под собственными именами, сдвигая их мотивы во имя более цельного выражения главной идеи. Это не ошибка, а неизбежность метода; но теперь следует отчасти восстановить эту «историческую справедливость» и не ради неё самой.

Фокус конкретной философской задачи ныне сместился, и бывшее прежде неважным, стало более значимым. *Тогда* условные *мы* не понимали, что дробь отношения, неизмеримо возросшей массовидности общественных движений, к намерениям *личности* пересчитает знаменатель в ничтожные значения; теперь столь же важно понять, что вернуть его в значимые числа можно только солидарностью, основанной на сознании совести. Вряд ли этот термин будет с ходу понятен, кажется, он уже и не вполне переводим на многие языки; оставим его пока в умолчание. Главное в нём то, что личность вновь получает значение, ибо «совесть» неприложима

к нравственной *дряни*, что именно русские должны бы ещё помнить. Хотя и понимать есть что – разумеется, здесь присутствует добротное политэкономическое содержание; но и просто помнить – неплохо: как ни удивительно, совесть переживает в чувствах... Самое важное, что всегда есть надежда «обратимости этой реакции». Надежда только на это.

Непохожее тождество: Толстой, Верещагин

Да, трудно проводить философскую идею в столь художественном произведении. И не потому ли, что искусство направлено на отклик тех самых бессознательных чувств, что дойдут ли до конкретного, пардон, интеллекта? А, с другой стороны, работы многих историков, где ожидается объективность интеллектуальности, вдруг оказываются полны самой оголтелой спекуляцией! Зачем? Во имя чего? Неужели пресловутая «научная объективность» сама по себе настолько слаба, что, казалось бы, посторонний к делу художественный талант есть единственно возможная ответственность перед сколько-нибудь целостной правдой жизни?

С подачи модного, «блестящего» медийно историка Понасенкова уже пошёл блуждать в публичных дискуссиях хлёсткий упрёк – зачем бы это надо было Суворову забираться в Швейцарию? Дескать, уж не из глупости ли? Нет! Мы помним, что Суворов даже без первых бы на то причин должен был спасать от уничтожения, совсем не по союзнически оставленный австрийцами, увязший корпус Римского-Корсакова. А сам Суворов тем временем собирался буквально

«в другую сторону» и был принуждён к швейцарскому походу лишь европейской политической интригой. Что ж, надо признать, что эти, тем не менее, дипломированные и даже остепенённые историки, для своих псевдооткрытий вполне могут, рано или поздно, рассчитывать на накопившееся невежество аудитории.

Но разве знание фактов здесь первая линия обороны? Безупречную, всемирную воинскую славу гениального полководца пытаются колебать! Повторяющие теперь ложь о нём, во-первых, не знают, не чувствуют личности Суворова, чтобы на такие заявления, первым делом, сказать: «Э-э-э, да ты, поди, врёшь!». Но скольким уже обывателям Суворов известен только абстрактно, кривым анекдотом?

Если выяснилось, что халтура развлекательных телепередач и «шоупроектов» замещает место, отвлекает необходимое время, которое «среднестатистический человек» может ежедневно уделить культурному самообразованию, то подельщики такого времяпрепровождения весьма грешны со своими лицемерными оправданиями о той «кнопке», которую всякий волен переключать.

Велик же тогда долг истинного художника! Тем более, что даже гениальные из них не всесильны. Если присмотреться, Толстой отнюдь не сразу ушёл в схиму *притчевой* публицистики. Это случилось ещё в Севастополе. Если без ханжества, что может (долженствует!) быть интереснее «военных рассказов» с описанием захватывающих боевых при-

ключений? Но публика, начиная с Государя, не обнаружила в «Севастопольских рассказах» того, что ожидала! Причина? Описанная уже им Кавказская война – горская, во многом молодецкая, с заметной долей «нерегулярности боестолкновений» и оттенками стиля русского байронизма. Похоже, что новый театр военных действий так удручил его машиной убивания людей невиданной ещё отлаженности, что он отказался от самой допустимости изображения войны в художественном подобию. Ну, вот в рассказе «Севастополь в мае» есть натуралистическое описание, как офицер на вылазке наповал убит осколком гранаты: «Прикинь!» – как говорит нынче молодёжь...

«Ввиду наличествования» этого повествования, от эстетической убедительности которого буквально холодеет кровь, Толстой по результату своей работы мог почувствовать... греховную недопустимость художественного описания войны вообще в любых эстетических приёмах. Даже в этом рассказе с предельной попыткой изъять рациональность из военной гибели – налицо ограничение метода! Он со всей своей уникальной тщательностью обследует все закоулки сознания военного героя – и не находит там ничего, кроме... самого естественного желания – жить! и, насколько это может быть в невозможных условиях, жить «по-человечески»..... Героизма нет, а если есть, то он и состоит только в этом требовании прав самой жизни, в самых обычных её проявлениях там, где этому препятствует совершенно недо-

лимая сила смерти.

В другом виде искусства – живописи, то, что можно по туркестанским впечатлениям с грудой черепов художнику Верещагину, чьё безусловное отвращение войной не загораживает эстетика живописная, в литературе может быть невозможным. Даже честное литературное описание не может отрицать войну: во-первых, общественная допустимость её превосходит личное самосознание воина, во-вторых, голос описывающего всегда есть голос живого автора, звучащий в читающем, что создаёт ощущение как бы заведомого бессмертия. Эстетика литературы имеет привилегию через слух и даже чтение возникать внутренним голосом.

Стоит только позволить себе увлечься, выйти из этой правды, эстетика литературы придаст очарование любому преступлению, даже в документальном описании очевидца.

– «Семьдесят жерл рыгнули адом, и град картечи зазвонел по железу ружей, застучал по живой громаде костей и мяса. В одно мгновение Московский гренадерский, Шлиссельбургский пехотный и пехотная бригада генерала Сомова, склоня штыки, ринулась на него с жадностью. Французы всколыхнулись, но, ободрясь, они подставили штыки штыкам и стали грудью.

Произошла схватка, дотоле невиданная. Более двадцати тысяч человек с обеих сторон вонзали трехгранное острие друг в друга. Толпы валились. Я был очевидным свидетелем этого гомерического побоища и скажу поистине, что в про-

должение шестнадцати кампаний моей службы, в продолжение всей эпохи войн наполеоновских, справедливо наименованной эпопеею нашего века, я подобного побоища не видел!

Около получаса не было слышно ни пушечных, ни ружейных выстрелов, ни в середине, ни вокруг его; слышен был только какой-то невыразимый гул перемешавшихся и резавшихся без пощады тысячей храбрых. Груды мертвых тел осыпались свежими грудями, люди падали одни на других сотнями, так что вся эта часть поля сражения вскоре уподобилась высокому парпету вдруг воздвигнутого укрепления. Наконец наша взяла!»¹⁰.

Кажется, об этой специфической красоте, «старики», которых уж более и не будет среди нас, намекали в Гомере. Так что неспроста в «Севастопольских рассказах» Толстой ограничился как бы абрисом впечатлений от вполне «гражданской» прогулки по Севастополю, правда... под бомбами.

Кстати, род «художественного оружия» имеет гораздо более определяющее действие на творческую судьбу, чем кажется. Верещагин – современник Толстого и, без сомнения, его читатель. Однако же, кадровый морской офицер, выучкой не уступает «армейским», то есть, не только баталист. В передовом окопе Верещагин не только на зарисовках, более

¹⁰ Д.В.Давыдов. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Davidov7/index.html>

того – всегда вооружённый волонтер, причём, прославленный личным героизмом. Эстетика живописца, гуманистического свидетеля ужасов войны (его кредо), ни в коей мере не мешает ему воевать!

Казалось бы, он противоположен Толстому, «простившемуся с оружием», но это поверхностное суждение. Ведь он отказывается от всех наград, положенных за его подвиги. Участие в бою есть его право на правду о войне, а живописный художественный метод позволяет ему предъявлять эту правду обществу. Но Толстого именно эстетика литературы привела к недопустимости, как описания войны (как он мог бы (!) это сделать), так и к скандальному отрицанию воинской повинности; причём, не «альтернативным хлюпиком», а в полном достоинстве личного отказного молодечества. Получается, что оба наших кавалера – положенных им и не полученных наград – полностью нравственно воссоединились и заединились в идее гуманизма....

Понимали ли «глупые люди прошлого» такие тонкие оттенки их искусств? Вполне. Подготавливая серию картин «1812 год», художник не может пренебречь составлением собственного взгляда на события и набрасывает весьма объёмный литературный конспект исторических материалов на тему 1812 года.... По праву своего, относительно литературы, художественного метода, Верещагин пишет: «Литература всех родов уже занималась... , но живопись – искусство сравнительно отсталое в умственном отношении, как требу-

ющее трудной специальной техники...»¹¹.

В скрытом (в смысле, необъявленном) диалоге с Толстым в объяснении причин войны, он уже в предисловии сдвигает акценты «описания события» к более «обыденно-понятному» для нас, именно потому, что сам свободен от необходимости доказывать идею, имея привилегию «показать» своё внутреннее впечатление. Он правильно осложняет мотивы Наполеона, придавая значение, в том числе, и личным (вроде бы) обидам «великого корсиканца» на Россию: во-первых, неприятием в русскую службу (у Толстого об этом ничего); во-вторых, перипетиям с неудачным сватовством к сестре Александра I (у Толстого упомянуто только как факт).

Но и Верещагинское изложение далеко не полно: эта «многоходовка» дошла до поступков важных для участников, но, которые многим сейчас уже представляются опереточно-смешными. Но ведь предпочтением достойного, но скромнейшего герцога Ольденбургского, великая княжна Екатерина Павловна могла вызвать у «властелин мира» действительную (!) обиду! По крайней мере, оскорбить тщеславие – формального предлога для отказа ему не было! Манкировать в его отношении династическими основаниями и ради чего или кого? В династических браках почти невероятно выкроить место для чувственной романтики, но, как ни удивительно, здесь было нечто подобное.

Екатерина Павловна, очевидно, что более братьев испол-

¹¹ В.В.Верещагин «1812. Наполеон в России I» М.: Сов. Россия, 1990

ненная государственной смётки, однако же, замечена и в сильных чувствах. Более того, за ней известны компрометирующие письма! А Бонапарт, захвативший ничем не угрожавшее ему весьма небольшое немецкое герцогство Ольденбурга, должен был понимать, что, оставив зятя «брата своего, Александра», как ему нравилось называться, «без кола, без двора», в свою очередь, нанёс уже тому неизбывную обиду, так как сестра русского императора, получается, вышла замуж за «голь перекатную»! Да и само это герцогство, на самом деле, для Гольштейн-Готторпской линии Ольденбургской династии немецкой аристократии и является настоящей родиной псевдо-Романовых, к несчастью для России правивших непонятной для них огромной страной.

Эти дополнительные личные поводы к войне совсем не легковесны: одной из главных задач Бонапарта было утвердить завоёванный личный статус, уравнивать с династическими правами старой аристократии Европы. Отсюда взялся сам «император» вместо бывшего «гражданина Бонапарта» и новые атрибуты..... бывшей республики.

Верещагин описывает свой вариант хода войны обыденно, почти вопреки Толстому, не утрируя «программную» тому независимость исполнения приказов подчинёнными от распоряжений начальников. Но вполне понимает его мысль, только отодвигая её дальше на действительное место: «... всесветно признанный ум и военный гений, наперекор указаниям своей опытности и опытности всех своих ближай-

ших помощников, не может, несмотря на многократно выраженное твердое намерение, остановиться, а фатально идет все вперед и вперед, идет в самую глубь вражеской страны на сознаваемую всеми окружающими его гибель!». Верещагин также хорошо видит невозможность общественно-бессознательной частной личности любого ранга выскочить из социальной машины, когда она запущена. Совсем плохо, когда нажатой собачкой спущен курок подготовленного общественного стрелкового механизма. Точно то же случится в 1914-м году.

Уместно заметить, насколько художественная глубина задачи живописца честнее выражена относительно технической задачи, казалось бы, более непосредственно объективного, современного нам, фотографического искусства. У этих быстро происходит «выгорание» в чувство моральной недопустимости изображения смерти именно из-за пропуска стадии душевной работы над будущим изображением. Фотографу технически затруднено, уместное бы, творческое преобразование, особенно в начале «процесса светописи». Во всяком случае, оно чрезвычайно неравномерно. Он отказывается от аппарата, и, скорей всего, вообще окончит скороспелым пацифизмом; и, в конечном итоге, не пацифизм плох, а его скороспелость. В передовых окопах среди боевых товарищей, странно было бы корчить из себя белоленточника. Отговорки нейтральностью? Пустое! С фотоаппаратом же несостоявшийся «художественный свидетель вре-

мени» удаляется с посттравматическим синдромом, а... дело не сделано.

Своевременный протест свидетеля против войны не выставлен «отсутствием такового». Не отсюда ли пробелы, казалось бы, вездесущих информационных коммуникаций? Хотя даже в Европе стали возможны местные войны, а чуть не у каждого «на лбу» фотографический аппарат или видеокамера, но травмирующую обывателя истину показывать нельзя. С этим трудно спорить, так как натурализм, действительно, есть предельно ограниченный художественный метод, не подходящий всякому документальному снимку и, оказывается, что «бал правит ложь» – недостоверность видимого глазом порождает недостоверность бытия: раз нельзя увидеть, значит, этого нет....

На самом деле, всё ещё хитрей: живописец бесстрашно кладёт основанием овеществлённого в картине заявления своё личное отношение к изображаемому по неотъемлемому праву личного творения художественной истины. Фотограф, не владеющий своим художественным методом, стыдливо прячется за обманчивой «объективностью» своего объектива. Он не понимает, что единственной мерой этой объективности является не изображённое, как бы внешне правдоподобно оно не выглядело, а его собственная репутация, как «снимателя» теми ракурсами и из тех точек, которые способны передать его личное отношение к светописной картинке. Это гораздо более опосредованная форма высказывания,

поэтому искусство фотографии, при абсолютной массовости употребления, относительно более редкое в истинной выразительности само по себе. Тем более, что эта репутация может незаметно переходить от фотографа к уполномочившему его учреждению, например, технические, «инженерные» и прочие подобные документы, действительно отчуждённых от фотографа, задач

Фотограф моментально («мо-ментально») должен поймать совпадение независимого от себя момента действительности и душевного (ментального) ему сочетания. Но, подчас, и душа не вострится, и саму картинку приходится «ставить», как получится: натуральным видом, аппаратно или в обработке готового снимка. Но и это бы ничего, но ставший горделиво первый раз на коньки, малыш, вдруг шлёпается о лёд. Для психологии прекрасно, но ни один из двух кадров не годится для политической истории. Каждый из них слишком моментален и не выражает ничего... в обход репутации фотографа, который и будет выбирать, что более соответствует действительности, по его мнению. Пережитая не так давно историческая эпоха вымарывания фотодокументов как раз любопытна тем, насколько общественное бессознательное могло принимать иллюстративное подобие документальности за объективный факт чего-то. Собственно, на этом же кормится и «жёлтая пресса».

Внимательней к обобщениям!

Насколько трудно или легко наблюдать исторические опы-

ты можно заметить на простом примере. За последние сто лет стало ясно, что раннебуржуазное представление мироустройства в простой схеме из «цивилизованных белых людей» и «колониальных дикарей» неверно в грубой схематичности, ведь и сама Европа градуирована оттенками исторического времени. Разве не порицается сейчас в общем национальная идея? Разве не имел в виду Гитлер, нападая на СССР, этот фактор, как однозначно усиливавший его (по придуманным причинам), но ослабляющий противника? Разве он не был прав, исходя из современной моды оценки этого фактора?

На самом деле, не понимая действительности, а сочиняя желаемую ему, он жестоко ошибся, накликая на себя общественную противофазу. Тогда в СССР деятельное национальное самосознание не разрывало государство, а напротив – возрастая, самоотрицалось же, передавая энергию политическому жизнеустроению более высокого порядка – интернациональному. Современные российские «т.н. либералы», полагая в собственно национальном устройстве СССР, «заложенные Сталиным мины» этого не понимают и не способны работать в этих категориях. По недостатку опыта наблюдения действительности, такие теоретики общественных наук – исторических обстоятельств не разберут.

Удивительна невразумляемость к совершенно ясно изложенному решению, например, противоречия, которое невозможно обойти. Что мешает пониманию этой простой идеи?

Злобное самомнение? Неужели так трудно заметить действительную ограниченность своего личного сознания? В послесловии Толстой говорит: «Такое событие, где миллионы людей убивают друг друга и убили половину миллиона, не может иметь причиной волю одного человека... Зачем миллионы людей убивали друг друга, когда с сотворения мира известно, что это физически и нравственно дурно? Затем, что это так неизбежно было нужно, что исполняя это, люди исполняли тот стихийный зоологический закон, который исполняют пчёлы, истребляя друг друга к осени... Другого ответа нельзя дать на этот страшный вопрос. ... мы все убеждены, что каждый поступок наш имеет основанием разумные причины и наш произвол и что от нас зависело поступить так или иначе..., мы распространяем сознание нашей свободы на все наши поступки.... И ошибка, производящее противоречие, происходит только оттого, что сознание свободы, законно сопутствующее каждому поступку, относящемуся до моего я... я неправильно переношу на мои поступки, совершаемые в совокупности с другими людьми и зависящие от совпадения других произволов с моим....»¹².

Нет! С упрямством маниаков «образованные и интеллигентные» люди всё вычёсывают блох «исторических злодеев» и не могут без кукиша пройти мимо пресловутого Сталина; всё никак не втемяшатся им слова Толстого: «Самая сильная, неразрываемая, тяжёлая и постоянная связь с

¹² В.В.Верещагин «1812. Наполеон в России I» М.: Сов. Россия, 1990

другими людьми есть так называемая власть над другими людьми, которая в своём истинном значении есть только наибольшая зависимость от них»¹³.

Внятно изложенный Толстым даже простейший пример сцепленности механизма социальной машины до сих пор остаётся непонятным? Какие тут, в самом деле, «мозги нации»... Измените цель общества, то есть личное желание большинства – и переменится её выразитель. Как сказать проще? Сложнее другое: могут «верхи» навязывать ложную цель? Вполне, но так как частное меньше всеобщего, частная корыстная цель приведёт к краху всего общества, которое поддалось лжи. Это случилось в националистической Германии, потому что общность уже была ослаблена буржуазностью (термин «нация лавочников» более содержателен, чем кажется) в ограничении универсальности потребного: «без евреев, без цыган, без коммунистов» и так далее. По-настоящему должно поступать наоборот – из наиболее широкого обеспечения жизни общества, тогда общее будет выделять необходимое частное во временно наиболее важное.

Что было предоставлено Толстому в историческое обозрение замысла книги? Политическая французская история в 1800-м году политэкономически опережает (и то, между прочим, если так это понимать...) «русский ход» на 100 лет. Она уже гораздо яснее представлена наличными и чётко очерченными сословно-классовыми интересами отдельных

¹³ Там же

слоёв общества.

Русская история не предоставляла к 1812-му году выраженного внутреннего политического обострения, лишь позже проявившееся по внешнему поводу войны – так называемое, «патриотическое движение» или, как определил Толстой точнее – «дубину народной войны». Это движение возникло закономерно по тогдашним условиям народной жизни и в России, кстати, практически синхронно испанскому, тоже «антифранцузскому». Как мощно проявившаяся стихийная общественно-историческая сила, она захватила внимание Толстого, оценившего этот громадный противовес «снизу» – машинерии правящих классов «сверху».

И... с этого момента, не затрагивая эстетику «ВиМ», появляются вопросы к теоретической части. Выбор Толстого понятен, но, к сожалению, ему не было видно различие этих моделей. Вот его частная историческая ошибка, которая не имеет отношения к правильным выводам философской части: «В 1789 году поднимается брожение в Париже; оно растет, разливается и выражается движением народов с запада на восток. Несколько раз движение это направляется на восток, приходит в столкновение с противодвижением с востока на запад; в 12-м году оно доходит до своего крайнего предела – Москвы, и, с замечательной симметрией, совершается противодвижение с востока на запад, точно так же, как и в первом движении, увлекая за собой срединные народы. Обратное движение доходит до точки исхода движения на

западе – до Парижа, и затихает»¹⁴.

Действие и противодействие здесь не стороны одного процесса, а имеют разные причины! (всё тот же афоризм Конфуция). Толстому это простительно; что ни говори, до него случилась только одна классическая (как мы теперь понимаем) новоевропейская революция – Великая Французская. Позже выявившиеся закономерности с Великой Октябрьской со всеми Февральскими этапами, настолько бросаются в глаза, что отличить буржуазную ажиотацию от феодального оборонничества можно без труда. (Сюда же следует отнести постоянно вбрасываемую идею о «равенстве греховности» немецкого «национал-социализма» и русского «коммунизма». Тупое нежелание понять эту разницу может принести лодырям, это твердящим, большие неприятности...).

Поупражнять различие можно на соотношении исторической правды и художественной, о которых Толстой упомянул в послесловии. Причём, его надо не только правильно понимать, но и понимать, почему его можно понимать неправильно!

«Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различных предмета. ... В описании самих событий различие ещё резче и существеннее. Историк имеет дело до результатов события, художник – до самого факта события»¹⁵.

¹⁴ Л.Н.Толстой «Война и мир», т.4, часть вторая, гл.1

¹⁵ Л.Н. Толстой «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»

Во фразе Толстого логика языка снова вывела на слово «событие», которое, как помним, нельзя понимать упрощённо. Ясно, что Толстой под «результатами» (для историка) понимает факты событийных последствий, а под «фактом» (для художника) субъективные условия вокруг произошедшего события. Но внимание к перетеканию одного в другое (для кого-то и размывание) замеченное ещё Конфуцием, сейчас ещё более рассеивается из-за утраты этой самой «правды чувства».

Ещё недавно, хотя бы во времена Толстого, «правда и ложь», «добро и зло» насущно опознавались (чувствовались) и требовались в народной жизни с выбором в общественную пользу: «И не нужно барыша, коли слава хороша». Конечно, это могло продолжаться до той поры, пока общественная жизнь плотностью патриархального уклада культурно восстанавливала такие личные альтруистические затраты.

А сейчас желтоватотаблоидные «средства массовой коммуникации» приучают к тому, что даже дурная слава меркантильно полезна, шум вместо смысла выгоден и тому подобное – в том-то и штука, что массовая буржуазность противоположна народности. Никто не замечал в этом беды, потому что, если буржуазность становится в обществе преобладающей формой исторического прогресса, то пропаганда личного благосостояния легко затирает благотворность *советского-по-духу* перераспределения общественного про-

дукта. Когда цена уплачена – буржуазность постепенно глушит нравственные ценности бессознательной общности народа, позволяя (пока ещё) разве что личные культурные усилия *троглодитов-совестивцев*. Конечно, в этом нравственном единоборстве приветствуется каждая победа личной нравственной целостности над уже ущербной бессознательностью, но им (и нам) уже совсем нелегко.

Капитализм вообще чреват избыточной идеологией национализма, закономерным вырождением (переизбытком) своей когда-то прогрессивности преодоления феодализма словесий. Именно поэтому в особенно смещённых условиях немцы подпали под идеологию превосходства своей национальной исключительности. Путь от бессознательной народности, что не давала свалиться в подобное общественное сектантство сознательным выбором общественного блага, идёт через личность, которую как раз буржуазность стремится извести под корень, так как «особенная личность» противостоит функции «стандартного потребителя» в товарном обороте. А воспетая «капиталистическая конкуренция» есть не что иное, как межеумочное состояние, суррогат в виде частичного осознания индивидуалистической задачи за счёт бессознательного подавления своего же общества (или «безболезненно» – далёких колоний). Нет, это действительно очень высокий психический уровень развития... для животного. Если бы животные могли говорить, то большей частью представлялись бы «индивидуальными

предпринимателями». Но ведь даже среди них есть уже отходящие от этого обычая...

В известном смысле продолжение всё той же «Марксовой истории» таково: капиталист всё-таки удрал от им предполагавшегося могильщика – пролетария. Теперь индивидуализм буржуа-предпринимателя будет вызывать свою противоположность из потребителя – индивидуалиста «потребительского отказника массового товара». Чёрный «Форд» модели «Т» обернулся уже таким разнообразием марок... не переходит ли это в игру? Последние скандалы «Фольксвагена» и некоторых японских автопроизводителей с фальсификацией «качества выхлопа» их двигателей показывают, что суперпромышленный «псевдотовар» не за горами.

В капитализме плохо то, что даже если он *удовлетворяет*, то примитивно, машинерно, только потребителя. А это не живое дело. Живой организм если потребляет, то и равновесно жертвует. Абсолютное потребление заведомо непосильно психике сознающего рассудка, это сводит его с ума. Это и не вчера началось: многие богачи (и капиталисты) впадают в благотворительность не из сиропных настроений, а из непереносимой противоестественности своего общественного положения.

Одна из заслуг биологии XX-го века это проникновение в экологию природы. Всякий организм платит собой в кругообороте живого и порождён этим кругооборотом. Человек даже причудами своих похоронных обрядов решительно вы-

делился из природы, но и толку? Он должен вернуться в природу не своим бранным телом (кому оно там нужно?), а на своём уровне разумного обустройства чего-то, что ещё предстоит понять.

Философия персонажами «Войны и мира»

Чем ближе всякое художественное произведение (равно и роман «Война и мир») к завершению, тем более оно матереет в своей целостности и автору порой проще сжечь рукопись и начать новую, чем вносить исправления. Тем более, не подobaет читателям вторгаться в замысел, даже если открывшиеся исторические факты (а они есть) не ложатся в его оригинальную канву. Даже мысленно вбрасывать их туда бесполезно, ведь художественная правда есть сбалансированный образ, где автор-арбитр, зевнувший нарушение правил одной командой, даст послабление в урочную минуту другой, своей волей восстанавливая баланс обрётённой верности их отношений. Произведение сильного художника само обретает значение временной оценочной точки.

Чтобы разобраться в обустройстве «мира», который способен выдержать «войну» хотя бы метафизически, надо задать правильные вопросы, которые под роскошными чехлами Толстовской эстетики покажут укрытые там приборы. Повествовательная их последовательность здесь не важна, так как выясняется не сюжетное применение, а прикидывается общий философский эквивалент кумулятивного заряда заложенной концепции.

Литературоведы, застолбившие книгу для своей профессиональной епархии, костыми лягут, но, вопреки самому Льву Толстому, не сойдут со своего определения «романного эпоса». Поэтому на вопрос: «Кто главный герой?» от них сразу выстроится перворазрядный перечень: Андрей Болконский, Пьер Безухов и так далее. Если по требованию единства мысли настаивать на единичности, то они признают таковым разве только сам «народ»

Читательнице свободной в прихотях никто не может помешать выразить чувство, назначив себе в премьеры, например, Долохова (есть, есть греховодницы...). Дело в том, что привычно-учебный литературоцентричный ряд образов строится из неверно понятой идеи произведения. Грандиозная художественность застит литературоведам глаза, искажая главный план замысла. Напряжение творческих начал в духовной ментальности Толстого достигает, по сути, противостояния. Он слишком хорошо пишет! Настолько, что читатели не замечают или с ходу отвергают всё, кажущееся им посторонним в этой иллюзии жизни.

Определяющий главный герой среди сонма образов «Войны и мира» действительно есть и увидеть его однозначность совсем не трудно, если философскую часть «о народе» не впускать вынужденно в холодные сени художественного особняка, а, наоборот, художественность принять драпировкой или только привлечённым инструментом.

Если взять (а иначе никак нельзя), ведущей тему «наро-

да», то есть природного, бессознательного материала истории, пребывающего в «личности» лишь насущно физически, но пока не осознанной культурной задачей (обозначенной в полумифическом Платоне Каратаеве), то его образным alter ego среди действительных личностных персонажей романной части является... Николай Ростов.

Он и есть тот среднестатистический *общечеловек* (без выраженных свойств каких-либо «уклонов» прочих персонажей), что пребывая в здравом рассудке (это слово важно), многое переживая, принимая всё и участвуя во всём, что подобает «порядочному человеку», тем не менее, так и остаётся «в массе своей» не выполнившим метафизическую задачу при всей окончательной невозможности этого – перейти в... в... неужели же «сверхчеловека»?!. О!! Вот уж «ужас ужасный!» психосоциологии современности! А, на самом деле, требование нравственного саморазвития, выдвинутое буржуазным романтизмом. Но, едва отработав байронизмом «долю малую» усердия, оно сразу съехало в дурную претензию, да ещё обернувшись таким дурацким самоназванием.

Собственно, о чём шла речь? Всего лишь снять сознание с автомата привычки и всякий раз, помышляя о чём-либо, делать хотя бы небольшие усилия – «да во благо так ли?» и... дожимать себя до решения. Не нужно громохание «сверхчеловеком» и нет ничего общего с «суперменом», но такая перемена превзошла бы детские мечты о «суперсиле»...

А как же Болконский и Безухов? Они ли не герои? Они

ли не «экстрачеловеки»?! Хм.... да, но это – аристократы! Яркой, ярчайшей картиной аристократической жизни Толстой задевает верную струну в душе каждого человека. В том прямом смысле, что всякий понимает: имея случай рождения и воспитания отличный от обычного, немудрено и духовный уровень запросов иметь неординарный и предполагается, что завидный....

Так Николай Ростов вроде тоже из графьёв?! Но так Толстой и утверждает, что порядочный человек не должен полагаться лишь на внешний случай обеспечения своей претензии на особенность, хотя сословность им-то ещё помогает..... Все эти герои: Болконский, Безухов, Ростов – литературные объекты, выражающие совокупность любого обычного человека, в котором есть и особенное и всеобщее. Болконский, Безухов выработали потребность саморазвития и представляют вектор движения. Но, по закону природы – общего больше, поэтому и главная задача принадлежит «Николаю Ростову» нашей души.

Проверочные пункты такого утверждения практически в каждом появлении образа Николая Ростова. Но достаточно и трёх примеров:

Пример первый – том 1, часть 2, глава 21-я. После Шенграбена раненый Николай, наконец, нашёл приют на лафете «Матвевны»:

– «Ростов не слушал солдата. Он смотрел на порхавшие над огнем снежинки и вспоминал русскую зиму с теплым,

светлым домом, пушистою шубой, быстрыми санями, здоровым телом и со всею любовью и заботою семьи. «И зачем я пошел сюда!» — думал он.

На другой день французы не возобновляли нападения, и остаток Багратионова отряда присоединился к армии Кутузова».

Цитату можно сопроводить таким комментарием.

Биологическая эволюция организмов на следующем витке саморазвития природы дополняется историческим прогрессом людей. Стало быть, прогресс (может и должен) не противоречит природе антагонистически и, конечно, всячески приятен нам, как нашему же порождению. Но нельзя совать пальцы в электрическую розетку, то есть, надо уметь пользоваться предметом, понимая его свойства. Этот облегчающий жизнь прогресс есть результат подвигов преимущественно «мужского мира» — расходных «Y» — хромосомных особей с генетически заданной задачей: «себя не жалеть!» ..., ну, вот они себя и не жалеют.

Здесь для подавляющей психической «общегуманитарной» нормы проходит водораздел между преимущественно мужским и женским; на что нынешняя «цивилизация» скудоумно посягает в своей вывернутой наизнанку «толерантной однополости».

Этот архетипический вопрос задаёт себе каждый (!) по преимуществу мужчина ибо рано или поздно оказывается в этом положении, ведомый своим преобладающим инстинк-

том жизни – преодоление чего бы то ни было, невзирая на что бы то ни было. Причём, ради этого, подчас, он оставит и любимую подругу. Толстой так это правильно понимает, что мысль Николая оканчивает восклицательным знаком, а не вопросительным, так как каждый мужчина уже знает ответ изначально – он рождён преодолевать. Преодолевать всё: и страх первого прыжка с высокой ветки и, если придётся, самый страх смерти, так как сам страх осознания смерти есть вызов. Ещё много раз в жизни он ухмыльнётся: «Какого же чёрта я тут делаю?!» и всё равно будет лезть на рожон там, куда вынесет его стихия.

– «Мне было тогда немного более двадцати лет; я кипел жизнью, следственно, и любовью к случайностям К тому же жребий мой был брошен, предмет указан и солдатским воспитанием моим, и непреклонною волею идти боевою стезей, и неутомимую душою, страстную ко всякого рода отваге и порывавшеюся на всякие опасности; но, право, не раз в этом двухсуточном бое проклятая Тибуллова элегия "О блаженстве домоседа" приходила мне в голову. Черт знает, какие тучи ядр пролетали, гудели, сыпались, прыгали вокруг меня, рыли по всем направлениям сомкнутые громады войск наших и какие тучи гранат лопались над головою моею и под ногами моими! То был широкий ураган смерти, все вдребезги ломавший и стиравший с лица земли все, что ни попадало под его сокрушительное дыхание, продолжавшееся от полудня 26-го до одиннадцати часов вечера 27-го числа и пере-

сеченное только тишиною и безмолвием ночи...»¹⁶.

Это может кончаться войной? Да, но война это лишь временно неизбежная социальная машинерия обычной драки. А через драку проходит любое животное. Но уже высшие животные – млекопитающие (они же звери) научаются в огромной мере замещать драку игрой или ритуалом поединка. Разве спорт не дальнейшее развитие этой психической способности? Но олимпийский принцип «не победы, а самовоспитательного участия в соревновании с самим собой» – вновь вырожден только для зрелища или профессии. Лучшее окультуривание безусловно необходимого инстинкта, снова срезалось.... (Недаром торгаши попросту продали Олимпийскую хартию, видимо самим себе...)

Очень просто схватить резонёра за фалду фрачишки: он с интересом обсудит случаи подросткового суицида; наверное, заключит, что Лермонтову-Есенину-Маяковскому (нужное подчеркнуть или добавить) уже «не нужно было жить», но сделает жёсткое непонимающее лицо к наличию людей, которые не ужасаются войны по причине крайней степени выраженности... душевного здоровья, что, однако, понятно любому уравновешенному человеку.

Впрочем, дурацкое восхваление храбрости и храбрецу неприятно, поэтому маршал Ланн уравновесил его словами :

¹⁶ Д. В. Давыдов. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Davidov77/index.html>

«Гусар, который не убит в 30 лет, – не гусар, а дрянь!». Свое смертельное ранение ядром он «отложил» до 36-ти лет.

А бывает, что урок скромности об этом приходилось куртуазно преподать и русской императрице

– Впрочем, Екатерина заметила вдруг: «Если бы я была мужчиной, я была бы убита, не достигнув капитанского чина»

– Князь де-Линь с живостью возразил ей: «Я нисколько не верю этому государыня, так как я нахожусь ещё в живых!»¹⁷

А как может быть иначе? Молодость вовсе не берёт для себя смерть за сущее, для неё это самая фантастическая идея в мире. Страданий калеки она рассчитывает избежать наивной верой в своё преувеличенное счастье. Ощущение состоятельности и риска окончательно переводит предмет из реально ужасного даже в мечтательно желанный.

– «При моем пылком воображении и уме, жадном к новостям, при страсти к военной службе, правильное к войне, я обрадовался предложению моих родственников. Зная, что Наполеон помыкает польским войском по всей Европе, я надеялся побывать в Испании, в Италии, а может быть, и за пределами Европы... Вот что меня манило за границу! Ни одной политической идеи не было у меня в голове: мне хотелось драться и странствовать. С равным жаром вступил бы

¹⁷ Из записок графа Ф.Г. Головкина Русская старина 1896 ноябрь т.88 <http://www.runivers.ru/upload/iblock/72e/88.pdf>

я тогда в турецкую или американскую службу!...»¹⁸.

Полагать победу над войной в некоей *миролюбивой* морали не только глупо по доводам, это глупо самой природой нравственного здоровья. Речь может идти только о недопустимости создания условий к войне. Вот те, кто предполагает возможность устройства государственного насилия есть объект заботы «суда общественности». Но не те, кто вынужден защищаться: «Восток – дело тонкое!».

Некие «мамочки» для своего спокойствия, может быть, захотят лишать мужского достоинства (понимайте, как хотите) ещё в пробирках, но «это уже будет другая история». Поэтому бесполезно отнимать у мальчика определённые предметы и шитьём пытаться переделать его природу. Рано или поздно он сошьёт мундир... и правильно сделает! Это будет очень культурный мундир, всем на загляденье! Да, и не забываем тот же – и так же принимаемый вызов в божественных строках Пушкинского: «Чертог сиял...» и, подытожив наконец, словами Толстого:

– «Графиня Марья ревновала своего мужа к этой любви его и жалела, что не могла в ней участвовать, но не могла понять радостей и огорчений, доставляемых ему этим отдельным, чуждым для нее миром»¹⁹.

Обозначен самый общий бессознательный природный ин-

¹⁸ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Bulgarin/Bulgarin_6_5.htm /

¹⁹ Л.Н. Толстой «Война и мир»

стинкт по его общечеловеческому значению, который воплощается в исторических формах. Николай Ростов его переживает... но никакого движения мысли о соотношении «цены» и «цели», что было бы культурной работой «личности» нет. Он приравнен бессознательной стихии природного народа.

«Природный народ» почти бы тавтология, но так лучше заметен смысл термина, который предъявляет наличный переход предыдущей формы движения материи – биологической: «на-род», народившееся человеческое вещество жизни – в следующую, более высшую – психически-духовную, так как безусловный, бесструктурный, безатрибутный народ по своей первичности содержания жизни абсолютно суверенен в праве на неё.

Как известно по статье 3-й Конституции РФ «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Народ есть конкретное материальное воплощение человечества (поэтому каждый даже малый народ есть абсолютная универсальная «бесценность»). Но порождённый непосредственно природой, поэтому не нуждающийся ни в каких дополнительных определениях, он должен воплотиться в личности каких-то людей, чтобы предъявить свои политические (в пределе развития) права.

Соответственен парадокс, если угодно «демократического статуса общества» – эти люди или совершенно не могут быть случайными или должны быть совершенно случайны-

ми. (И невозможно требовать свои права заочно, «отсиживаясь», тем более получить их, но только становясь личностью и с тем большим вероятием; а для начала хотя бы подтвердить своё «личное» существование на избирательном участие).

Пример второй – том 2, часть 2, глава 20-я:

– « В Ростове, так же как и во всей армии, из которой он приехал, еще далеко не совершился в отношении Наполеона и французов, из врагов сделавшихся друзьями. . . . Все еще продолжали в армии испытывать прежнее смешанное чувство злобы, презрения и страха к Бонапарте и французам. Еще недавно Ростов, разговаривая с платовским казачьим офицером, спорил о том, что ежели бы Наполеон был взят в плен, то с ним бы обратились не как с государем, а как с преступником. Еще недавно на дороге, встретившись с французским раненым полковником, Ростов разгорячился, доказывая ему, что не может быть мира между законным государем и преступником Бонапартом. Поэтому Ростова странно поразил в квартире Бориса вид французских офицеров в тех самых мундирах, на которые он привык совсем иначе смотреть из фланкерской цепи. . . .

– Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди? . . .

– Николай молча ел и преимущественно пил. Он выпил один две бутылки вина. Внутренняя поднявшаяся в нем работа, не разрешаясь, все так же томила его. Он боялся предаваться своим мыслям и не мог отстать от них.

– И как вы можете судить, что было бы лучше! – закричал он с лицом, вдруг налившимся кровью. – Как вы можете судить о поступках государя, какое мы имеем право рассуждать?! Мы не можем понять ни цели, ни поступков государя!

– Мы не чиновники дипломатические, а мы солдаты, и больше ничего, – продолжал он. – Велят нам умирать – так умирать. А коли наказывают, так значит – виноват; не нам судить. Угодно государю императору признать Бонапарте императором и заключить с ним союз – значит так надо. А то коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Этак мы скажем, что ни Бога нет, ничего нет, – ударяя по столу, кричал Николай весьма некстати, по понятиям своих собеседников, но весьма последовательно по ходу своих мыслей.

– Наше дело исполнять свой долг, рубиться и не думать, вот и все, – заключил он.

– И пить, – сказал один из офицеров, не желавший ссориться.

– Да, и пить, – подхватил Николай. – Эй ты! Еще бутылку! – крикнул он».

(Оставим в стороне прелюбопытный пассаж: «...коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется... скажем, что ни Бога нет, ничего нет». Достоевский исходил эту посылку вдоль и поперёк и сзади наперёд, и не здесь ли заметил? Кстати, ежели по Толстому – то выходит вовсе без всякого надрыва и это не случайность,

а принципиальная разница «философий» обоих. Но это так, к слову).

Мир, заключённый в Тильзите, озадачил Николая неразрешимым нравственным противоречием. Его мнение подготовлено ещё с начала «романа-эпоса» словами фрейлины Анны Павловны Шерер, передовицей агитации и пропаганды того времени: «...если вы еще позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист), – я вас больше не знаю».

В бессознательной правоте простого опознавания врага «поля боя», обоснования преступности их предводителя, Ростов не может в сознании положить мост через пропасть между реальностью (где веи защиты своей реальности: «оторванные..., убитые...») и идей: если «не можем понять ни цели, ни поступков». Как личность он спасает душевное достоинство от неразрешимого извне, принимая отчаяние на себя: «Как ... можете судить... какое... имеем право рассуждать?!».

То есть, это показательный пример, когда герой, не достигая интеллектуального ответа, благородно жертвует свою личность – обществу, здесь: «Наше дело исполнять свой долг, рубиться и не думать». Это решение целиком нравственное и опять-таки выказывает в нём бессознательную стихию народа. (Да ещё «усугубляя себя» тремя бутылками вина, что для верхового...).

Категорически не следует полагать, будто Николай Ростов

прямо-таки из глупости не способен решить интеллектуальной политической задачки. Был бы он натурально таков – разве составлял бы ему компанию тот же, «знатный рефлексант», Пьер? Речь идёт о тех, знакомых каждому жизненных положениях, когда на долгие размышления просто нет времени и ответ приходится подбирать в момент из уже наработанного нравственного чувства... Конечно, может добавляться и общая нелюбовь к долгим размышлениям. Да не многие ли оказывались в необходимости решения таких, только внешне простых задач? ..., ну, об этом, действительно, написаны романы.

И если уж затронута нравственность поступка, то не зря таким мерзостным грехом является предательство. Если бы это было просто частным выбором выгоды, то в эпоху торжества буржуазности даже сбежавшие агенты КГБ, похоже, уже не смущались откровенностью в алчности Но всякий цельный человек чувствует, что сначала здесь должна была быть разорвана связь прежнего общественного безусловного взаимодоверия, ибо человек существо социальное и не бывает «нигде». Поэтому предателей «не любят» и принявшие его, сами же будут испытывать отвращение, постоянно напрягаясь в принуждении к *связи* с таким человеком. Такое психическое напряжение неизбежно тягостно.

Иногда просто может не быть времени: всякий внезапно попавший в переделку, знает, что подчас единственным залогом спасения бывает мгновенное приобщение подсозна-

ния хотя бы к суррогату этой природной общинной опоре – это та самая «внезапно промелькнувшая перед глазами жизнь». Можете быть уверены, что те, кто рассказал об этом, проживали нравственные (хотя бы общинно нравственные) жизни. В противном случае, торможение нечистой совестью в промедлении рефлекторного мускульного ответа избегания опасности будет ко «смерти подобно»...

Пример третий – Эпилог. Часть 1, глава 14-я:

– «Пьер доказывал противное, и так как его умственные способности были сильнее и изворотливее, Николай почувствовал себя поставленным в тупик. Это еще больше рассердило его, так как он в душе своей, не по рассуждению, а по чему-то сильнейшему, чем рассуждение, знал несомненную справедливость своего мнения.

– Я вот что тебе скажу, – проговорил он, вставая и нервным движением уставляя в угол трубку и, наконец, бросив ее. – Доказать я тебе не могу. Ты говоришь, что у нас все скверно и что будет переворот; я этого не вижу; но ты говоришь, что присяга условное дело и на это я тебе скажу: что ты лучший мой друг, ты это знаешь, но, составь вы тайное общество, начни вы противодействовать правительству, какое бы оно ни было, я знаю, что мой долг повиноваться ему. И вели мне сейчас Аракчеев идти на вас с эскадроном и рубить – ни на секунду не задумаюсь и пойду. А там суди как хочешь».

Здесь то же положение, только в несколько иных услови-

ях: Ростов сдвинут в сторону, так сказать, по его ощущению «народно-государственную», но аргументы Безухова, вероятно сильные, не опровергнуты, но справедливы ли они?

Да кто же знает!! – «и что же это были за декабристы?». Вначале, именно желая содержательно описать возвращающихся из ссылки, Толстой уже «завяз» в необходимости разобрать сам механизм исторического движения. Ведь задача такова: возможно признать правду «революционера» (если он революционер, а не провокатор) относительно «консерватора» (если он консерватор, а не ренегат) и, причём, в обе стороны! Но толк выйдет только после того, как оба они предварительно свои личные мнения осознают в их степени действительно общественной полезности.

Николай не в силах *от себя* решить предложенной задачи, хоть и желал бы, но уверен в правоте «чего-то сильнее-шего, чем рассуждение». Он снова уравнен бессознательной стихии природного народа.

Прекрасно, что свободным вдохновением Толстой, в галерею образов, высшую точку художественного восхищения отдаёт Наташе Ростовой с тем вбиранием и возвращением в жизнь непосредственного чувства вплоть до плясовой в Михайловской: “Где, как, когда всосала в себя из этого русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, – этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale* давно должны вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые,

русские, которых и ждал от нее дядюшка”

Однако, именно на образ Николая Ростова ложится главная тяжесть художественного доказательства безотчётного присутствия свойств общинного народа во всех сословиях, не исключая отечественных аристократов, которые «патриотичны» просто потому, что ещё «родо-патриархальны». Это право на единство диалектически сочетается с оправданием исторически бессознательной своей ограниченности. Это единство и бессознательность нужна Толстому для эпилогического вывода последних слов книги: «... необходимо отказать от несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость» (друг от друга – прим.авт).

Их следует читать так: чтобы справиться с историческими общественными противоречиями *вообще*, и которые никак не устыдятся склонять к самоуничтожению, следует сознательно преодолеть ставшее ложным природно-атавистическое ощущение «самости» и осознать, что человеческая «личность» не только не противостоит «общности», но порождается этим основанием и обогащается им.

Следовательно, задача культуры – в снятии противоречий между личностью и общностью (помнится, в незапамятные времена было, например, одно из таких противоречий – между «трудом и капиталом»... не так ли?). Отсюда же следует, что уважение «народа», заключается не в сюсюканьях о нём в школьных сочинениях или парадного восхваления пролетарского «гегемона», а в создании культурной общно-

сти *труда*, где задача каждой отдельной личности – установить сознательную, доказательную для себя общественнополезную взаимосвязь. Это встречное движение выводит и народ из бессознательного состояния туда, где «история», как история стихии бессознательного природного человечества, заканчивается, вероятно, заслуживая нового слова. Где-то на этом пути «война» и перейдёт в недопустимое варварство.

Неужели кто-то из современных философов сказал что-то значительно более толковое, чем Лев Толстой, чтоб так долго перед ним бахвалиться? Конечно, свою идею Толстой изложил настолько же внятно, насколько и бесполезно для современников и потомков, никому не уступив в философской «псевдонепонятности», но «кто виноват» более? Если на пути к этому выводу у него бывают ошибки в частных суждениях, но они замечательны тем, что он ошибается там, где не имел возможности тех прямых наблюдений, которые необходимы к размышлению над значимыми здесь историческими событиями.

Ввести идею..., поймут ли?

Гуманитарное знание, даже не помышляя противоречить естественнонаучному, на смысловом поле играет в свои погрешности. Иногда, некоторые внешне одинаковые определения будут различны в их употреблении. Например, если «физики» в классическом исследовании занимаются стандартизованным, усреднённым объектом, то у «лириков» классическое произведение является безусловным опреде-

лением качества высших степеней, от себя уже определяя образцы нисходящего ряда.

Это заметно проявляется через свойство неисчерпаемости идеи в произведении, например, в объёмности и неоднозначности заложенных посылок, которые автор творческим усилием берётся свести воедино. Степень этой неоднозначности разная и может добавляться, меняться и колебаться в зависимости даже от самого наблюдателя. Художественные творения стремятся к этой максиме: образцовые – и тогда по своим достоинствам постоянно воспроизводимые, становятся в определении «классическими».

Следовательно, на момент признания, в них заложена ведущая (и правильно ведущая) сторона. Если обнаруживается возможность «сдвигать» в произведении ведущую сторону, то в этом есть дополнительное художественное достоинство многозначности. Но такая попытка сдвигать, удаляться, переназначать ведущую сторону может быть успешной только при той же мере сдвига всего художественного замысла и его решения, что выявляет талант или бездарность – теперь уже трактоводчика (например, театрального постановщика). Развитие этой темы далеко уведёт в мир искусства, но даже к читателю-«наблюдателю» уже есть известный вопрос: «Нет, а ты кто такой?».

С одной стороны, «Войну и мир» преподают в школе, безответственно забывая в напутствование снабдить изучение критерием абсолюта, хотя бы в шутку, словами Толстого о

Бог: «Он – всё, я – не всё...»; с другой, насколько далеко каждым будет сопровождён этот образец лично неисчерпаемого художественно предмета, ведь никто из нас – не Толстой, а как-то понимать надо...

Одно только неоспоримо: во всех деталях известно постепенное развитие темы книги, которая и замышлялась о другом, и начиналась не один раз, и печаталась «с колёс» ... и тут же невозможная, казалось бы, жёсткая структура философской идеи, выдержанная с начала до конца. Как такое возможно соединить?

Не только литературовед, но и опытный читатель (что практически одно и то же) видит, до какой степени произведение Толстого выламывается из художественных стандартов. Все злопыхательные критики его правы в замеченных противоречиях: стилистических – в несоблюдении правильных приёмов и способов, недостатке романического действия и жанровой нечёткости; философских – а кто добирался-таки до сентенций автора? Обычно их просто пропускают....

Толстой почти объявил Гегелю войну, но через образ Кутузова на полную катушку пользуется учением Гегеля о соотношении свободы и необходимости. Отвергая в нём аморалистическое, по сути, оправдание безусловной подчинённости т.н. великих людей «мировому духу» (а это верно – в бессознательности), сам ищет противодействующей опоры в требовании добра, красоты, истины (и тоже верно – в созна-

тельности!).

Что касается военных ошибок – генерал Драгомиров разбирает несообразность военной доктрины Толстого, и тут же оговаривается противоположной оценкой, мол: «...извлечение для себя неоценимые практические указания всякий, решившийся посвятить себя военному делу и не забывающий в мирное время, к чему он себя готовит»²⁰.

Кстати сказать, непонимание философии Толстого гражданскими, с блеском было дополнено непониманием военными. Ну, и было бы странно, конечно, от них ожидать именно философского прорыва в позднем, просто отчаянном его творчестве, чья резкость имеет очень глубокие и далеко не очевидные причины.

У армейцев только хватало вкуса совершенно не касаться художественной стороны его произведений, но в остальном высказывались «по-солдатски прямо». Так, генерал-лейтенант и военный историк Алексей Баиов в 1929 году уже из эмигрантского Белграда в статье «Воспитание армии и идеи графа Л.Н. Толстого»²¹ не мог простить «графу-анархисту» в поздних статьях – яростной пропаганды «против войны вообще и против исполнения их служебного долга офицерами и солдатами».

²⁰ Драгомиров М.И. Разбор романа "Война и мир". Киев: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1895

²¹ А. Баиов. "Воспитание армии и идеи графа Л.Н.Толстого" Новое Время, (Белград).1929.

Но цитируя Толстого, он, что называется, в упор не понимает категорию адресата писателя-оппонента: «Француз, русский, поляк, англичанин, ирландец, немец, чех ...»

— ведь это требуемое Толстым единение людей заведомо превосходит утилитарно-буржуазную национальную государственность. Надо однозначно понимать позицию Толстого только с учётом его требования прекращения войны как обращение ко всеобщему всемирному исполнению. Голос Льва Толстого достигал любого уголка мира; обращаясь даже только к русскому солдату, он обращался ко всем. Вообще, весь так называемый «пацифизм» Толстого совершенно не понят, как, впрочем, и основная идея.

Возможно, что начало Первой мировой войны стало возможным в результате засыпания всемирной общественной совести спустя несколько лет именно после ухода Толстого. При нём не осмеливались!... Дюжинным миротворцам, не имеющим силы голоса (не говоря о способности) достигнуть армии «вероятного противника» уместно ли обращаться с пацифизмом к армии своей?

Драка есть такое простое и рефлекторное дело, что смешно говорить о каких-то в ней тайнах. Любой баран, да, да, баран с завитушками и с рогами, а так же волчонок с хвостом и с клыками, знает, что драку можно оттянуть или вовсе её избежать, ощерившись или ещё как-то изобразив неуклонное намерение не отступать. В ином случае остаётся только подчиняться. Можно ли в таком случае удержаться напасть

самому? Так и удерживайтесь, если таков Ваш сознательный выбор.

Но псевдоискатели «правды» никак не могут простить Сталину ни то, что он не напал первым на Германию, ни то, зачем он стремился к боеготовности. Они никогда не выйдут из трёх сосен неразберихи, так как не способны удержать в себе сознательности принятого решения. Это как человек нечистый на руку, всех будет подозревать в воровстве, так как – «иначе не бывает».

Сегодня мы снова оказались в условиях выраженной общественной агитации. Но если с 1902 года «...пропаганда и велась революционерами разных толков и либеральной интеллигенцией, вдохновляемой и воодушевляемой великим писателем земли Русской»²² против своей армии, то ведь – для окончания всех войн под залог непременного изменения самого строя мира! Сейчас либеральной интеллигенции странно бы неодобрительно коситься в сторону своей армии. Разве, что они согласны стать придатком каким-то национальным государствам, видимо, надеясь, что им-то тёплое место в иностранном буржуинстве найдётся. Это совершенно другой политический расклад и он совершенно не соответствует тем условиям, на которые пытался опереться Толстой. А цена и дела капитализма не вчера определились....

«Война и мир» не есть произведение описательное, уми-

²² А. Баиов."Воспитание армии и идеи графа Л.Н.Толстого" Новое Время, (Белград).1929.

ротворяющее и примиряющее пресловутой «романно-эпической» формой. Это ложное впечатление ошеломляющей художественности. Напротив, здесь эпатирующая смелость смещения реальных фактов для того, чтобы привести в смущение сутью этих фактов – недопустимым анахронизмом войны и грозным указанием для всех на силу народных движений. Но, оказалось, что поставленная Толстым «планка слишком высока». Не только чудовищные мировые войны XX-го века; оказалось, что и в веке XXI-ом «служивый человек с ружьём» всё ещё необходимый участник «экономики».

Гуманизировать военного человека следует, как и человека гражданского – установлением верного соотношения «цены» и «цели». По личным задаткам здесь «дистанция огромного размера»: от бретёра, готового рисковать ни за грош, до поэта, философа, умницы, исполненного одного долга необходимости. Что за сердце бьётся под «толстой солдатской шинелью»? Странно было бы думать, что можно это понять, не входя во все обстоятельства: кто, как, почему и во имя чего рискует жизнью и чем готов жертвовать своей цели. Разумеется, с таким же вниманием надо отличать тех, кто готов класть только чужие жизни, для себя оставляя только извлечение выгоды.

Генерал Драгомиров, опытный военачальник, недвусмысленно заявляет о необходимости присутствия личности, а ведь это ничто иное, как прямо обозначенный вектор *миротворца*:

– «Так и в большинстве исторических описаний сражений: знаешь движения дивизий, редко полков, еще реже батальонов; «двинулись несмотря на сильный огонь, ворвались; опрокинули, или были опрокинуты, поддержаны резервами» и т. д. Нравственная физиономия личностей руководящих, борьба их с собою и с окружающими, предшествующая всякой решимости, все это исчезает – и из факта, сложившегося из тысяч человеческих жизней, остается нечто вроде сильно потертой монеты: видны очертания, но какого лица? Наилучший нумизмат не распознает»²³.

Действительно, уважая личность, всячески противясь употребить человека в «мясо» и Драгомиров, сам мастер боевого маневра, известен, как военными средствами, сберегающий жизни, командир.

Примером служит античное поклонение каждому, известному в целостной личности действительного человека, герою. С началом «Специальной военной операции» прекратилась раздача наград безликим, намеренно спрятанным от демонстрации примера, «исполнившим свой долг» и кроме героической аллеи для павших, есть возможность выразить признание современникам, отмеченным доблестью. А ведь как долго это место было занято мифической, откровенно ложной галереей «звёзд» богемы антиобщественного поведения. Нет причины удивляться.

²³ Драгомиров М.И. Разбор романа "Война и мир". Киев: Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1895

По своей задаче избегнем втягиваться в полемики разных упомянутых направлений «критического осмысления Толстого». Но знаете ли вы, что в Вест Пойнте, военной Академии США не только была юбилейная международная конференция, посвященная «Войне и миру», но, что изучение этой книги входит в учебную программу?

Может быть, вы думаете, что профессор, ради такого случая, осенив аудиторию православным крестным знаменем, скажет: «Благословляю вас на приобщение русскому гению и, дай Бог, чтобы эта книга и вспоминалась вам и возвращала к себе и по этим возвратам вы можете судить о движении вашем по лестнице разумных существ»? Нет! – кадеты начинают изучать «роман» со сцены дуэли между Пьером и Долоховым. По крайней мере так организовал свой курс профессор и полковник Рик МакПик, глава отделения иностранных языков, отчитываясь в год 100-летия со дня смерти Л. Н. Толстого²⁴.

Удивлены? Какую же истину преподаватели хотят заложить в головы такой избирательностью? В анналы международной политики 2016 года уже вошёл «рабочий момент» взаимодействия России и Северо-Американских Соединённых Штатов в виде напряжённых отношений между ракетным эсминцем системы противоракетной обороны ВМС США USS «Donald Cook» с российским фронтовым бомбар-

²⁴ О «Войне и мире» на берегах Гудзона: конференция «„War and Peace” at West Point» Я.Г. Глебова www.pushkinskiydom.ru

диловщиком «Сухой-24». В этот раз они повстречались 12 апреля в Балтийское море недалеко от Калининградской военно-морской базы. По праву обороняющегося и по возможности более совершенного оружия, самолёт способен обозначить своё присутствие более убедительно, что и было сделано. И вот, что странно – в словесной дипломатической перепалке аккомпанирующей молчаливым жестам военных, с американской стороны вдруг прозвучало заявление: «такое поведение авиации РФ является "непрофессиональным и небезопасным"».

Вот так-так! Что ни говори, это как раз тот случай, когда истина предельно наглядна: или-или. Ошибка сразу обнаружится катастрофой и «обжалованию не подлежит». А если наоборот: что с другой стороны? Там – скоростной бреющий полёт многотонной машины почти над палубой ниже уровня надстроек корабля, с которым могут справиться не просто глаза, а только глаза морского лётчика, бог знает как приучившиеся что-то различать в воздушно-водяном мареве. Для чего это делается? Ну, об этом лучше расспросить командующих объединёнными учениями «родов войск», когда командующий «общевойсковик» «синих» (или «красных») спросит генерала от ВВС: «У тебя... есть?». Таких один-два пилота на полк, что когда над переправой низко проходит тот, кого скромно подначивают – «парикмахер...» – никто потом и не помнит, как наперегонки валились с понтонов в реку на радость торжествующему «врагу».... Такая работа –

тренировать мужество.

Но... если бы не Лев Толстой! Ведь главный выразитель, по мнению Вест Пойнта, русской идеи – Пьер Безухов:

– «Вы мне скажите только, как куда ходить и стрелять куда? – сказал он, неестественно кротко улыбаясь. Он взял в руки пистолет, стал расспрашивать о способе спуска, так как он до сих пор не держал в руках пистолета, в чем он не хотел признаться. – Ах, да, вот как, я знаю, я забыл только, —

– Пройдя шагов шесть и сбившись с дорожки в снег, Пьер оглянулся под ноги, опять быстро взглянул на Долохова и, потянув пальцем, как его учили, выстрелил.»

Вот оно в чём дело! Уж не это ли свойство «природного русского», как им вообразилось, имели в виду критики лёгкого мастерства нашего пилота? Так сказать, им виделось... безрассудство недотёпы! Вот что бывает, когда из Толстого начинают выдирать клочки. Уважаемая инопрофессура, вы заблуждаетесь! И не мешайте кадетам читать «Войну и мир» слева направо, с начала и до конца. И, упаси Бог, не в кратком изложении!

Понятно, что человек не абсолютен, иначе для чего было бы выдумывать Бога? Рано или поздно остановится любой интеллект и, наоборот, «самый человеческий» Николай Ростов, не доходя до многого, совсем не лишний на земле человек. Те, кто упорно не желают, не хотят лишаться иллюзии «Войны и мира» как «романического» произведения, пусть остаются при своём мнении. Очевидно, сила чувств в

них настолько велика, что и того достаточно.

Тем, кто рискнёт на большее, нужно увидеть за художественностью этой книги и другой механизм её воздействия. Он состоит отнюдь не в одних «философических отступлениях», а в намеренно чудовищных противоречиях и искажениях, необходимых для широты захвата обыденности для её последующей обработки.

Как-то и не припомнишь, чтобы за философами водилась репутация «комильфо», скорее, наоборот. Не то, чтобы это были явно неприятные типы, но.... А как может быть иначе, если даже самый обычный окружающий мир, для всех прочих людей – буквально желанная «среда обитания», для философа полон самых неукротимых противоречий? Весь этот мир он воспринимает как раскалённую поковку под своим молотом. Чтобы захватить её надёжно, надо пошире развести клещи.... Это основной метод Толстого, он имеет право на него, потому что он ему по руке. «Он» может себе это позволить; «Вы» не можете выхватывать из него куски или статьи (особенно поздние), чтобы псевдоаргументировать ими, но следует лишь стремиться понять его задачу в целом – в тех условиях. Само собой, что и он мог сосредоточиться лишь на немногом, хотя по самому свойству философской задачи, кажется, что он переворачивает весь мир.

Наверняка, если разобрать приписываемое ему современной модной трактовкой «скандалёзное женоненавистничество», то и там обнаружится непонимание этой его методы

– через вбрасывание как бы недопустимо провокационной идеи. И всё это отступает перед восторгом читателей от потрясения жизненной правдой и «Войны и мира», «Крейцеровой сонаты» и так далее, которые живы этими противоречиями, обнаружить и открыто предъявить которые способен только такого уровня мыслитель.

Разведка чувствами: из тыла образов на фронт наблюдений

Слова «тайна творчества» означают неприложимость к делу формальных объяснений. Толстой временами «с головой вписывался» именно в романическое изложение, да и как иначе нагнать вдохновения жизни в героев? Но он раз за разом ограничивает разгон своего пера и не всегда ясно, успевая ли дать себе отчёт в условности хода? или уговаривая, что «иначе и быть не могло»? Это загадка, где едва видны скрытые намёки буквально из отдельных слов, которые могут ли быть случайными?

Ведь эта противоположность разведённых посылок должно сойтись, сомкнуться... где? Не иначе, в голове читателя – заземлив на «ноль» суетный пафос обыденности. Толстой-философ работает не ради крайней выразительности художественных образов (пусть даже положительного героя), чем занимается литература, а для внедрения среднего значения синусоиды смысла хотя бы скрытым философским впечатлением. Нет, он хотел бы просто открыто объяснить! И в романе есть прямо написанные философические от-

ступления, но их мало кто читает и, видимо, ещё меньше понимает.

Поэтому на вопрос: «Где же накосячил Толстой?», лучший ответ – «почти везде!.. и правильно сделал!». Художнической кистью это тем более ловко, что он подстрахован в подаче важнейших эпизодов как бы взглядом «дежурного» героя, который имеет право на «личную правду» участника событий.

Опять-таки, в послесловии он замечает: «...литературная деятельность, которая состоит в списывании действительно существующих или существовавших лиц, не имеет ничего общего с тою, которою я занимался». Разумеется же! Поймите: невозможно дать понимание действительности через её изображение. Чем точнее – тем хуже, ведь точность изображения предаёт эмпирический результат, а не приводящие к этой действительности причины. Это можно только чувствовать. Через изображение даётся чувственное впечатление действительности.

Те, кто будет воображать себе действительную картину событий по непосредственному изображению их Толстым, впадут в заблуждение. Не верность картины была его задачей. А верность подспудной идее, которая не позволила бы впредь попадать в такие «картины» натурально. Выбирайте, что лучше. Но понеже для воздействия на душу читателя, он должен изображать мир образов похожий на настоящий, то с действительными лицами должен быть аккуратен. Выведе-

ние реальных лиц на «нейтральную ось истины», по его задаче, тоже достигается разнесом крайних точек и останется в памяти цельным впечатлением лишь общим итогом, но никак не из вырванного эпизода. «Война и мир» – целый мир, его надо любить и читать целиком, понимая, что ответы заключены в равновесии частей.

К тому же, Толстой мог позволить себе решать философскую задачу на выбранной теме, располагая общественным устоявшимся отношением к войне 12-го года. Славная победа существовала не в абстрактных лозунгах, а в памяти ещё живых ветеранов с их личным чувственным переживанием. Знакомо?

Так же закономерно развивалась и послевоенная литература по Отечественной войне 1941-45 гг.. Сначала «прикладные» военные рассказы вперемешку с «как воевать». Затем, с желанием ветеранов приобщиться стратегии, понять и в чём лично участвовали, пошла обобщающая «генеральская» проза о полководцах. Опомнившись, что позабыли рядового, к нему снова возвратились уже в страдальческой окопной правде.

Несмотря на сдвиги моды отображения, всё ещё существовало цельное лично-общественное переживание происшедшего. Разве не столкнулись мы сегодня с тем, что воздвигнутые монументы, сами по себе не способны защитить, вложенную в них идею? Что потерявшие связь времён потомки не могут удержать нравственной памяти? И никакая

«наука» не только не проясняет, но, ловко используется противной стороной в доказательствах – всё равно чего?

Цель Толстого далека и трудна – философское обоснование необходимости нравственного усилия у читателя, который вовсе не желает быть поучаемым! Поэтому планка целика на такой дистанции сдвигается так, что мушка задирается в небо и со стороны может показаться, что эдак никуда не попадёшь... Вот вам требуемое искажение предмета относительно «плоско» понимаемой линии горизонта. Но стрелять пока есть из чего.

Но когда происходит утрата исторической памяти, когда уже не к кому обращаться? А это значит, что эта память была лишь бессознательным впечатлением *современников*. Сознательный механизм её сбережения всё ещё не доработан, а казавшиеся такими надёжными формы монументальной пропаганды стали подчас простыми игрушками времени...

Всё, что можно сделать сейчас – это взять ветошь, ружейное масло, шомпол и вычистить те ружья, которые ещё остались и до которых можно дотянуться. Их очень немного по уже указанным особенностям политической истории, ведь история повседневности это политическая история. Она перестала оставлять документы, возможно, в силу набранной скорости. Это пункты, от которых удобнее будет перейти к восстановлению действительности. Не для неё самой, а для понимания, что стоит забвение правильного отношения к ней.

Проще было бы разобрать по главам описанные Толстым события с их поправкой, но неизбежно появится неуместный критический дух к произведению. Поэтому следует подальше отрываться от книги, чтобы сосредоточиться на обозначенной теме: возможен ли способ удержания исторической правды «как она есть»?

В последнее время, из-за успехов науки и медицины как-то больше ожидают *практического* бессмертия, чем вспоминают старую притчу о Соколе и Вороне: что лучше – несколько раз выпить горячей крови и умереть или триста лет клевать одну падаль?

Военнослужащие – такие же, или, лучше сказать, те же «люди», оказавшиеся в условиях... каких? Они явно не стремятся умирать, не извращены какой-то надуманной философией, не одурманены иллюзорным посмертным воздаянием и тому подобное. Их гибель в бою, большей частью, ужасна и многие из них, по понятной человеческой слабости, мечтали бы о той заветной, простой и в этом смысле, гуманной пуле. Так ведь и не смерть они заповедают нам. Они всего лишь говорят: «Это вы, которые далеко от фронта, поставили нас в эти невозможные условия, это из-за вашего неумения или нежелания договориться по-настоящему, миром, мы, такие же правые и неправые, вынуждены делать это, убивая друг друга». И всё, что они, на самом деле, предъявляют миру – по мере сил каждого, перед лицом гибели – сохранять насколько возможно достоинство жизни в этих невозможных

условиях. Достоинство личной жизни, а не смерти. Поэтому так завидна судьба сокола – она полнокровна жизнью. Разумеется, свойства человеческой натуры имеют широту беспредельную, и что в этих особенных условиях проявляется, всегда заносилось на особенную «полку памяти». Но кто же, кроме посетителей, должен стирать с неё оседающую пыль времени?

Война в новейшем времени изменилась и расслоилась до такой степени, что если раньше каждый стремился чётко себя обозначить (опять-таки из потребности личного соотношения), то сейчас, кажется, и на безликие «силовые структуры» никто не обижается. Всегда моряки стояли особняком: победа у них одна на экипаж и гибель иногда потысячная сразу на всех. Неожиданно оживила ментальный пейзаж авиация, вплоть до забытого духа личного поединка. Лётчики, при всей их отстранённости от земного поля боя, без чего всё остальное довольно бессмысленно, тем не менее, выдержали экзамен на элитарность рода войск весьма просто. Все должны летать. Вплоть до командира авиадивизии, следовательно, даже выходя в генералы, он сохраняет не только все признаки рядового бойца, но и в превосходном (его личное дело чести) качестве. Эти «признаки» он сам любовно лелеет, вкручивая на тужурку знак лётчика 1-го класса вместо золотошвейных общевойсковых «генеральских» крылышек, не говоря уже о фуражке.... Вообще, там особая история и с карьерой: чем лётчик лучше, тем меньше желающих его вы-

двигать, настолько он нужен «вещью в себе»; да и сам он для того ли шёл в авиацию, чтобы летать меньше?

Всё это имеет прямое отношение к периоду «наполеоновских» войн. Начиналось время технологического разгона оружия, соответственно, тактика и стратегия беспрестанно переставляла подразделения и отправляла командный состав по новым пунктам. В этой уходящей эпохе даже генералитет ещё в полной мере имел возможность, а, зачастую необходимость, ставить жизнь на кон, наравне с рядовым солдатом:

– «Багратион объехал прошедшие мимо его ряды и слез с лошади. Он отдал казаку поводья, снял и отдал бурку, расправил ноги и поправил на голове картуз. Голова французской колонны, с офицерами впереди, показалась из-под горы....«С богом!» – проговорил Багратион твердым, слышным голосом, на мгновение обернулся к фронту и, слегка размахивая руками, неловким шагом кавалериста, как бы трудясь, пошел вперед по неровному полю. Кн. Андрей чувствовал, что какая-то непреодолимая сила влечет его вперед, и испытывал большое счастье. Уже близко становились французы; уже князь Андрей, шедший рядом с Багратионом, ясно различал перевязи, красные эполеты, даже лица французов. (Он ясно видел одного старого французского офицера, который вывернутыми ногами в штиблетах, придерживаясь за кусты, с трудом шел в гору.) Князь Багратион не давал нового приказа и все так же молча шел перед ряда-

ми. Вдруг между французами треснул один выстрел, другой, третий... и по всем расстроившимся неприятельским рядам разнесся дым и затрещала пальба. Несколько человек наших упало, в том числе и круглолицый офицер, шедший так весело и старательно. Но в то же мгновение, как раздался первый выстрел, Багратион оглянулся и закричал: «Ура!»

«Ура-а-а-а!» – протяжным криком разнеслось по нашей линии, и, обгоняя князя Багратиона и друг друга, нестройною, но веселою и оживленною толпой побежали наши под гору за расстроеными французами»²⁵.

Многие ли генералы пользуются личным примером? (как это ни странно звучит). Здравый смысл подсказывает, что только по мере необходимости. Но как часто возникала такая необходимость? Вот тут-то и кроется разница между долгом солдата, офицера и генерала. Многие из последних хотели бы, располагая самым мощным воспитательным и управляющим средством «делай как я», прибегнуть к нему, но сколько (из достаточно долгого исторического времени оставшиеся в живых) могли себя к этому принудить?

Невозможно упрекать революционных генералов Франции, незаметно для себя предавших идеалы (если они у них были): Революция дала им всё, она вознесла сыновей конюхов и мелких стряпчих на вершины богатства и славы, насколько кому было суждено выжить. Они взяли от революции и своего личного стремления вверх ту храбрость, кото-

²⁵ Л.Н.Толстой "Война и мир"

рой ловко воспользовался их постреволуционный император.

Правду сказать, как раз Наполеон, при всей его неоднозначности, тоже имел эту способность и это одна из главнейших причин его успеха. Сейчас публично выступающие историки восклицают, что они «не понимают!», как это возможно – Наполеон, высадившись с Эльбы, стоит с распахнутыми сюртуком перед строем солдат в Гренобле со словами: «Солдаты 5-го полка, вы узнаете вашего императора? Если кто-то хочет меня убить, то вот я здесь». По команде капитана королевских войск: «Огонь!», вместо залпа раздался крик: «Да здравствует император!».

Ну-те-с-с..., так эти историки не знают чувства любви! Странно теперь объяснять им, что любовь, порой, не всегда выбирает достойного её. Что любовь обманывает, как обманула она революционных солдат Франции, которые не заметили подмены – обороны своего Отечества – смутными мечтаниями «маленького капрала», который имел одну отличительную черту – никогда не оставлять их одних на линии огня. Они так полюбили его, что не замечали, когда он начал предавать их уже в Египте.

Отличие солдатской любви, любви «усатых ветеранов» от прочих любовей в том, что её заслуживают. Две вещи: равенство в момент самой страшной опасности и... даже не победа, что было бы упрощением, но – удача. Недаром, Наполеон про всякого нового претендента на ответственную долж-

ность, спрашивал об его удачливости. Удача для офицера и генерала боевого порядка в том, чтобы остаться живу, паче чаяния, в строю. Может быть, для солдата в этом последнее мистическое упование на собственную возможную неуязвимость, пред тем, что его ждёт....

Среди всех генералов и полководцев русской армии, Багратион, наизаслуженнейший стяжатель солдатской любви этого рода. Ни разу он не оставлял поля боя, ни разу не имел в деле расстроенных боевых порядков, и ни разу со времени юношества не был ранен. Не касаясь более подробно свойств его характера, уже одного этого достаточно для того, чтобы понимать его исключительную репутацию в войсках.

В прорыв пошли баталионы... Болконский – Багратион

Сначала изображение является живописцу воображаемо, а нарисовано будет по искусству владения им свойствами красок и холста. Любой образ, порождённый действительностью, вырывается из стихийной документальности, чтобы в голове художника перековаться сторонними закономерностями искусства.

Успех «Войны и мира» с его образами уже состоялся, так что можно безболезненно для репутации великого произведения немного восстановить связь с действительностью и преклонение перед чудом художественного творчества никак не должно порождать привычку к спекулятивному мышлению. Иначе, чем объяснить бесстыдные и потешные учеб-

ные глупости для школьных сочинений, которыми напичкан интернет?

«Во время Шенграбенского сражения Андрей Болконский не чувствует своей связи с народом, этому мешает его ложный аристократизм. А, по Толстому, чтобы понять народ, следует прежде всего жить по правде». Занавес!.

Попробуем восстановить действительность обратно из готового изделия, тем более, что это связано с образом Багратиона. По ходу дела, понадобится и образ Багратиона, и сам Багратион, и... пасквиль на Багратиона.

Со времени недавних событий упразднения прошлой государственности в её устоявшихся институтах, тёмная туча пасквилянтов с учёными званиями взялась за перья, подлаживая прежнее на новый лад. Ничто не в силах им противостоять, кроме совершённого когда-то дела и слов очевидцев событий, собранных воедино.

Насколько политика – «история сегоднего», хочет управлять общественным мнением, настолько она подвержена соблазну подмены идеального – тварным. Насколько расходуется желаемое и то, что приходится ради этого делать, настолько в будущем ослабнет установленная позиция. Сильнее та политика, которая более правдива. Поэтому лучше всего опираться на правду, которая есть конкретное соответствие самому общественно прогрессивному направлению мысли.

Для чего нужен в «Войне и мире» князь Пётр? Ну, не

только потому, что он был..., а в смысле, «для какого дела»? Толстой, убедившись насколько Багратион представляет в лично-общественной памяти воинскую доблесть, берёт именно его абсолютным образцом армейского позитивизма, чтобы предъявить в определяющих эпизодах своим «разводным способом».

Уж не думаете ли вы, что в «Войне и мире» Толстой не определил «литерный» военный персонаж (Андрея Болконского) во вторую армию к Буксгевдену только потому, что тот «запоздал в развёртывании»? «Буксгевден был толст и неповоротлив, довольно крут в обращении с подчиненными, нрава упрямого и непреклонного»²⁶.

Видимо, оттого, что вводить литературного героя заданных свойств в отношение с действительным человеком такого характера просто ненужное, ни к чему не ведущее усложнение сюжета.... Напротив, как раз Багратион идеально подходит на роль проводника Болконского в профессиональном росте, которого духовно-«упорядочивающийся» человек не может миновать, здесь – конкретно воинской службе.

Личность вырабатывается наипервейше ответственным отношением к непосредственному делу. Причём, главное не абсолютная его значимость, а именно ответственная вовлечённость в труд. Карл фон Клаузевиц и здесь не промахнулся: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно». Вне дела не бывает личности.

²⁶ Ф.В.Булгарин (1789-1859) Воспоминания

Толстой набрасывает пропись военного образования. Сначала в духе совета Григория Потёмкина любимому племяннику Коле Раевскому, будущему генералу опорной Курганной высоты Бородинского поля, известную с тех пор как «батарея Раевского»: «Старайся испытать, не трус ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем». Проверкой служит первое «дело» Болконского при Кремсе: рядом убит австрийский генерал Шмит (вернее бы, Шмитт – прим. авт.), ранена лошадь, сам он легко ранен. Но страха, недопустимого страха не случилось – практически годеи! Поощрительным результатом следует «отправление курьером» в Брюнн.

Первый боевой эпизод Болконского описан Толстым во всей силе его психологизма – с тем остающимся впечатлением лёгкости, быстротечной смутности избытка впечатлений, что и присуще первому бою. Сюда же добавляется виртуозное, косвенное в ощущениях упоминание некоего погибшего австрийского генерала, о котором все сожалеют. Толстой, чтобы не мешать развитию образа Болконского, на деле зная подробности, умалчивает о них.

Что же было на самом деле в рядовом эпизоде войны Третьей коалиции и о чём знают все (наверное же, смеем надеяться?), кроме читателей «Войны и мира»? Отставляем сейчас в сторону, как и зачем оказались русские войска в Австрии и что действительно могли думать об этом ключевые для нас прототипы романа...

Итак: «Прежде чем русские встретились с французами, главная австрийская армия почти не существовала: она была разбита отдельно в Италии, в Тироле и в южной Германии, и из ста тысяч австрийцев, действовавших против самого Наполеона, шестьдесят тысяч человек, с множеством генералов, были уже в плену, и двести пушек австрийских уже находились во власти французов! Что оставалось делать Кутузову?»²⁷.

Рассуждать поздно: австрийцы, в лице генерала Мака опять «обмишулились» и разбежались. Заслуженные тогда упрёки, сейчас повисают в воздухе, когда стало очевидно, что особенных причин для австрийской армии драться – нет! Да, уж... странно было бы всерьёз воевать на всегда «прекрасном голубом Дунае», особенно, если интерес армии обозначен смутно. Они сдаются французам, поддаются, обманываются при первой же возможности. Только вот не даёт покоя вопрос, зачем тогда : «При первых же угрозах Наполеона, император Австрии, Франц, обратился к Русскому Императору Александру, с просьбою войти с ним в союз и общими силами дать отпор неприятелю»?²⁸

Оставим пока и это. Во всяком случае, допустим солдатам 200-летней давности негоже рассуждать о приказах импера-

²⁷ Ф. В. Булгарин (1789-1859) Воспоминания /Фаддей Булгарин. "Воспоминания", М.: Захаров, 2001./

²⁸ Сражение под Кремсом 30-го октября 1805 года Издание редакции журнала "Чтение для солдат". СПб, 1885. <http://adjutant.ru/napoleonic/krems1805.htm>

торов. Только можно заметить их особенное положение. С одной стороны, войска получают характерный для русской армии приказ: – «1805 г. октября 3. – Приказ М. И. Кутузова войскам Подольской армии об отношении к австрийским офицерам и местному населению Браунау... Всем нижним чинам подтвердить, чтобы отнюдь обывателям никаких обид и неудовольствий не причиняли, но старались бы убежать от всего, что может быть поводом к какой-либо ссоре и жалобам, и стараться наиболее ласковостью и хорошим обхождением с хозяевами привязать к себе жителей здешней земли. Генерал Голенищев~Кутузов»²⁹.

С другой, австрийцы за неудачами своей армии перестали выполнять свои обязательства по снабжению армии русской. «И. Бутовский в своих воспоминаниях пишет: «От самого Браунау мы никогда досыта не наедались, а, соединясь с имперцами, близки были к совершенному голоду... достать что-либо съестное нельзя было ни за какие деньги... В Ольмюцком лагере иногда бывало на весь батальон полбочки муки, и с какою радостью мы получали в полу шинели отпускаемую дачу: подбежав к огню, в той же поле растворяли ее водою, месили и пекли в золе без соли лепешки, которые ели с неизъяснимым наслаждением!»³⁰.

²⁹ Центр. Гос. Архив Лит. ССР, ф. 378, оп. 13, № 285, Л. 13. Подлинник

³⁰ Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща : Первая война императора Александра I с Наполеоном I в 1805 г. / Соч. И. Бутовского. – Санкт-Петербург : Воен. Тип., 1858.

При таком ходе кампании, Подольская армия Кутузова сразу оказалась перед готовым захлопнуться капканом. Спасение было только в восстановлении численного равновесия в соединении с Волынской армией Буксгевдена – марш, марш! «Переходы были спешны, хотя время года и дороги, испорченные непогодами, далеко тому не благоприятствовали. Пехота делала в день от 45-ти до 60-ти верст»³¹. При этом, Багратион и страхующий резервный отряд Милорадовича уже заступили на роль бессменного арриергарда от упорно наседающего противника.

Толстой подытоживает кратко: «28-го октября Кутузов с армией перешел на левый берег Дуная и в первый раз остановился, положив Дунай между собой и главными силами французов» – «хвилософия» уже началась: Толстой не может позволить романному Кутузову думать «слишком много» при его исторической роли «прислушиваться к народу». Однако думать Кутузову приходилось часто и по очень важным поводам.

По своему главному принципу тактики, Наполеон должен вовремя помешать противнику соединить силы. Он уже прижимал превосходящими силами армию Кутузова к Дунаю на правом берегу. Дивизия Мортье с той стороны должна была не допустить переправы русских при окружении. Кутузов же успел к мосту первым, переправился сам и дал при Кремсе первый встречный бой. Значит, так было? Нет, вы совер-

³¹ Там же.

шенно не знаете Кутузова.... Вперёд к Мортье он подослал лазутчика с дезинформацией, что армия уходит в Моравию, в другую сторону; перед ним же на обманный показ выдвинул только небольшой якобы заградительный (а на деле, заманительный) отряд Милорадовича в 5 батальонов, а основные атакующие силы, 16-ю батальонами генерала Дохтурова обходным маневром со склонов Богемских гор, должны были внезапно скатиться прямо в тыл передовой французской дивизии.

В разработке этого плана также участвовал – «австрийский генерал-квартирмейстер Шмидт, после долговременной отставки, незадолго перед тем призванный императором на службу, человек отличных дарований»³². Эти слова тогда ещё подполковника Ермолова, прибывшего к Кутузову командиром артиллерийской роты, достаточно ясно показывают репутацию Шмитта. Вдобавок к общим достоинствам, оказавшись уроженцем Кремса, тот вызвался сам провести по тропам атакующую колонну. Тем не менее, для участников дело обернулось, по их словам, побоищем...

Толстой знает о ночном переходе и воспользовался им: «В ночь сражения, взволнованный, но не усталый (несмотря на свое несильное на вид сложение, князь Андрей мог переносить физическую усталость гораздо лучше самых сильных людей...)»³³. Что ж..., всякий горный ходок знает как обман-

³² «Записки А. П. Ермолова. 1798-1828» М., Высшая школа, 1991.

³³ Л.Н. Толстой «Война и мир»

чивы ночью по крутизнам петляющие в кустарнике тропы, да ещё, возможно, знакомые только из детской памяти Шмита об этих местах.... Как бы то ни было, Дохтуров, завязнув на заснеженных покатых склонах, оставил артиллерию догонять (он опаздывал на десять часов (!) и выбрался только к вечеру), когда Милорадович давно уже втянулся в бой – и вплоть до полного сумрака попеременно прибывающие русские и французские отряды продолжали кровавую схватку...

В самых общих словах, впечатление от союзников в тех же «Записках» Ермолова, отражено так: «Давно приметно было, что австрийские генералы столько же действовали нечистосердечно, сколько солдаты их дрались боязливо».

Теперь, учитывая слишком частые курьёзы в «боестолкновениях» австрийцев до и после этого события; слов участника кампании, Ермолова, напрашивается очень вероятное предположение, которое за двести лет не сделал никто! Ну, хотя бы потому, что это совсем не нужно австрийцам; не до того было и есть, пока и самим русским... А если, хотя бы предположить, что судя по всему, «бедняга» Шмитт и не должен был никуда идти?(!) А имел задачей от австрийского генштаба завести русских куда угодно, только, чтобы... То есть, «всем, кому это было нужно» предполагалось тогда, что Кутузову и не надо бы выскакивать из западни?! Как так? Неужели союзники-австрийцы...? Об этом ещё будет сказано.

В знаменитом обозрении войн Наполеона, содеянных его

же протеже (на французской службе до бригадного генерала) Антуаном-Анри Жомини, который очень удачно переметнувшись на русскую сторону, изловчился до генерала-от-инфантерии, есть любопытный момент. Жомини настолько явно всячески потакал по-прежнему любимому Императору, что всё-таки был отстранён до конца наполеоновской кампании от войск Коалиции. В его описании дела есть любопытная черта откровенно намеренного затирания эпизода:

– «Прошед Дирнштейн,... Мортье встретил авангард Милорадовича, которого он и откинул до Штейна... в ту же минуту дивизия Дохтурова, которую вёл Шмидт, искуснейший Австрийский Генерал Генерального Штаба, стала сходить с горы позади Дирнштейна, и заперла ему вход этого страшного дефиле...»³⁴, – каково?! Более того, и весь смысл фразы направлен на сокрытие всяких вопросов о происшедшем – «вместо семи часов утра, как предполагалось, отряд его лишь в пять часов пополудни вышел, наконец, из гор».

Затем, намеренно уравнивая потери с обеих сторон, он добавляет: «...но они понесли более чувствительную потерю в генерале Шмидте, друге и товарище Эрц-Герцога Карла: он пал как доблестный воин в Лобенской атаке». Да, уж, с такими врагами и друзей не нужно – такое неприкрытое сочувствие как бы неприятелю!

³⁴ Сочинение генерал-адъютанта, барона Жомини "Политическая и военная жизнь Наполеона". Часть 3 Изд.: Тип. штаба отдельного корпуса внутренней стражи : СПб.,1838

Кстати, ошибкой будет считать, что сражение под Кремсом (она же битва при Дирнштейне) тогда и закончилось. В военно-историческом проекте «Адьютант!» недавно выложен материал «Сражение под Кремсом 30-го октября 1805 года».³⁵Выходит так, что это издание от 1885 года полномерно направлено на русских солдат именно для поддержания самодержавной власти Голштейн-Готторпов, следовательно, их высочайшее безупречие и неучастие: «Переговорив с одним из известных австрийских генералов, которому хорошо была знакома вся прилегающая местность, Кутузов, пользуясь его указаниями, послал в обход Газану генерала Дохтурова с 16-ю батальонами» – «Дозволено цензурою. С.-Петербург, 15 апреля 1885 года». Принято! Но не надо ли откомментировать выкладку – куда здесь автор подевал самого Шмитта и где он, кстати?

Заглянем на сегодняшний сайт «всезнающей» Википедии «Сражение при Кремсе» – пусть не ключевой (к счастью), но и там опорной фигуры нет как нет! Неужели до сих всё происки Голштейн-Готторпов? – «спросит удивлённый читатель».... Впрочем..., и без них ныне достаточно действующих интересантов, покровителей тайных операций, зачем оглашать прецеденты?

Что ж, Лев Толстой прошёл мимо роскошного усложне-

³⁵ Сражение под Кремсом 30-го октября 1805 года (С двумя планами). Издание редакции журнала "Чтение для солдат". СПб, 1885.© OCR, web-публикация – военно-исторический проект "Адьютант!" (<http://adjutant.ru>)

ния сюжета – ну, так он не романист, а философ! Зачем смущать общий героический тон момента тем, что ему ни к чему не шло?

Итак, героический Шмитт (и не то, что «в семье не без урода», а ему действительно пришлось вложиться от австрийцев серьёзным манером) – теперь ясно, почему о нём так сожалели переменчивые австрийцы, видимо, был-таки храбрый малый) убит артиллерийским выстрелом (помним, что «по Толстовской легенде» Андрей Болконский был рядом).

Хотя потери русских были значительные, до трёх тысяч, у французов было больше; но кем указаны в Википедии 24 тысячи атакующих русских войск? Смотрите сами – 21 батальон, не доходит до 15 тысяч. Непонятно, почему указано, что для французов «исход битвы неясен» или даже успешен? Наполеону остатки войск Мортье пришлось выводить, а Кутузов, как и собирался, получил возможность дальнейшего движения и вовсе не ставил себе задачи истребления противника. (Эта Википедия.... держи ухо востро! Кто там карябает?...)

Теперь, передышкой Кутузов обдумывал следующий ход... и в этот момент Андрей Болконский узнаёт, что австрийцы снова обмишулились, отдав Венский мост! «Каждый час промедления для Кутузова был уже пагубен, Наполеон, перейдя венский мост, со всею армиею следовал прямым путем на Цнайм, чтобы отрезать Кутузова от соедине-

ния с шедшею из России армиею»³⁶

Наполеон уже на левой стороне Дуная и для Болконского действительно геройство возвращаться в армию, которая снова в капкане. Что ж, заметно, что образ Болконского плотно встроен в ход событий «как он представлен официально» и Толстому нет нужды выходить за их, на самом деле, зыбкие границы действительной памяти.

Но военное образование князя продолжается. Преподавать Болконскому теорию управления при Шенграбене под Холлабрунном предстоит, разумеется, Багратиону. Генерал Драгомиров в описании Толстым стиля командования Багратиона видит высший образец этого искусства: «Князь Андрей тщательно прислушивался к разговорам кн. Багратиона с начальниками и к отдаваемым им приказаниям, и к удивлению замечал, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось, хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями. Благодаря такту, который выказывал кн. Багратион, кн. Андрей замечал, что, несмотря на ту случайность событий и независимость их от воли начальника, присутствие его сделало чрезвычайно мно-

³⁶ А.С. Норов Война и Мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир»

го...»³⁷.

Драгомиров подкрепляет своё мнение цитатами из генералов и маршалов, справедливо полагая, что единственное, что следует в такое время: «утвердить ...доверие к самим себе». Правда, забывает добавить о двух вещах: во-первых, что только так и можно открыть личную инициативу подчинённого и тем самым Толстовская мысль о главенстве «духа» получает очередное подтверждение. Во-вторых, не указывает, что Толстой умолчал обо всей предшествовавшей работе.

Багратион восприемник Суворовской модели военного дела и Суворов ценил способности Багратиона в подготовительном обучении войск в особо ответственных случаях, полагаясь на его манеру дать подчинённому исполнить положенное и укрепить спокойным доверием. Здесь Багратиону не было равных: даже Суворову, бывало, денщик в разгар боя подносил рюмку «крепкого» для... нервов – Багратион остался в памяти однополчан неколебимо выдержанным к опасности человеком, не терявшим самообладания ни при каких обстоятельствах.

«Князя Андрея поразила в эту минуту перемена, происшедшая в лице князя Багратиона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую решимость, которая бывает у человека, готового в жаркий день броситься в воду и берущего последний разбег. Не было ни невыспавшихся тусклых

³⁷ Драгомиров, М.И. «Война и мир» графа Толстого с военной точки зрения // Оружейный сборник. 1868. – № 4

глаз, ни притворно-глубокомысленного вида: круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и несколько презрительно смотрели вперед, очевидно, ни на чем не останавливаясь, хотя в его движениях оставалась прежняя медленность и размеренность»³⁸.

«Возвратясь к Багратиону, я нашел его, осыпаемого ядрами и картечами, дававшего приказания с геройским величием и очаровательным хладнокровием. . . .

. . . Багратион безмолвно слез с лошади, стал во главе передовой колонны и повел ее обратно к Эйлау. Все другие колонны пошли за ним спокойно и без шума, но при вступлении в улицы все заревело ура, ударило в штыки – и мы снова овладели Эйлау. Ночь прекратила битву. Город остался за нами»³⁹.

Шенграбен. Толстой: Кутузов

Что ж, несмотря на склонность к мерехлюндии, Болконский показал себя молодцом и будущее его гибельное ранение от взрыва гранаты печальное следствие, однако же, дисциплинированного исполнения принятого порядка:

– «С другой стороны кто-то докладывал Графу (Остерман-Толстой), что в пехоте много бьют ядрами людей, не прикажет ли отодвинуться? «Стоять и умирать!» – отвечал Граф решительно. Еще третий Адъютант подъехал и хотел

³⁸ Л.Н. Толстой «Война и мир»

³⁹ Д. В. Давыдов. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го

Графу что-то говорить, как вдруг ядро оторвало у него руку и пролетело мимо Графа. Офицер свалился на лошадь, которая замялась. «Возьмите его!» – сказал Граф и повернул свою лошадь. Такое непоколебимое присутствие духа в начальнике, в то время, как всех бьют вокруг него, было истинно по характеру Русского, ожесточенного бедствием отечества. Смотря на него, все скрепились сердцем и разъехали по местам, умирать»⁴⁰.

Ответственного мнения не прячет: вот, капитана Тушина перед лицом начальства отстоял; как говорится у моряков – пассажиром не был! По ходу сюжета, Толстой насыщает содержанием образ Багратиона, и здесь – «по делам их узнаете их» – ему достаточно следовать событиям:

– «– Князь Андрей действительно обратился к Козловскому с вопросами. – Сейчас, князь, – сказал Козловский. – Диспозиция Багратиону.

– мысль и забота так сильно занимали его, что как будто застилали ему зрение. Он прямо смотрел на лицо своего адъютанта и не узнавал его. Кутузов вышел с Багратионом на крыльцо. – Ну, князь, прощай, – сказал он Багратиону. – Христос с тобой. Благословляю тебя на великий подвиг. – Ежели из отряда его придет завтра одна десятая часть, я буду Бога благодарить, – прибавил Кутузов, как бы говоря сам себе

⁴⁰ Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста 1812 – 1816 (<http://adjutant.ru>)

– Пройдя с голодными, разутыми солдатами, без дороги, по горам, в бурную ночь сорок пять верст, растеряв третью часть отсталыми, Багратион вышел в Голлабрун на венско-цнаймскую дорогу несколькими часами прежде французов, подходивших к Голлабруну из Вены.

– чтобы спасти армию, Багратион должен был ... удерживать в продолжение суток всю неприятельскую армию, встретившуюся с ним в Голлабруне, что было, очевидно, невозможно»⁴¹.

Казалось бы, отдельный эпизод полностью замкнут в его художественном описании, все цели достигнуты, читатель спешит листать страницы. Но объёмность действительного события настолько превышает литературную, вынужденно ограниченную своей задачей, что Толстой, наверное же, задумался, или усмехнулся... Тут одно из двух: «А то я не знаю этих «очевидцев»! Всё равно ни черта уже не помнят... Перегружать ни к чему» или: «Старички-то, небось, заворчат! Вот и славно, пусть пошумят, вспомнят как было на самом деле...».

Такой ход вероятен, потому что тогда движение образа Болконского получает гораздо большую глубину; мелькает даже юмор, для которого нет оснований, если не знать, как было на самом деле.

Ведь Толстой описывает Шенграбен, разглядывая диспозицию глазами Болконского с постепенным втягиванием в

⁴¹ Л.Н. Толстой «Война и мир»

пороховой дым боя, кульминация которого решается встречным ударом. Скрытая от читателей шутка состоит в том, что Толстой проводит героя через известный грех всякого, приступающего к командованию, известный как рисование стрелок в блокноте: «Князь Андрей, облокотясь на пушку и достав бумажник, начертил для себя план расположения войск. В двух местах он карандашом поставил заметки, намереваясь сообщить их Багратиону» (этой охоты к рисованию не избежал и славный кадет Биглер в «Похождениях бравого солдата Швейка»).

Однако, Шенграбенское дело... вовсе не предполагало никакой позиции! Не в том смысле, что войска не устроились как-то изначально, а в том, что возможности действия на самой позиции не предусматривалось! И тогда это рисование послужит мягким укором офицеру, который размышляет пока ещё «с кондачка», не усвоив допрежь преимущество солдата, «знающего свой манёвр».

Что же такое Шенграбенское дело? Как ни удивительно, бывают условия, когда физически истребляясь, люди успевают дать ходу событий нужное направление, вроде бы уже не имеющее для них самих никакого значения.... Но иначе, что же тогда из себя представляли бы эти военные люди? Это ощущение своей непосредственной исторической значимости предельно обострено метафизикой войны, как следствием инстинкта противостояния. Поэтому-то современные «промышленные мировые войны» так противоре-

ственны своим бездушным, воистину «бесчеловечным» уничтожением героев способами «массового поражения» и приближающихся к ним всевозможных «пулемётов». «Цивилизованные» войны есть оскорбление природных инстинктов, кто же этого не понимает? Но не инстинкты плохи, а печальная необходимость их боевого применения.

Толстой использовал эпизоды боя вполне насыщая их смыслом, но предписанная к доказательству философская идея неизбежно перекрыла своей очевидностью действительные соотношения происходившего.

Начать с того, что снова личные свойства Кутузова спрятаны за его ответственностью. Намёк Толстого на то, что Кутузов отнюдь не, влекомый течением событий, чиновник – в первых словах главы: «Кутузов через своего лазутчика получил 1-го ноября известие...». Скольких разведчиков и в скольких направлениях нужно рассылать на чужой территории, желая избежать окружения? Толстой знает больше, чем говорит... и на этом останавливается, скрывая определяющий ход главнокомандующего.

Что было накануне на фронтах других сражений? Итак, двое весельчаков-гасконцев, два «добрых маршала», Мюрат и Ланн (возможно, и ещё кто-то), сопровождаемые скрытно продирающимися через придорожные кусты гренадерами, отправляются на Таборский мост, который под защитой австрийского «пятнадцати тысяч войска» «минирован и контраминирован», где отвлекают дежурного офицера и за-

балтывают коменданта придуманной байкой о перемирии и проч., и проч., пока пушки не оказываются заколоченными, а мины разобранными!

Мюрату так понравилось дурачить австрийских «аристократишек», что он, видимо, решил и дальше вести кампанию по-новому: выйдя на дорогу к Цнайму, чтобы вцепиться в отступающие порядки армии Кутузова, он натывается на австрийский корпус, командир которого... с готовностью верит в якобы идущие переговоры о перемирии. Напрасно Багратион, подошед, пытался образумить австрийского генерал-майора Ностица. Тот, наверное, ловко прикидывался простофилей, найдя предлог удалиться прочь со всем прикрытием.

В книге А.С. Норова, в своё время прапорщика 2-й лёгкой роты гвардейской артиллерии в Бородинском сражении, приводятся слова чьих-то воспоминаний, что «напрасно князь Багратион старался доказать Ностицу всю нелепость Мюратовых слов, ставя в пример поступок князя Ауерсберга. Ностиц предпочел поверить Мюрату, и говорят, будто Багратион, плюнув, отворотился от него, взял своих казаков и велел готовиться к бою»⁴² Что ж, похоже на то!

Мюрат, в свою очередь, не ожидал так рано обнаружить русских и решил, что настиг всю армию. Так как при этом

⁴² А.С. Норов Война и Мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир»

его силы были бы только равны, он решает дожидаться подхода остальных корпусов Наполеона и под предлогом той же байки предлагает три дня не трогаться с места до полного якобы замирения.

Кутузову же для спасения армии (привычка поневоле обстоятельств задолго до Московских событий), необходимо оторваться от преследования. Теперь уже он, под предлогом, что поверил в мифические переговоры, перехватывает инициативу предложениями «от которых нельзя отказаться», мол, какое там перемирие, а давайте-ка... вообще прекратим это нехорошее дело «в живых-то людей стрелять». Мюрат, наверное, какое-то время был счастлив своему хитроумию.

«Во время перестрелки генерал Мурат прислал трубача предложить перемирие; князь Багратион немедленно о том мне донес, а я поспешил отправить к генералу Мурату генерал-адъютанта барона Винценгероде с тем, чтоб вступил в переговоры и, буде выгодно предложат условие, то и заключить перемирие; намерение же мое было паче всего, чтоб выиграть время к снисканию средства для спасения армии и успеть отойти от неприятеля. Генерал-адъютант барон Винценгероде подписал действительно акт перемирия, при сем в копии всеподданнейше подносимый, которой генерал Мурат признал необходимым послать к Бонопарте для ратификации, вследствие чего и ко мне был прислан таковой же для того же самого предмета. Я удержался ответом более 20

часов, не думая нимало оной принять, а между тем продолжал ретираду армии и успел отойти от французской армии на два перехода».

Странным образом этот эпизод не получил никакого отражения в батальной живописи! Похоже, что только один Наполеон понял, какими дураками выставил Кутузов и Мюрата и его самого, всячески избегая упоминать этот случай. Всем же остальным, очевидно, не хватает той свободы, причём свободы ума смешливого, которым обладал Кутузов.

И, вообразите, нашёлся историк, который, сличая русские и французские документы, попытался вменить Кутузову подлог (!) в якобы подмене слов «перемирие» и «капитуляция», то ли с целью уличить его в непорядочности, то ли превышения полномочий...

Настолько деформируется сознание в тщеславии любой ценой сочинить себе «как бы» научное открытие! Вот очередной пример, когда профессиональное честолюбие преодолевает порядочность и заставляет перевернуть очевидные мотивы действий Кутузова⁴³. Очевидные, потому что или они должны быть знакомы по документам с его образом действий, или они не должны считаться грамотными исследователями. Ещё раз: опорная высота «боя местного историче-

⁴³ Кстати, это тот самый О. Соколов; кандидат исторических наук, доцент, кавалер ордена Почетного легиона (неспроста?), который в ноябре 2019 года убил, расчленил и обезглавил 24-летнюю любовницу и бывшую студентку. Как видим, тщеславие и непорядочность интеллектуальная в одном ряду с другими пороками.

ского значения» о бюрократическом поединке между Мюратом и Кутузовым даже не в проверочном дубликате договора из Архива исторической службы французской армии, а в том, что именно Кутузова не провести не только Мюрату, но и десяти Наполеонам кряду – просто такой это был человек..., о чём и речь. Разве не это было о нём известно всегда и аттестовано Суворовым?

– «Опытные полководцы орлиным взглядом высматривают свойства ума и дарования сподвижников своих. Суворов вполне разгадал тонкий, проницательный ум Кутузова и своими намеками передал и другим мнение свое о нем. «Кутузова, – говорил он, – и де Рибас не обманет. Я не кланяюсь Кутузову, он поклонится раз, а обманет десять раз». Сбылись слова Суворова. Отправляясь к войску, Кутузов ни себя, ни других не обольщал славою будущих побед, он желал только обмануть Наполеона, который и в свою очередь называл его старою лисицею...

Весьма справедливо замечено в биографии князя Кутузова, что отличительною чертою его характера была скрытность, хитрость и самостоятельность, когда-то было нужно, нетерпение чужих советов. Эта черта его нрава не могла быть приятна сподвижникам его; никто из них не мог похвалиться его откровенностью, никто не знал, что думал и предпринимал Кутузов. По словам князя Репнина "Кутузов доступен каждому, но сердце его недоступно никому"»⁴⁴.

⁴⁴ Шишков Н. «Воспоминание о князе Смоленском М.И. Голенищеве-Кутузо-

– «Михаил Кутузов также считается одним из военных идолов русских. Трудно иметь более ума; но вот и все, что можно сказать о нем»⁴⁵.

Впрочем, по выдержке из документа можно даже с ходу заметить приметы, как ныне говорится, троллинга с русской стороны:

– «1805 г. ноября 3. Текст предварительного перемирия между русскими и французскими войсками.

...Установлено между господином дивизионным генералом Беллиаром, начальником главного штаба (корпуса Мюрата – прим. авт.),... и господином бароном Винценгероде, адъютантом его величества императора всероссийского и генерал-майором армии...условий:

...Русская армия покинет Германию и тотчас же двинется обратно по дороге, по которой прибыла и теми же переходами, в то время как принц Мюрат согласен направиться в Моравию...»

О чём бы в документе не говорилось, но если главнокомандующий и располагает изрядными полномочиями, то это никак не касается господ штабиста и адъютанта. Но договор на сей момент по факту заключается-то между ними! И при том, невероятная по издевательскому идиотизму картинка обязательств: вышли, как и зашли (?), да ещё теми же пере-

ве». Журнал «Русский архив», 1866.

⁴⁵ Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство рус. армии. Предисл. и примеч. авт. Сообщ. Н. Шильдер. [Пер. по рукописи В. Н. М.]. – РС, 1895, т. 83, № 3, с. 147—166; № 4, с. 145—177; № 5, с. 185—202.

ходами!

Перебесившись, Наполеон (цена этой инициативы Мюрата – очевидная потеря победы), в письме своему блистательному маршалу сообщает: «Я не могу найти слов, чтоб выразить вам мое неудовольствие... генерал, подписавший эту капитуляцию, не имел на это права, и никто не имеет, исключая лишь российского императора... Идите, уничтожьте русскую армию....».

Толстой не мог пропустить этот эпизод, но принципиально «понижил градус» хода Кутузова – иначе читатель заподозрил бы, что старик силён не только метафизическими прозрениями! В «Войне и мире» дано повествовательное описание как бы «принятия перемирия», но на самом деле, в ответ на обманное предложение перемирия Кутузов отвечает «мощной бюрократической контратакой» с применением «тяжёлых вооружений» в виде волокиты пересылаемых и удостоверяемых «бумаг».

Кутузов, во-первых, обманул самого обманщика Мюрата, посулив своей якобы готовностью (к чему-то, что и назвать трудно) такие «бонусы», что тот потерял голову и был просто парализован на месте, дав время отряду Багратиона обсушиться, подкрепиться и всячески изготавиться к сражению.

Во-вторых, история с мнимой капитуляцией есть второе издание «Письма запорожцев турецкому султану» по своей весёлой дерзости. Кутузов, верно, изрядно потешился,

изображая участника каких-то переговоров, которых не было и быть не могло; якобы подготовителя бумаг такого уровня, готовить которые без предварительного согласования он не имел никакого права и, разумеется, не готовил! Перед лицом неприятеля Кутузов высмеял и самого императора, поймав на бумажную дурилку, подброшенную его же подчинённым, и походную канцелярию французов. Наполеон прекрасно понял: и что над ним потешаются, и кто над ним потешается!

Извольте доказательство: через двенадцать дней после перехода войсками Наполеона границы Российской империи, 13 (25) июня 1812 года к нему прибыл генерал-адъютант Балашев с собственноручным письмом Александра I. При аудиенции, в реплике Балашеву о заключённом Россией мирном договоре с турецкой Портой, который был для Наполеона неожиданным стратегическим поражением, «республиканский» император примечательно не упомянул автора этой, более, чем неприятной ему победы. Могло это быть только намеренной симуляцией забывчивости? Или даже мистическим нежеланием спровоцировать, «вызывая на себя», явление старого противника?

Кто-то предположит равновероятие знаменитых «истин лежащих посередине», но ... ещё через несколько месяцев, уже заняв Москву и начиная чувствовать утрату всякой возможности влиять на ход событий, Наполеон пишет известное письмо (вернее, записку) к Кутузову:

– «Посылаю к Вам одного из Моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтоб Ваша Светлость поверили тому, что он Вам скажет, особенно, когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые Я с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю Всевышнего, чтобы он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом».

Толстой, приведя её в «Войне и мире» называет «стоном раненого зверя», а слова Наполеона: «первые пришедшие ему в голову и не имеющие никакого смысла». Первое верно; второе нет; третье, смотря в каком смысле «смысла»...

Мало того, что Александр I, не имея веры в своих военачальников (откуда же ей взяться? Он престолонаследное дитя предательства...) изначально собирался воевать с Наполеоном народными тяготами, преодолевая чужое войско на своей территории, так, к тому же, постоянно прозябал в политике «стратегической неопределённости» (столь модной сейчас), и с начала войны ничего лучше не придумал, как спрятаться в недостижимость от едва-едва, что зятя (!)...

Межеумие происходящего изумляло хоть сколько-нибудь причастного человека, например нач.штаба 2-й армии; имеющего «простое личное счастье» не осознавать его причин:

– «Я не говорю об оставлении страны без единого выстрела, о всех уничтоженных запасах, все это неизбежное следствие первоначальных передвижений. Те, кто посоветовал

подобные действия, виноваты в этом перед потомством.

Но во всем этом наиболее достоин сожаления Император, положение которого ужасно. Я не осмеливаюсь ему более об этом писать, поскольку я ему предсказал все, что теперь с нами происходит, и уверен, что он сам очень огорчен»⁴⁶.

В самом высшем смысле истории, Наполеон потому и своеобразен (вернее, определён своим содержанием), что даже атакуя 500-тысячной армией чужую страну, искренне изумляется, что этим выраженное его «стремление к миру» не находит отклика в «брате-императоре»!

Итак, первое верно, потому что он начал понимать, что ошибочно оценил возможности противника для прямого ему диктата.

Второе неверно, потому что письмо великолепно продумано: в последней строчке он, отчаявшись войти в переговоры с «братом Александром», пишет к Кутузову. И если в обращении Наполеон показал, что ему известно о недавнем пожаловании Кутузову княжеского достоинства, то второе упоминание об этом же выдаёт желание Наполеона угодить собеседнику. Особая пикантность ситуации в том, что благоволение этого пожалования от 29-го июля 1812 г. вызвано почти неизбежным будущим назначением Кутузова – ему же, Наполеону, 8-го августа 1812 г. в противники! А уж сло-

⁴⁶ Письмо э. Ф. Сен-При, начальника штаба п.и. Багратиова, брату Луи Сен-При 1812 1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. . . .: Из собр. Гос. Ист. музея Автор: Сост.: Ф. А. Петров и др. Издательство: М.: «Терра» Год: 1992

ва «особое внимание всегда» значит только одно: Наполеон признался, что никогда не упускал Кутузова из виду!

Тем более, якобы забывчивость на посторонних, не мешает быть откровенным среди своих: «Узнав о прибытии Кутузова (то есть назначении общим главнокомандующим – прим. авт), он тотчас же с довольным видом сделал вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву, потому что находится слишком близко к этой столице, чтобы спасти ее; он говорил, что благодарен императору Александру за эту перемену в настоящий момент, так как она пришлась как нельзя более кстати.

Он расхваливал ум Кутузова, говорил, что с ослабленной, деморализованной армией ему не остановить похода императора на Москву. Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, а через две недели император Александр окажется без столицы и без армии; эта армия действительно будет иметь честь не уступать свою древнюю столицу без боя; вероятно, именно этого хотел император Александр, соглашаясь на перемену; он сможет теперь заключить мир, избежав упреков и порицаний со стороны русских вельмож, ставленником которых является Кутузов, и он сможет теперь возложить на Кутузова ответственность за последствия тех неудач, которые он потерпит; несомненно, такова была его цель, когда он пошел на уступку своему дворянству»⁴⁷.

⁴⁷ Арман Огюстен Луи де Коленкур. Мемуары. Поход Наполеона в Россию

Положительно, нельзя отказать Наполеону в уме, но надо заметить потерю понимания им условий деятельности, когда они не совпадают с привычкой своих бессознательных устремлений. Кутузов в ответ объяснил, как нельзя более прямо, что у Наполеона уже нет возможности ни к каким политическим расчётам:

– «Я был бы проклят потомками, если бы на меня смотрели как на первопричину любого приспособления. Таков нынешний дух моей нации».

Именно Кутузов и отверг смысл в поиске смысла происходящего с Наполеоном...

А пока, за семь лет до Москвы, своей властью, что называется, прекратив «бюрократическое избиение младенца Мюрата», Наполеон обозначил окончание перемирия своего, не в меру хитрого подчинённого, четырьмя часами пополудни, рассчитывая к ночи прорвать заслон. Но время было русскими выиграно, и это было уже начало победы. Теперь пришла очередь Багратиона.

Армия – последний аргумент в споре государственнохозяйствующих субъектов. Ставить её на кон можно только в совокупности всех благоприятствующих условий. Имеющий численное превосходство располагает таким козырем, что стремится навязать сражение в скорейшее время, лишая противника возможности прибегнуть к воспомоществованию прочих обстоятельств. Преследующая сторона отряжает ор-

ганизованную силу, чтобы зацепившись за отступающие боевые порядки противника, вынудить к решающему сражению в неподготовленных условиях, лучше, с самого марша.

Поэтому арриергард это не вяло иногда отстреливающиеся стрелки.... «Отделённый корпус» Багратиона являет маленькую армию, сбалансированную в родах войск, которой периодически приходится не только отбивать, но и контратаковать напирющий авангард неприятеля. Состав полков и подразделений Багратионова заслона показателен: казаки, драгуны, гусары, гренадеры, егери, мушкетёры, артиллерия, то есть, взаимодополнители способом военных действий. Не зря Клаузевиц говорит: «А ведь хорошо известно, что происходит, когда один род оружия должен сражаться с двумя родами оружия».

Прорвать небольшое соединение для преследования главных сил собирался теперь сам Наполеон. Соотношение сил, при всём прочем, означало верную гибель, для Багратиона очевидную:

– «Известное Вашему моя надежда оставалась на 4 часа времени, которые требованы были во время переговоров от него, и едва лишь получил о сем известие, как неприятель открыл со многих батарей сильную канонаду и колонны двинулись окружать мой корпус. Главная его цель была отрезать меня от армии вашего высокопревосходительства и истребить вовсе»⁴⁸.

⁴⁸ М. И. Кутузов Сборник документов. Том II . Москва – 1951 1805 г. ноября

Багратион попытался заранее начать отход, но противник тут же прислал парламентёра с напоминанием не двигаться до указанного времени, иначе атака будет начата незамедлительно. Исполняя задачу дать время отходу основной армии, он вернулся к позиции, сознавая всю гибельность условия. По первому выстрелу французской пушки одновременно начались атака и оборонительное отступление. Вот почему никакие нарисованные Болконским стрелки ничего бы не значили! всё решала предварительная выучка и самостоятельные действия слаженной команды.

В таких случаях и Кутузов говаривал: «Я надеюсь, что не имею нужды напоминать, что всякий во время дела будет при своем месте»⁴⁹.

Наконец, результат был достигнут: при всех случившихся незадачах, замешательстве с мушкетёрами (Толстым отражено), мало того, что французов удалось удержать до одиннадцати часов вечера с прекращением сражения и срывом преследования армии, но даже взяв несколько пленных и знамя!

Почти всё Толстой упомянул:

– хорошая работа артиллерии по Шенграбену («Храбрый генерал-майор князь Багратион, нимало не теряясь, произвел с своей стороны канонаду и, бросив несколько бомб

5.– Рапорт П. И. Багратиона М. И. Кутузову о сражении при Шенграбене № 4

⁴⁹ № 86 1805 г. октября 6. —приказ М. И. Кутузова войскам Подольской армии о тактике в предстоящих сражениях с французскими войсками. Браунау сноски М. И. Кутузов Сборник документов. Том II . Москва – 1951

в неприятеля, успел зажечь деревню, в которой был расположен корпус, назначенный для атаки князя Багратиона с флангу. Увеличившийся пожар понудил неприятеля выйти из сей деревни и спасти свои пороховые ящики, проходя вдали позади оной, что и дало время князю Багратиону выиграть часа два к ретираде» – было);

– инициативная вылазка пехотного офицера (было); даже описанная штыковая атака («...новой неприятель, зашед, дабы отрезать совсем от армии, делал сильное препятствие в марше как картечными, так и ружейными выстрелами. Но и здесь при сильном ударе в штыки неприятель был прогнан с великим своим уроном и, тем освободясь от сильного его препятствия, присоединилась к части авангарда моего и хотя сию часть неприятель до соединения и преследовал чрез 6 верст, но принужден был, видя совершенную свою неудачу и большой вред, оставить преследовать и я с авангардом прибыл благополучно, не имея и до сих пор о нем никакого известия» – из рапорта Багратиона).

– не повезло только Павлоградским гусарам. Они тоже заслужили впервые учреждённые для участников сражения Георгиевский штандарт и знамёна с надписью: "За подвиг при Шенграбене 4 ноября 1805 года в сражении 5 т. корпуса с неприятелем, состоявшим из 30 т." (ехидный Ермолов у себя «тысячи» снижает до менее семи против «более двадцати»).

Своими атаками они прикрывали пехоту от обходных по-

кушений французов. Когда их отрезали, выстраивая непреодолимое конницей каре, в единственный момент возможного, сомкнутым строем гусары вырвались, оставив противника ни с чем. Да и то сказать, командиром полка и эскадронов были ветераны турецкой, польской кампаний и Швейцарского похода. Но их славный эпизод ушёл у Толстого на описание военных приключений павлоградца Николая Ростова....

Так что школьникам для сочинений по Шенграбену надо давать тему отталкиваясь от такой цитаты: «Слушая Билибина, он соображал уже, как, приехав к армии, он на военном совете подаст мнение, которое одно спасет армию, и как ему одному будет поручено исполнение этого плана»....

Между прочим, «образ капитана Тушина», правду сказать..., совсем не плоско героический. Задерживаться на позиции он не должен был: оборона, перемежаясь контратаками, предусматривала постоянный отход! Оставленным резервом у Гутенсдорфа, пропуская отходившие передовые полки, Багратион восстанавливает порядки и снова задерживает противника. Очевидно, тогда прикрытия и не стало... То ли, увлѣвшись горячкой боя, а, вероятнее, разменяв нерасторопность отступления на качество пристрелянной позиции и выучку команды, офицер «взял свою власть». Словами Болконского: «... успехом дня мы обязаны более всего действию этой батареи и героической стойкости капитана Тушина с его ротой».

Так что невысказанные слова Багратиона: «...видимо не желая выказать недоверия ...и, вместе с тем, чувствуя себя не в состоянии вполне верить ему...», могли быть продолжены и напоминанием о необходимости выдерживать общий план сражения, и того, что, берущие на себя ответственность подвига – в той же мере, порою суть нарушители дисциплины (ну, как бы...). Именно, что в Багратионе показана способность правильно понимать всю совокупность обстоятельств, выделяя преобладающий смысл – одна из необходимостей полководца.

Тем вечером, Кутузов, внезапной командой «кругом» повернул армию обратно лицом к Кремсу, занятому Наполеоном, но вместо сражения начался подъём в горы за проводниками, и ещё ночью, на привале, они увидели внизу на равнине открывшиеся взору бивачные огни французов перед Шенграбенем. Это расстояние в 15 вёрст означало уже полную безопасность для них и ожидаемую гибель для тех, кто загородил французов, то есть, отряда Багратиона. За время этого сражения Подольская армия Кутузова оторвалась на два перехода и под Ольмюцем соединились с армией Буксгевдена.

Багратион учёл потери: «Урон с нашей стороны состоит: разных полков и команд убитых обер-офицеров 4, унтер-офицеров 26, музыкантов 10, рядовых 728, лошадей строевых 55, артиллерийских 26; раненых и оставленных на месте сражения обер-офицеров 11, унтер-офицеров 28, му-

зыкантов 7, рядовых 687, нестроевых 4, лошадей артиллерийских 22; безвестно пропавших обер-офицеров 3, унтер-офицеров 21, музыкантов 6, рядовых 675, нестроевых 6; итого 2 208 человек. Раненых, при полках состоящих: обер-офицеров 3, унтер-офицеров 21, музыкантов 6, рядовых 156, нестроевых 6; итого 194. Восемь орудий, под которыми были подбиты сильными неприятельскими батареями оси и колеса, оставлены на месте сражения без артиллерийских лошадей, которые все были также побиты и тяжело ранены»⁵⁰.

Из ложи прозы в раздраз жизни

«Война – войной, а обед по расписанию!» – это замечательно, когда есть жизнь, пребывающая в своей обыденности, и когда есть случай оценить подвиг не только посмертно:

– «Получив и теперь рапорт, с каким усилием стремится везде неприятель на наши аванпосты и как удачно удерживает его генерал-майор князь Багратион, я не могу откладывать далее всеподданнейшее мое представление о сем отличном помощнике моем; генерал-майор князь Багратион по мнению моему заслуживает за разные дела, в коих он действовал, чин генерал-лейтенанта, а за последнее при деревне Шенграбен неоспоримое, кажется, имеет право на военной орденом св. Георгия 2-го класса. Поелику же генерал-майор Милорадович старше его и хотя не имел случая так отли-

⁵⁰ № 180 1805 г. ноября 5.-Рапорт П. И. Багратиона М. И. Кутузову о сражении при Шенграбене сноска М. И. Кутузов Сборник документов. Том II . Москва – 1951

читься, как князь Багратион в последнем деле, со всем тем, во время сражения в Кремсе он выдержал весь огонь неприятельской с утра до самого вечера и не токмо не уступил свое место, но часто опрокидывал неприятеля на штыках и тем дал время зайтить нашим ему с тылу и решить победу, то неблагоугодно ли будет и сего храброго генерал-майора пожаловать в генерал-лейтенанты»⁵¹.

Скандал скандалёзный! Вторжение в порядок чинопроизводства, тем паче генеральские – такая неловкая в обиходе докука! Однако, Кутузов позволил себе экстраординарное – представил Багратиона к производству в чин за отличия, сделав представление к генерал-лейтенанту на обоих, уравняв тем Багратиона с более старшим в выслуге Милорадовичем. Александр I согласился на отступление от обычного порядка. Дело того требовало, и никакой личной потачки Багратиону из решения командующего не выходит. Разница в классе «отправления должности» была, прямо сказать, заметна всем, а для командующего конкретна в потребности порученца к сложным заданиям:

– «Милорадович по возвышенности духа был истинный Баярд, но по недостатку приготовления, беспечности и избалованному счастью не дорожил наукою. Он совершенно её не знал и у него всегда должно быть другому, который управлял бы целою пьесою. Его можно сравнить с хозяином, ко-

⁵¹ № 187 1805 г. ноября 7 (19).-Рапорт М. И. Кутузова Александру I о сражении при Шенграбене М. И. Кутузов Сборник документов. Том II . Москва – 1951

торый даёт волю приказчику – всем располагать, но который берёт себе только трудное и опасное»⁵².

Однако, чего бы стоили феодальные привилегии – без права сюзерена по своему желанию казнить и миловать, и перво-наперво упражняться этим в чинопроизводстве? Несколько лет спустя Александр I подобным образом “подгонит” Барклая де Толли, что обернётся уже против Багратиона, когда между ними возникнет тягостная напряжённость в праве на старшинство единоначалия (а в этом-то и суть генеральства!). Но и в этот, и в следующий раз Багратиону производство даётся не авансом, а по результату уже сделанного.

Здесь всякий размышляющий человек, спросил бы: «Однако, странно! Есть перворазрядный генерал безупречной доблести, командовавший одной из двух решаяще действующих армий Отечественной войны, один из претендентов на должность общего главнокомандующего, исполнивший свой долг на Бородинском поле, но у Казанского собора мы его не видим....».

Ладно бы с монументальной пропагандой – под памятник нужно площадь, для площади – дворец или ратушу и т.д.; но вот более удивительное... Знаменитая Военная Дворцовая Галерея чертогов Зимнего дворца, где предстаёт «дружина Вождей Русских», по сути сопровождается литературной презентацией (как модно сейчас говорить) – шеститомным

⁵² Мой век, или История генерала Маевского» // Русская старина. 1873. № 8

жизнеописанием генералов – «вождей Двенадесятого года». По личному повелению монарха оно исполнено Михайловским-Данилевским, ныне сенатором при Николае Первом, а тогда, в 1812 году, адъютантом Кутузова. И только в предисловии можно найти: «за мудрым Кутузовым идёт пылкий Багратион, затем хладнокровный Барклай-де-Толли...» – в остальных томах парадной книги Багратиона нет, как будто его и вовсе не было (?!). Неужели за двести лет историки не заметили эту странность? Что ж, всё разъяснится...

Оставьте! «Победитель не получает ничего» – разве перестало быть истиной? Когда кипит бой, все бросаются к тому, кто спасёт положение, но стоит утихнуть буре, кто не предпочтёт «умеренность и аккуратность»? Академик Е.В. Тарле заметил: «Самым удивительным в карьере Багратиона было то, что он дожил до 47 лет». Современные зрители даже разглядывая яркую картинку оставленную очевидцами, по своей отдалённости от сути событий понимают плоско: «...но полевые укрепления не были еще везде закончены, особенно на левом фланге, всего более угрожаемом, и который поэтому, как всегда делалось, был поручен князю Багратиону»⁵³.

Наши историоманы разглядывают картонные фигурки и не возьмут в толк, что снова Кутузов приказал Багратиону умереть, как это было уже не раз, и Багратион знал, что он

⁵³ Норов В. С. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. – СПб., 1834.

будет поставлен на самый опасный участок; и что этот участок не случайно, а намеренно таков по хитроумной диспозиции Кутузова.

Когда всё пришло в движение, механика прояснилась и для его дежурного штаб-офицера Маевского:

– «25-го августа развернулся весь ад! Бедный наш уголок, или левый фланг, составивши треугольник позиции, более смешной, нежели ошибочной, сосредоточил на себе все выстрелы французской армии... левый наш фланг, выдавшийся вперёд отдельным углом и батареею. Неприятель с самого начала напирал на него. Это и естественно, ибо пункт сей для нас был гибелен, а для неприятеля авантажен и бесспорен»⁵⁴

Князь Пётр не раз исполнял отведённую ему роль в замыслах Кутузова, роль примечательную, но, видимо, ...только смешную современным судиям воинских талантов. Кутузов в реляции Александру I о Шенграбене пишет прямо: «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона, не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованием оного армию...»⁵⁵

Барклай-де-Толли на поле Бородина был поставлен Кутузовым на прикрытый, относительно левого, практически неприступный правый фланг. Знаменитая маята его – там он, по убеждению очевидцев, «искал смерти», объезжая линии; говорят, под ним убиты четыре лошади, рядом погиб-

⁵⁴ Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8.

⁵⁵ М. И. Кутузов Сборник документов. Том II . Москва – 1951

ли два адъютанта и несколько ранены... – всё сейчас приписывается героическому нетерпению.... Увы! На самом деле – уязвлённому самолюбию.... Но лучше ли, чтобы это было раскаянием, жоть и запоздалым, перед товарищем-генералом, которого он своим кунктаторством подвёл-таки и на этот раз под смертельное командование на самом гибельном участке, сам оставшись в стороне со словами: «Покоряюсь жребию моему. Не сбылось мое пламенное желание. Провидение пощадило жизнь, которая тяготит меня». Ну, так в чём же могло состоять это желание?!

Начав с сотни орудий перед Семеновскими флешами, к восьмой атаке Наполеон довёл их до четырёхсот. Следовательно, в многожды словесной дуэли с Барклаем, Багратион победил и мог сказать так: «Или мы будем вести настоящую наступательную войну или нас, как всегда, поставят в положение от крайней обороны. Ты знаешь, что это значит».

Отрицать, что этот туз пик роздан явно, Барклаю уже не было возможности; каков бы он ни был полководец, но, по-видимому, часть души его всё-таки имела совесть. Или научилась ей на русской службе?

Всё сказанное подтверждается словами самого Кутузова, который был обязан отчитаться перед Государем в наличии плана сражения. В двух кратких, по возможности, самых общих фразах – схема подстроенной им ловушки, в третьей – то, что он признал бы поражением в замысле.

– «Слабое место сей позиции, которое находится с лево-

го фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе. Но ежели он, найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаюсь, что может быть должен (буду – прим. авт.) итти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся...»⁵⁶.

Замысел оправдался: Наполеон поддался кажущейся неустойчивости левого фланга, на деле исправленного «искусством» духа 2-й армии, армии Багратиона.... Понятовскому с его польским корпусом этот левый фланг обойти не удалось; прорывные маневры Наполеона, угрожавшие расстройством армии, как целому, предотвращён; битва затихла в центре позиции. «Противник отражён во всех пунктах!».

Здесь историки-правдорубы «и примкнувшие к ним» переходят к неубиваемому, как им кажется, аргументу: где же неперемный признак победы в отбрасывании неприятельской армии? Почему не нокаут, а только нокдаун? Но именно Александр обещал предоставить Кутузову к сражению второлинейную армию в 100-120 тысяч новобранцев, но не сдержал слова! Не подошла и, ожидавшаяся прибытием, 3-я армия. Вот ответ, почему переход в наступление не состоялся. И при всех этих документах (!) – взяла верх точка зрения, мол, «Кутузов обманул Александра, рапортуя при Бо-

⁵⁶ 1812 г. августа 23. донесение М. И. Кутузова Александру I о состоянии армии и о выборе позиции при Бородине

родино победу!»?! Если Кутузов и отдавал самому себе отчёт «в воинских недовложениях» результата сражения, то невозможность достижения оно́го ему обеспечил именно сам Александр и поэ́тому он-то и не посмел возразить вообще что-либо по итогу сражения.

Прежде, до выдумывания Барклаем знаменитой доктрины, генералы не искали повода к взаимным спорам: «Суворовский авангардный генерал, князь Багратион, после Пултуска и Прейсиш-Эйлау питал высокое уважение к Барклаю-де-Толли, и относился а нему с величайшей похвалой»⁵⁷.

Однако, в покойных кабинетных условиях не получится отыскать историка, который уверенно решит спор между Барклаем и Багратионом в пользу последнего. Но это «общее мнение» мало, что значит – от них иначе и быть не может! Способ поиска истины формальным сопоставлением послужных списков и прочих анкетных данных, очевидно, оставит мотивы поведения Багратиона непонятными. А те, кто замечают странности, приписывают им первое же попавшееся объяснение, не озабочиваясь проверить его системно-стью.

Но, как не обидно трактовщикам, они бессильны и книжки их истлеют: Лев Толстой навечно взял Багратиона под свою защиту. Правда, Толстому хватает самого заметного по прошествии лет, политического момента. Ведь среди «всех

⁵⁷ Ф.В.Булгарин (1789-1859) Воспоминания

мыслей и голосов» о том, как будет вестись «дело войны» в 1812 году по определённости и выраженности мнения:

– «...второй была партия», в которой: «еще с Вильны требовали наступления в Польшу... Кроме того, что представители этой партии были представители смелых действий, они вместе с тем и были представителями национальности, вследствие чего становились еще одностороннее в споре. Эти были русские: Багратион, начинавший возвышаться Ермолов и другие... Люди этой партии говорили, вспоминая Суворова, что надо не думать, не накалывать иголками карту, а драться, бить неприятеля, не впускать его в Россию и не давать унывать войску»⁵⁸.

Очевидно, что представления общества 1812 года и даже Толстовского времени о «национальном», самих выразителей «национального» и последствиях их действий совершенно не ложатся на наши сегодняшние куцые определения. То обстоятельство, что кн. Багратион до сих пор имеет славу исключительно в воинской молве, много – окрашенную национал-патриотизмом, но никак не связанную с его намерениями к государственной политике, представляется сильным искажением действительных мотивов событий, бывших гораздо более сложными, чем предъявляют учебники.

Как своеобразно значение «Войны и мира»! С одной стороны, очевидно, сколь инакова цель книги от описания реальных событий. Примеры этому ещё будут, но реальность

⁵⁸ Л.Н. Толстой «Война и мир»

и не её задача. «Война и мир» доносит идею «духа времени», по необходимости даже искажая факты, а «документалисты», не имеющие способа проникнуть к забытой ими личности и полагаясь на якобы факты, перестают понимать смысл произошедшего.

Чтобы окончательно закрепить образ кн. Багратиона односторонне-позитивным, Толстой рисует его в сцене торжественного приёма в Английском клубе эдаким дитём военной природы: «...Багратион всё-таки прошел вперед. Он шел, не зная куда девать руки, застенчиво и неловко, по паркету приемной: ему привычнее и легче было ходить под пулями по вспаханному полю, как он шел перед Курским полком в Шенграбене....

Перед самым обедом граф Илья Андреич представил князю своего сына. Багратион, узнав его, сказал несколько нескладных, неловких слов, как и все слова, которые он говорил в этот день»⁵⁹.

Могло ли такое быть? Да, но только «по конфуциански» – по другим причинам. Во-первых, потому что он «не боялся паркетов» (убедимся в этом). Во-вторых, не прекратив быть героем благодаря удачным действиям при ужасном для русской армии Аустерлице, он настолько более знал о правде этого сражения, что если бы и смущался, то разве слушая досужие об этом толкования.

Ведь чем подытожил впечатления Ермолов? «Я не описал

⁵⁹ Л.Н. Толстой «Война и мир»

Аустерлицкого сражения с большою подробностью, ибо сопровождали его обстоятельства столько странные, что я не умел дать ни малейшей связи происшествиям... Случалось мне слышать рассуждения о сем сражении многих достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия, и только согласовались в том, что никогда не были свидетелями подобного события». ⁶⁰

Или словами другого известного человека :«Сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил....»⁶¹.

Но известно, что в каких-то речах (и особенно письмах) Багратион действительно проявлялся тем, что Толстой называл «одностороннее в споре». Нынешние злопыхатели князя Петра (и таковые объявились), потихоньку-полегоньку стали ссылаться на удостоверенное якобы мнение о его... глупости.(?) И надо же – ответственным проводником к такому выводу им они назначают Толстого! Допустим, вольно или невольно они впадают в его трактовку аудиенции Наполеона посланному к нему Александром I, генерал-адъютанту Балашеву после перехода Немана. Литературно безупречная, в «опрессовке» Толстого к нужному смыслу, она такова:

⁶⁰ «Записки артиллерии полковника Ермолова, с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился, и военных происшествий того времени 1801-1807 гг.» <http://www.museum.ru/1812/library/Ermolov/part2.html#rr8>

⁶¹ Ф.В.Булгарин (1789-1859) Воспоминания ,М.: Захаров,2001.

– «Наполеон находился в том состоянии раздражения, в котором нужно говорить, говорить и говорить, только для того, чтобы самому себе доказать свою справедливость. Балашеву становилось тяжело: он, как посол, боялся уронить свое достоинство и чувствовал необходимость возражать; но, как человек, он сжимался нравственно перед забвением беспричинного гнева, в котором очевидно находился Наполеон. Он знал, что все слова, сказанные теперь Наполеоном, не имеют значения, что он сам, когда опомнится, устыдится их. и старался избегать его взгляда». ⁶²

Да, уж... Это, конечно, удивительное дело, чтобы требовать от общества уяснения урока, которого оно не смогло сделать за сто пятьдесят лет, но приходится повторять одно и то же: роман «Война и мир» – сугубо философское произведение, рассчитанное на внедрение в общественное сознание идеи необходимости каждому человеку поднимать своё самосознание, для начала осознав своё существование не как прихоть случая, «природы», «божьей воли», а частью закономерного процесса, даже как, жёстко сказать, «общественного механизма». Удивительно, что если это и понимается, то не переживается в той необходимой степени массовости, что Толстому представлялась однозначно необходимой.

Поэтому менее всего можно у него найти справедливую оценку Наполеона, Всё, что он хотел бы заявить о нём, сказано в эпилоге: «Случайность, миллионы случайностей да-

⁶² Л.Н. Толстой «Война и мир»

ют ему власть...» — этим он желает возбудить общественную мысль о признании социального механизма, который и есть предьявитель «на гора» того или иного, случайного для самой машины, персонажа. Но... тут же сам не выдерживает силы факта и, как кажется ему, достаточно выправляется фразой: «Случайность и гениальность дают ему победу под Аустерлицем...» — хотя именно здесь «гениальность» того порядка, которой сам Наполеон (как скоро увидим) вовсе не желал бы обнародовать! Какая ирония реальности против умственных схем! Заметим этот момент, он нам ещё пригодится..., а пока вернёмся к Багратиону, из-за которого в главе весь сыр-бор.

И опять-таки, придётся предварительно сказать, что всё двухчастное общение Балашева с Наполеоном подогнано Толстым под свою задачу и даже интересно, смутился ли он мерой своего искажения или, увлечённый своей задачей, «смахнул не глядя»?

Ещё не хватало терять время, и в книжке, посвящённой защите репутации Кутузова, воздавать хвалу Наполеону! Но, правду сказать, достаточно внимательно прочесть меморий самого Балашева, чтобы увидеть до чего же Буонапарте талантлив! Понятно, что разговор — не сражение, и на признание за ним яркого военного таланта есть мнение того же Суворова, но сам текст подобен алмазу смысла из которого Толстой огранил себе лишь нужный ему, но крохотный бриллиантик, оставив втуне настоящее содержание. Ему понадооби-

лось, в основном, одно намерение Наполеона – выдать свою инициативу атаковать, за только лишь ответ на провокацию «брата» Александра (оставим в стороне соотношение их истинных намерений), а более всего хотелось показать его «автоматом обстоятельств»:

– «Наполеон находился в том состоянии раздражения, в котором нужно говорить, говорить и говорить, только для того, чтобы самому себе доказать свою справедливость.... Он знал, что все слова, сказанные теперь Наполеоном, не имеют значения, что он сам, когда опомнится, устыдится их...»⁶³

Но это совсем не так! Наполеон проявил здесь мастерство анализа, пропаганды, разведки, дезинформации, что называется, «в одном флаконе», изложенное с блеском и увязанное друг с другом! Неуместно разбирать каждую отдельную посылку, но даже в одном из самых пикантных мест – сравнении, скажем, «прикладного военначалия», заметно, как Толстой подрезает полный, более глубокий смысл реплики. У него сказано так:

– «Положим, ежели бы они были способны, можно бы их употреблять, – продолжал Наполеон, едва успевая словом поспевать за беспрестанно возникающими соображениями, показывающими ему его правоту или силу (что в его понятии было одно и то же), – но и того нет: они не годятся ни для войны, ни для мира. Барклай, говорят, дельнее их всех; но я этого не скажу, судя по его первым движениям. А они

⁶³ Л.Н. Толстой «Война и мир»

что делают? Что делают все эти придворные! Пфуль предлагает, Армфельд спорит, Бенигсен рассматривает, а Барклай, призванный действовать, не знает, на что решиться, и время проходит. Один Багратион – военный человек. Он глуп, но у него есть опытность, глазомер и решительность...»⁶⁴.

На самом деле, оригинальный тезис Наполеона был таков: – « ...Бенингсен, как говорят, одарён отчасти военными талантами, которых я у него не признаю, но руки у него в крови... Я не знаю Баркляя де-Толли, но судя по началу кампании, я должен полагать, что у него небольшое военное дарование. Никогда ни одна из ваших войн не начиналась подобными беспорядками, до ныне нет определённости, сколько магазинов вы уже сожгли и для чего? Или их вовсе не нужно было устраивать или воспользоваться согласно с их назначением. Разве у вас предполагали, что я пришёл посмотреть на Неман, а не перешагнуть через него?..

.....Пусть он (Александр I – прим. авт.) окружает себя русскими и я ничего не скажу против того, но как можно советом управлять военными действиями? Все войны подобного образа были бедственны. Я, посреди ночи, в 2 или в 3 часа, когда хорошая мысль родится у меня в голове, в четверть часа отдаю приказание, которое через полчаса приводится в исполнение аванпостами; между тем, как Армфельд предлагает, Беннигсен рассматривает, Барклай де-Толли обсуждает, а Пфуль сопротивляется, и все вместе ничего не дела-

⁶⁴ Л.Н. Толстой «Война и мир»

ют и теряют время. Затем, какого рода меры принимаются у вас?»⁶⁵

Что ж, разница налицо и – оп-па! Тут нет Багратиона! Почему же? Оттого, что в самой аудиенции, Наполеон был занят дискредитацией более политического окружения Александра и только позже, к беседе за обедом решил усилить нажим и в более военном отношении. Здесь пока неразрешимая загадка: как именно он упомянул Багратиона? Оригинал воспоминаний Балашева записан и впервые опубликован на языке самой беседы, то есть, французском, следовательно, чем пользовался Толстой, и если переводил сам, то в каких оттенках? Потому что переводная статья в «Русском вестнике» эту фразу подаёт так:

– «У вас нет хороших генералов. Лучше всех ещё Багратион; это человек не обширного ума, но он хороший генерал. Что касается до Бенигсена, то уверяю вас, что я никогда не замечал в нём никакого таланта; каким образом он действовал при Эйлау, при Фридланде! А между тем он состарился на пять лет; он всегда был слаб; он делал одну ошибку за другою; что же будет теперь?»

Собственно, из всех вообще упомянутых, Наполеон военный талант безоговорочно признаёт только за Багратионом, поэтому определение «глуп» – никак не идёт по контексту всей речи. В то время, как «не обширный» – вполне дежур-

⁶⁵ Свидание генерала Балашева с Наполеоном Исторический вестник год четвёртый том XII 1883

ное и уместное уничтожение противника в глазах «заинтересованных лиц». И ведь он прекрасно знает, что Багратион сдвинут императором на вспомогательную роль и даже иронизирует: «Багратион двигается как во время мира, с одним полком, с двумя полками; мои преследуют их. Уверяю вас, у вас не было ещё войны, которая начиналась бы при более дурных предзнаменованиях»⁶⁶.

Он бравировал силой и открывает одну карту, открыто объявляя только что отданный приказ – на уничтожение 2-й Армии Багратиона, пока она не соединилась с 1-й – это азы его тактики, тактики Наполеона:

– «Неприятель около 15-го июня вступил в пределы наши в великих силах близ Ковно. По позициям, нами занимаемым, обстоятельства требовали нашего отступления. В скором времени ясно видны были намерения неприятеля отрезать мою армию от Первой, в таковом предположении он обратил важные на нее силы, и, быв впереди тремя маршами предо мною, непрерывно со всеми усилиями наступал, и я должен был отбиваться с флангов и с тылу; в таком трудном положении армия моя должна была бороться тридцать дней; русские, однако ж, воины и в сем положении не позволили иметь неприятелю в действиях поверхности, но при всех встречах и нападениях его наносили ему самому вред...»⁶⁷

⁶⁶ Свидание генерала Балашева с Наполеоном Исторический вестник год четвёртый том XII 1883

⁶⁷ .1812 1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Личные письма

Уже через месяц Наполеон выгонит с театра военных действий младшего брата Жерома за неисполнение этой задачи. И это ещё далеко не самое главное в этом замечательном разговоре! И к нему стоит вернуться, но в соответствующее время... В любом случае, современную байку о «недалёкости» Багратиона, которая возникла только из примитивного чтения философской литературы под видом беллетристики, да ещё выдаванием оной за действительный факт (?) – надо массовым историкам, наконец, оставить и обращаться к первоисточникам...

К слову сказать, как ни разрушал всю жизнь Наполеон свою нравственность «политической целесообразностью», однако же, внутри себя до конца сохранил (хотя бы из эгоизма) веру в порядочность и никогда не пренебрегал моральными жёстками. Во время Бородина «...к нему доставили генерал-лейтенанта Белычева захваченного вместе с 15 другими пленными при взятии редута. Офицер, приведший его, сказал императору, что он доблестно оборонялся. Император принял его хорошо. Видя, что он без шпаги, император выразил неудовольствие тем, что его обезоружили:

– Я слишком почитаю, сударь, отвагу, потерпевшую неудачу, – сказал он, – чтобы лишить себя удовольствия возвратить вам оружие храбреца. И он дал ему свою шпагу.»⁶⁸.

генерала Н. Н. Раевского. Записки генерала М. С. Воронцова. Дневники офицеров Русской армии: Из собр. Гос. Ист. музея Автор: Сост.: Ф. А. Петров и др. Издательство: М.: «Терра» Год: 1992

⁶⁸ Арман Огюстен Луи де Коленкур Мемуары Поход Наполеона в Россию

Возвращение шпаги достойному противнику – общее место высшего воинского этикета. Так Суворов после Милана, возвратил шпагу дивизионному генералу Итальянской армии Серюрье со словами: "Кто ею так владеет, как вы, у того она неотъемлема». Тот успел даже попенять Суворову в том, что атака линии Адды была слишком рискованной. "Что делать, – отвечал Суворов, – мы, русские, без правил и без тактики. Я ещё из лучших..."⁶⁹.

Что там ни говори, писано ли, неписано, но «глобалистский» кодекс дворянской чести закономерно существовал, хотя бы в лучших своих проявлениях. Однако, всегда есть «особенные части» и обстоятельства: так, «при всём уважении» к де Коленкуру – никакого генерала Белычева в русской армии не было. Следовательно, вопрос: Коленкур сознательно искажил фамилию, чтобы не рассказывать её конец?

Потому что это действительное происшествие с генерал-майором Пётром Лихачёвым в нашей историографии гласит: «Наполеон подал ему шпагу, но Лихачёв ответил ему: «Плен лишил меня шпаги, дарованной мне Государем моим и отданной мной недобровольно, от него лишь могу принять обратно»».

Опять две легенды идут в лобовую, но в «данном конкретном случае» оставим факт выяснить профессиональным историкам, а вот объявленное (и понятое обществом уже тогда,

⁶⁹ Анекдоты Князя Италийского, Графа Суворова Рымникского, изданные Е. Фуксом. СПб, типография А. Смирдина, 1827.

ибо, хотя бы и легендой закрепились) Лихачёвым отягощение обычая, учтём безусловно – оно ещё пригодится...

Не следует ещё забывать, конечно, исторический характер войн: рыцарские европейские войны подобны верховому пожару, причиняющего порой отъявленные бедствия, однако не направленные прямо на истребление «трудового народа». Даже Наполеон, «доблестно» завершивший рекрутирование отечественного населения Франции на революционные войны, унесших жизни до 4,5 млн французов, делал это. «поневоле», «не желая зла», «так вышло», короче, без злого умысла на собственно причинение зла своим же соотечественникам. Однако, пора уже было «начинать знать» реальность наступающего капиталистического мира с гораздо более циничной экономикой.

А не странно ли, что вопли о «ценности человеческой жизни» современных либерогуманистов, лишили эту жизнь содержания? Если военнотружущим приходилось убивать друг друга «обычным порядком», достоинство личного поведения понималось отдельным от правил (читай – зачашую, бесправия) в «социальных машинах» и оформлялось в кодекс «правил войны». Если условия боевой стычки окончились, следовательно... все свободны! Не то, чтобы «никто не враг», но подразумевается, скорее, временная демобилизация частного противника на условиях «Богу – богово, а кесарю – кесарево». Во всяком случае, к дворянину, буквально «выбитому» из противодействующей армии(!) не долж-

но было относиться как к перманентному врагу. Не более ли здесь утерянного, так называемого, гуманизма, паче толерантности о которой ныне так пекутся?

В той эпохе очевиден закат феодального космополитизма перед превращением Европы в буржуазно-национальные государства. Не капитал, а сословное дворянство с его прирождёнными правами пока ещё «не знает границ». Наполеон, Суворов, все служивые дворяне полагают допустимым пользоваться правом предложения своей шпаги любому сюзерену в рамках всеевропейских понятий дворянской чести. Переменяться союзниками и противниками офицеру было в порядке вещей, как нынешним легионерам футбольных клубов, переходящих из команды в команду; только сражаясь в пределах тайма отнюдь не до первой крови.

– «Тогда люди были снисходительнее и беспечнее: спешили жить, так сказать, бежали вперед, и редко оглядывались; каждый заботился о своем спокойствии и наслаждении, не беспокоя никого, и общество не составляло индийской касты, недоступной неодоленнику. Дворянство всех стран признавало всех своих сочленов равными. Очерки границ на географических картах часто изменялись, и старинные члены государства не смели пренебрегать новыми соотчичами и даже чужеземцами, находя в них все условия хорошего общества»⁷⁰.

Условием подобной свободы могло быть только обще-

⁷⁰ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания

ственно признаваемое за личностью чувство чести, отрицающее, кстати, возможность шпионства армейскому офицеру. Единственное право уличённого на фронте (если бы нашёлся такой... и постепенно всё чаще) – расстрел на рассвете. Соответственно умалению сословной морали, неизбежности распространения шпионства и разведки с чрезмерностью для них «вышей меры», укрепляется институт «тайных служб», следящих и за «своими». Но напрасно кричать «караул!»: предательство и подсматривание «вообще» было всегда. Не испортившаяся натура человека причиной, а национальные буржуазные границы, наконец, разорвали «доверенный в себе» мир космополитического единства феодальной аристократии. Эту миссию вменили себе одни масоны...

Стоит только задуматься над действительно возможными соотношениями реальности, в том месте, где Толстой только «чиркнул», сразу выйдет вещь несообразная!

– «...Багратион блистательно исполнил поручение, сам только каким-то случаем спасшись от смерти. Таких событий в карьере Багратиона было сколько угодно. Он и от других требовал героизма. Служить при нем, в его штабе, считалось опасной, но высокой честью, и туда стремились попасть, хотя все знали, что багратионовские адъютанты на свете долго не заживаются»⁷¹.

Багратион на острие атаки авангарда (или арриергарда) у

⁷¹ Е. В. Тарле Нашествие Наполеона на Россию

Суворова в Италии и Швейцарии; то же в кампаниях 1805 года у Кутузова; и 1807 года у Беннигсена: «Суворовский любимец, неустрашимый князь Багратион предводил арьергардом, и, сражаясь на каждом шагу, не только уничтожал все покушения французов, но сам не давал покоя их авангарду, тревожа его непрерывно нападениями»⁷².

И очень просто!! «Все искусство авангардного и арьергардного начальника состоит в том, чтобы сдержать неприятеля, не подставляя себя под удар, и заставить его потратить четыре часа, чтобы продвинуться на одно лье. Только практическим обучением достигаются такие результаты»⁷³.

А труднейшее дело, которое казалось невыполнимым в русско-шведскую войну 1808-1809 г. в которую ввязался Александр I из-за своих беспорядочных (в смысле, разнонаправленных) политических связей с Наполеоном?

Несообразная кампания, учинённая прихотью Александра I (вернее, провокацией Наполеона), разрушала одну за одной карьеры главнокомандующих, которые сменяли друг друга.... по невозможности достижения результата,

По крайней мере, генерал Кнорринг (однако, эстляндского происхождения), привлечённый к «безотлагательному исполнению плана зимней операции», уже отличаясь особыми

⁷² Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания/

⁷³ Наполеон. Избранные произведения. – М.: Воениздат, 1956 г «Семнадцать замечаний на работу под названием «Рассуждение о военном искусстве», изданную в Париже в 1816 г.» "Замечание 2-е. О пехоте"

«остзейскими» дарованиями, рассорившись с Беннигсеном в Пруссии, здесь отчаянно саботировал, по выражению Государя, «бесстыдно», вызвав от него порицание: «...Я привык требовать точности в исполнении моих повелений и не люблю их повторять. Надеюсь, что в последний раз вы к нему меня принуждаете»⁷⁴.

«Это решительное предприятие не могло быть исполнено иначе, как зимой, когда лед надежен; но главнокомандующий представлял государю императору различные к тому неудобства, из которых главнейшим приводил недостаток продовольствия, и провел в бездействии драгоценнейшее время, а именно половину декабря 1808 года, весь январь и начало февраля следующего года. Государь требовал настоятельно исполнения своей воли, но Кнорринг решительно отказался и написал государю: «Привыкши, как добрый и послушный солдат, исполнять все повеления Вашего Императорского Величества, я в долге, однако ж, признаться в недостатках моих, и для того, ежели Вам, Всемилостивейший Государь, угодно настоятельно требовать исполнения плана, то осмеливаюсь всеподданейше просить о Всемилостивейшем моем увольнении от службы»⁷⁵.

Увязанное в кампанию завоевание Финляндии было поручено самому молодому из полководцев, 32-х летнему графу Николаю Каменскому. Но без победы над самой Швецией

⁷⁴ .П. А. Ниве Русско-шведская война 1808-1809 гг..

⁷⁵ .Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания

эти действия не имели нужных последствий. По необычайно смелому плану боевые действия должны были пройти через лёд Ботнического залива. Каменский достаточно поучаствовав в его разработке, не решился, однако, принять командование.

«Уже то обстоятельство, что он не брал его на себя, показывало всю его рискованность, так как Каменский был смел и решителен и от опасных предприятий не имел привычки уклоняться... Заболели и еще 3 корпусных командира: Тучков, князь Голицын и граф Витгенштейн, заменённые гр. Шуваловым, Барклаем и Багговутом. Таким образом, во главе своего корпуса остался неизменно только один князь Багратион. Из всех частных начальников один князь Багратион не проявлял неуверенности и уныния. «Прикажите – пойдем», – коротко отвечал он Аракчееву. Наоборот, Барклай-де-Толли, а также граф Шувалов, засыпали последнего, как градом, представлениями, доказывающими неисполнимость их задачи...

Барклай доносил о некомплекте имеющихся войск, о замедлении в движении остальных частей отряда, о недостатке боевых патронов, неимении карт, отсутствии связи с Шуваловым, а также о неизвестности относительно неприятеля»⁷⁶.

Багратион командует ледовым походом в 120 верст на штурм укреплённых Аландских островов и выходом к шведскому берегу.

⁷⁶ П. А. Ниве Русско-шведская война 1808-1809 гг..

Бомба требует запала: вся затяжная кампания, обусловленная действиями многих стран, армейских соединений и флотов, ошибок и случаев, требовала сведения разрозненных удач и побед в коренной перелом. Успех наступления Багратиона, обозначивший под неминуемый удар столичный Стокгольм, вынудило шведское правительство перейти к тактике мирных предложений.

«За оказанные отличия во всю нынешнюю кампанию» Багратион произведен в полные генералы. Успех? Но одним числом, в тот же чин произведён и Барклай-де-Толли! Да ещё в обход 46-ти кадровых претендентов из 61-го «очерёдного» генерал-лейтенанта. Что ж..., в решающий момент карьеры «гонки преследования», Барклай совладал с духом и по примеру Багратиона возглавил свою колонну наступления через залив, так что, в итоге, своего места в этой войне не потерял... .

Собственно, к Барклаю нет существенных исторических или личностных претензий, кроме того, что все действия этого полководца не идут выше исполнения предписанного ему урока. Да, вот и здесь не обошлось без неловкости: более всех в разработке ледового перехода через пролив Кваркен Ботнического залива (возможно и самой разведки пути) продвинулся генерал-лейтенант Дмитрий Голицын. Однако, вместо поощрения инициативы, Александр снимает его с командования корпусом, который отдаёт Барклаю-де-Толли, равно и перепоручив, подготовленный другим, удар. Голи-

цын подаёт в отставку, которую поддержали и другие генералы. По этому очевидному недостатку в характере нравственной силы, пасть с героической высоты Барклаю естественно:

– «К сожалению, и главнокомандующий 1-й армии, фельдмаршал Барклай-де-Толли, после 1815 г., подчиняясь требованиям Аракчеева (старого Гатчинца по выучке... – прим. авт.), стал, по свидетельству генерала Паскевича, «требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преследовал старых солдат и офицеров, которые к сему способны не были, забыв, что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасали и возвеличивали Россию... Армия не выиграла от того, что, потеряв офицеров, осталась с одними экзерцирмейстерами... У нас экзерцирмейстерство приняла в свои руки бездарность, а как она в большинстве, то из нее стали выходить сильные в государстве, и после того никакая война не в состоянии придать ума в обучении войск. Что сказать нам, генералам дивизии, когда фельдмаршал свою высокую фигуру нагинаяет до земли, чтобы ровнять носки гренадер? И какую потом глупость нельзя ожидать от армейского майора? Фридрих II этого не делал. Но кто же знал и помышлял, что Фридрих делал? А Барклай-де-Толли был у всех тут на глазах. В год времени войну забыли, как будто ее никогда и не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью»»⁷⁷.

Личное честолюбие есть отчасти вывернутая наизнанку,

⁷⁷ История русской армии, 1812–1864 гг. – СПб.: Полигон, 2003

особого рода, ответственность. Без неё не может быть военного начальника, эта черта в определённых пределах просто необходима и вполне может быть уважаема. Но идея Барклая – выйти за пределы непосредственной службы обоснованием «скифского» плана «О защите западных пределов России» была очень неудачна. И так он никогда не был в войсках любим, а с такими предложениями и подавно. А это, это серьёзно...

В последующей карьерно-идеологической схватке с Багратионом. устроенной Александром I, он пытается отстоять доктрину в обосновании которой сам принимал участие. Император же, в своём характерном «парализующем стиле» управления, не забыл подчинить Барклая личным обязательством не отступать от плана, и тот так и не решился отступить от него.

Такая вот получается картина из общедоступных свидетельств современников. В самое последнее время появились намёки на более радикальные предположения, что Барклай вовсе не был автором своей теории, а лишь исполнял полностью “авторский” замысел самого императора, очередной раз переложившего ответственность на подчинённого – как это похоже на Александра Павловича!

Насколько вообще хорошо представляем мы характер Барклая без облак порохового задымления?

«На место графа Аракчеева определён военным министром Барклай-де-Толли, человек умный, доброго нрава; но

что-то похож более на министрову вдову, нежели на самого министра.

... Продолжая пачкаться в делах провиантских, видел я, что новый министр, хотя лучшего воспитания и ума, нежели Аракчеев, но не имеет достаточно смелости и силы. Мягкость нрава позволяет ему гнуться во все стороны... Однажды получил я от него предписание послать деньги к губернатору, ненужный хлеб заготовившему, и такую сумму, что надлежало остановить издержки неминуемо ненужные. Я поехал к нему, изъяснился, и он, обратно забрав предписание, отменил отправление; но тот же день письмоводитель его, от Аракчеева доставшийся, опять привёз ко мне предписание, объявляя, что он велел просить меня непременно того же вечера исполнить. Одним словом, видел я человека слабого на знатной степени; человека, интригующего себя укоренить угождением всем слабостям государя, следовательно, старающегося, чтобы все окружающие хорошо о нём говорили.

Прошло два месяца от времени вступления Барклай-де-Толли в министры... В исходе марта месяца 1810 года получил я отставку с мундиром и половинным жалованьем».⁷⁸

И как объяснить следующую странность? Письмо Кутзову от августа 14 го 1812 г., как только Барклай де-Толли

⁷⁸ “Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. V. Служба в должности генерал-провиантмейстера. 28 октября 1807 года.” Русский архив издаваемый при Чертковской библиотеке Москва 1867

узнал о «препоручении Вашей светлости главного над всеми четырьмя армиями начальства», при внешней форме отчёта о ходе военных действий, на деле есть – «объяснительная»! Почему де «не задалось» генеральное сражение ни под Витебском, ни под Смоленском.... Получается, что как ответственный человек и командующий генерал, он всё-таки имеет упрёк к самому себе? Что он притащил-таки Наполеона в Москву, не в силах ни сам преодолеть «доктрины», ни довериться Багратиону?

Насколько Барклай был вне себя, говорит факт его безрасчётного желания успеть до приезда Кутузова дать генеральное сражение 17-го августа на неудовлетворительной позиции за Вязьмой у села Царево-Займище. Штабной офицер Щербинин, в “Записках о кампании 1812 года”, вряд ли мог такое придумать: «Приходим в лагерь под Царево-Займищем – речка с чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линий наших. Слишком опасно принять сражение в такой позиции. Не менее того Барклай на то решиться хочет. Толь до такой степени убежден был в опасности этого лагеря, что бросается перед Барклаем на колени, чтобы отклонить его от намерения сражаться здесь. Барклай не внимает убеждениям своего обер-квартирмейстера, но вдруг извещают о прибытии генерала Кутузова... День был пасмурный, но сердца наши прояснились. Узнав от Толя об опасности лагеря, князь Кутузов отчас приказал отступить. Квартирмейстерский офицер Гартинг был послан

по дороге к Можайску отыскивать позицию для принятия решительного сражения»⁷⁹.

Заметим, что совсем не мелодраматик закатывает сцену: «...человек довольно способный и с сильной волей... Толь был совершенно лишен известной чуткости и тактичности – качеств, безусловно, необходимых на подобных должностях; он был известен своей резкостью по отношению как к начальникам, так и к подчиненным»⁸⁰.

Ну, а чем отговорился Государь, против воли склонённый обществом к утверждению Кутузова главнокомандующим? Сестре, великой княгине Екатерине Павловне, 8 августа Александр I написал:

– «Я нашел, что настроение здесь хуже, чем в Москве и провинции; сильное озлобление против военного министра (Барклай-де-Толли – прим.авт.), который, нужно сознаться, сам тому способствует своим нерешительным образом действий и беспорядочностью, с которой ведет свое дело. Ссора его с Багратионом до того усилилась и разрослась, что я был вынужден, изложив все обстоятельства небольшому нарочно собранному мной для этой цели комитету, – назначить главнокомандующего всеми армиями; взвесив все основательно, остановились на Кутузове, как на старейшем, и дали, таким

⁷⁹ Записки Щербинана. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников Вып. 1, 2: 1 и 2 западные армии. Главная армия. В. Харкевич. Материалы военно-учебного архива Главного штаба С-Пб., 2012

⁸⁰ Клаузевиц К. 1812 год. – М.: Госвоениздат, 1937

образом, Беннигсену возможность служить под его начальством (и эта оговорка неспроста – прим. авт.). Кутузов вообще в большом фаворе у здешнего общества и в Москве»⁸¹.

Здесь он Багратиона просто упоминает не входя подробно, но в отношении Барклая теперь узревает явные промахи своего протеже, но сам как бы и не имеет к этому отношения...

А 18-го сентября на справедливые упрёки сестры высказывается вполне в своём духе!

– «Что лучше, как руководствоваться своими убеждениями? Им только и следовал я, назначая Барклая главнокомандующим 1-й армии за его заслуги в прошлые войны против французов и шведов. Именно они говорят мне, что он превосходит Багратиона в знаниях. Грубые ошибки, сделанные сим последним в этой кампании и бывшие отчасти причиною наших неудач, только подкрепили меня в этом убеждении, при котором меньше, чем когда-либо, я мог считать его способным быть во главе обеих армий, соединенных под Смоленском. <...>

В Петербурге я нашел всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было единодушное желание. Так как я знаю Кутузова, то я противился сначала его назначению, но когда Ростопчин, в своем письме от 5 августа

⁸¹ Вел. кн. Николай Михайлович, Переписка императора Александра с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной, СПб, 1910, цит. по: М. И. Кутузов Сборник документов. Том IV. Москва – 1954

известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая Барклая и Багратиона годными для главного начальства, и когда, как нарочно, Барклай делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего иного, как уступить общему желанию – и я назначил Кутузова. Я и теперь думаю, что при тех обстоятельствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать их трех генералов, одинаково мало подходящих в главнокомандующие, того, за которого были все. <...>

После того, что я пожертвовал для пользы моим самолюбием, оставив армию, где полагали, что я приношу вред, снимая с генералов всякую ответственность, что не внушаю войскам никакого доверия, и поставленными мне в вину поражениями, делаю их более прискорбными, чем те, которые зачли бы за генералами, – судите, дорогой друг, как мне должно быть мучительно слышать, что моя честь подвергается нападкам. Ведь я поступил, как того желали, покидая армию, тогда как сам только и хотел, что быть с армией. До назначения Кутузова я твердо решил вернуться к ней, а отказался же от этого намерения лишь после этого назначения, отчасти по воспоминанию, что произошло при Аустерлице из-за лживого характера Кутузова, отчасти по вашим собственным советам и советам многих других, одного с вами мнения»⁸²

⁸² .Александр I – Екатерине Павловне 18 сентября [1812] С.-Петербург по Шишов А.В. Известный Кутузов. Новое прочтение биографии. М., 2002

Рассмотрим возразительные пункты: «капитальных ошибок», которые этот последний (то есть, Багратион) по его мнению, «сделал». В самом общем, Александр явно пополняет кубышку претензий, спровоцированных им самим. Теперь можно добавить мелочную месть за Багратионов отказ действовать и, тем более, отступить по «вслепую» навязываемому Александром направлению, что привело бы к гибели 2-й армии.

– «В деле стратегии, о которой тот не имеет никакого понятия». (!!) Военный талант уникален не менее таланта музыкального, с тем отличием, что таких «оркестрантов» противник старается поскорее выколоть. То, что соратники Багратиона сочувственно отмечали теоретическим (в прямом и переносном смысле) недостатком, историками-формалистами стало подаваться как определяющее условие.

Великие маршалы Наполеона: трактирный половой Мюрат или красильщик Ланн, что ли, имели «образование»?! Война, в самом деле, всё списывает..., но только не для начётников, когда они получают голос. Задним числом все обожают поговорку : «Генералы готовятся к прошедшей войне». Но согласиться с тем, что решение повседневности часто решают кардинально не штабные авторитеты или «ефрейторные генералы», а понятливые энтузиасты (никто не против образования...), видимо, доступно тоже неординарным людям – и, что ни говори, это одно из свойств того же Наполеона.

Дело было в другом: Александр не хотел ни слушать, ни слышать о Багратионе. Он применял его, если не мог обойтись, но желал бы тому поскорее провалиться к чёрту! И тот знал это, по сути, находясь в опале, вовсе отодвинутый от стратегического планирования.

Всякий дворянин, то есть привилегированный феодал, скажет: «Государь, кто бы он ни был, есть лицо государству необходимое». Очаровательный лицемер Александр I слишком много делал и говорил глупостей, чтобы Багратион воспринимал его иначе, чем формальную административную фигуру.

На багратионовские боевые порядки у Шенграбена основную колонну ведёт генерал Вандам. Происхождением из пограничной Нидерландам области Франции, он, видимо, был из голландцев старого типа, о которых английские моряки XVII века выражались поговоркой: «По-моему, дьявол гадит голландцами». Он имел толковый, но совершенно необузданный характер; по словам Наполеона: «Если бы я потерял Вандама, то не знаю, что бы я отдал, чтобы получить его обратно; но если бы имел двоих, я был бы вынужден приказать расстрелять одного». Через восемь лет, взятый в плен во время Заграничного похода русской армии в 1813-м году, на замечания Александра в излишней жёсткости ведения войны, он не задержится в прямом ответе: «По крайней мере, меня не могут обвинить в убийстве своего отца!».

Весьма уважаемый учёный, Николай Михайлович Рома-

нов, на своё несчастье внук царя Николая I и двоюродный дядя Николая II (что стоило ему расстрела январской ночью в Петропавловке, несмотря на указание Ленина о его освобождении) печатно стоял на точке зрения сознательного участия Александра I в отцеубийстве!

То, чем Александра I неоднократно оскорблял в намёках Наполеон; то, что знали все его генералы – могло ли не быть общим «информационным тоном» в высших кругах дворянства России? Да Наполеон из далёкой Франции не допустил бы этого! Очень заметно, что тех свойств характера, чтобы любым образом подлаживаться к отцеубийце, Багратион не имел. Тем более, что именно Павел I в нём нуждался, и даже поэтому теперь князь Пётр всегда мешал его старшему сыну.

И как замечательно Александр и Кутузова полагает «... между тремя генералами, одинаково мало способными к главному командованию!» Это по отношению к полководцу, который уже обеспечил его победой (это ещё одна полутайная история) с которой сам же поздравлял его накануне в 1811 году. Нет предела лицемерию этого человека! А Барклаю он продолжал писать и в ноябре 1812 года, что назначил главнокомандующим Кутузова по уступке «общественному мнению», «заглушив свои личные чувства»....

Кстати, как ловко в письме, фразой «.. заставило меня назначить Барклая командующим ... на основании репутации, которую он себе составил во время прошлых войн против французов и против шведов» он затёр именно свой произ-

вол в выдвижении этого, удобного себе, покорного исполнителя...

Вылазка к историкам за Багратионом. Перекрёстный допрос

Штука в том, что дипломированная учёность не позволяет записным трактователям заметить противоречия в своих словах, переписывая мешанину мнений из развалов прямых и косвенных источников:

– «Авторитет Багратиона в русской армии был непререкаем, его обожали и генералитет, и солдаты, военную карьеру его навсегда освятили походы с Суворовым, который особенно выделял и любил Петра Ивановича Багратион и в самом деле был прекрасным боевым генералом, хотя серьезно уступал Барклаю в образованности и уме» – Кучерская М.А. в книге: "Константин Павлович" ЖЗЛ «Молодая гвардия», 2013.

С каким самоуважением понимается присвоенное себе призвание!

– Новая тема позволила мне, филологу, выйти далеко за пределы истории литературы и погрузиться в совершенно новый, полный неожиданностей материал, испытать азарт и радость от чтения документов в архивах, выяснить множество малоизвестных фактов российской истории, увидеть впечатляющие картины придворных нравов, а главное, осознать, что «междисциплинарный подход» – не мантра, в обязательном порядке повторяемая при составлении заявки на

грант, а единственно возможный способ описания исторической реальности» (Там же). Браво!

Но где же логика в понимании? Ведь хороший результат деятельности при недостатке образования, одним наитием, будет свидетельствовать именно о природном уме, не так ли? Как иначе совместить качества «прекрасного боевого генерала», который в таком случае должен, как минимум, решать сложные комбинаторные задачи пользуясь врождённой интуицией или наработанной смёткой и заявленный ему тут же «переписчиками» недостаток ума? Генерала «обидеть может каждый»? Особенно, абстрагирующий трактовщик...

О тех временах и лицах есть бездна исторических анекдотов, и не существует ни одного, насчёт нехватки ума у Багратиона, но есть противоположное:

— «Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей. Обогащенный воинской славой, допускал разделять труды свои, в настоящем виде представляя содействие каждого. Подчиненный награждался достойно, почитал за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большею приятностию. Обхождение его очаровательное! Нетрудно воспользоваться его доверенностию, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его само-

стоятельный. Недостаток познаний или слабая сторона способностей может быть замечаема только людьми, особенно приближенными к нему....

...Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай де Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним»⁸³.

Очень подозрительно «место», которому надо соответствовать. Имеет ли оно значение для самого Багратиона? и в каком отношении? «С самых молодых лет без наставника, совершенно без состояния, князь Багратион не имел средств получить воспитание. Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко однако же мнение его было основательным »⁸⁴.

Прежде, чем командовать, надо, чтобы было, кем командовать. При всём должностном «разделении воинского труда», лучший полководец тот, кто есть «артист синтетический», как в недавнее время было заметно, например, в генеральных конструкторах. Не считая Кутузова, кроме Баг-

⁸³ Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года

⁸⁴ Записки генерала Ермолова, начальника Главного штаба 1-й Западной армии, в Отечественную войну 1812 года.

ратiona никто не уделял обустройству штабных «производственных отношений», скажем так, столько внимания.

Только если знать ехидный, дотошный, битый характер Ермолова, можно верно оценить записанное за ним замечание: «Ермолов говорил, что во всю свою жизнь он знал у нас только одного истинного главнокомандующего – Беннигсена. Недостаток его состоял в том, что он не мог обойтись без хорошего дежурного генерала, ибо не умел заботиться ни о продовольствии, ни о прочих материальных нуждах армии. Но как военачальник (в тесном смысле этого слова) он был человек истинно гениальный»⁸⁵.

Здесь присущая его резкому характеру неприкрытая самоирония, если хотите, усмешка житейской зависти о «тех» заветных неопределяемых способностях, так облегчающих существование: «Вот умеют же некоторые себя так поставить, чтобы ничего не делать! А тут крутись с утра до вечера...». Как ни хотелось бы Ермолову не отходить далёко от своих орудий, громом вытрясающих на него награды, ему самому хватало ответственности много старания отдавать обустройству подчинённых войск.

Он не раз высказывался о Багратионе в этом двояком смысле: «Багратион был также человек малообразованный, но гениальная верность его взгляда и врождённые военные способности делали недостаток образования нечувствительным». Вот же далось ему это образование! Но не странно ли,

⁸⁵ "Русская старина" октябрь 1896 "Алесей Петрович Ермолов. Материалы..."

что, отмеченному им же, Беннигсену, он этого не пеняет?

Булгарин тоже был знаком с Беннигсеном лично: «Я имел сперва намерение представиться ему – но не решился, видя его в таком мрачном расположении духа. Когда артиллерия прошла, Беннигсен поклонился генералам и вошел в дом»⁸⁶.

Ведь, вообще-то, «время было такое» и о всяком таком случае можно говорить словами того же Фаддея Булгарина:

– «... всеми, однако ж было признано, что Беннигсен был человек обширного ума, и хотя он не мог получить классического образования, вступив в военную службу почти в детских летах, но приобрел глубокие стратегические сведения чтением, размышлением и практикой в войне.

– ..Но он наделен был от природы здравым рассудком, которого нельзя приобрести ни в какой школе, и находясь при нескольких штабах во время своей службы, как говорится, понатерся возле людей высшего образования»⁸⁷.

Пожалуй, что Беннигсен за непредоставление ему фельд-маршалства, своей обиды не простил никому. Можно предположить с полным основанием, что, желая навредить Кутузову, он совершил должностное преступление при Бородине, рискуя сорвать замысел диспозиции и достаточно преуспел в этом, самовольно выведя во фронт засадный пехотный корпус. И ничего, никто его не поминает и не пеняет пресловутого недостатка образования!

⁸⁶ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания

⁸⁷ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789-1859) Воспоминания

«Беннигсен поехал к отряду Тучкова и велел ему двинуться, чтобы стать ближе к левому флангу Багратиона. Тучков возражал, ... Беннигсен повторил с досадой приказание. Тучков тотчас начал выдвигать 3-й корпус. Я не мог воображать, чтобы Беннигсену, начальнику главного штаба при Кутузове, не было известно о плане, о котором знал я, свитский прапорщик. Я полагал, что Кутузов отменил прежний план... Что же оказалось впоследствии?... Я желал узнать от Карла Федоровича (Толь – прим. авт.) о причине, по которой князь Кутузов переменял план касательно засады на левом фланге Бородинского лагеря. “Никогда Светлейший не переменял, – сказал Карл Федорович с жаром, – но вышла какая-то ошибка при исполнении”. Тогда я рассказал о вышеобъясненном распоряжении Беннигсена. Карл Федорович в изумлении бросился опоясываться шарфом (без шарфа никто не входил к Кутузову) и побежал к главнокомандующему, которому тогда только открылось о своевольном и опрометчивом действии Беннигсена»⁸⁸.

Но как поступает в этом случае историк (неизвестно, только дипломированный или остепенённый?) В. Хлесткин (“Московский журнал”, Бородино. 25 августа 1812 года. N 8 – 2005 г. В. Хлесткин)? Он счёл необходимым восстановить-таки репутацию Беннигсена, выставив в хорошем све-

⁸⁸ Записки Щербинина. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников Вып. 1, 2: 1 и 2 западные армии. Главная армия. В. Харкевич. Материалы военно-учебного архива Главного штаба С-Пб., 2012

те! Он насмехается над тем, что, мол-де, там положено знать “свитскому прапорщику”? Но доказательством цитирует из него только несколько слов от самого Щербинина (который, как в насмешку, просто прославлен тщательностью своей документации – но это невдомёк историоману), но ведь по полному цитатному сообщению – изумлены и генерал-квартирмейстер Толь и сам Кутузов! Ну, чего стоит такая «историческая работа» и как доверять таким «профессионалам»?

Двойственное мнение Ермолова о Багратионе вскрывается только глубоким изучением перепитий его собственной судьбы и вызванных ими перемен в характере. Есть сведения, что с Беннигсеном Ермолов был знаком гораздо ранее Багратиона. И этот «мерсинер», как сказал бы Суворов, гордым эгоизмом личного честолюбия (ведь так и не вошёл в русское подданство!), видимо, задел-таки его юношескую впечатлительность!

Позже он служит с Багратионом, скажем, очевидно талантливым человеком, но полностью погружённым в служение внутренней идее и вовне выраженной только в непременном требовании самой возможности драться(!). Ермолов недоумевает и пытается как-то для себя оправдать «такие сложности», и собственно, всю жизнь затем будет переплавлять в себе «Беннигсеново честолюбие» в «Багратионово служение»; ещё более удивительно, что он отчасти заместит Багратиона на том фронте, куда тот так и не попал; будет мечтать о поиске, который планировал Багратион и, в заклю-

чение подвига жизни, попросит не оскорблять его «графским достоинством» и похоронить возможно скромнее...

Уместно заметить, что и сам Ермолов небезупречен при взгляде со стороны (да и кто не таков?). На знаменитого ныне теоретика военной науки Клаузевица, а тогда штабиста, Ермолов, с энергичным характером и содержательностью замечаний, заступив на должность начальника штаба 1-й армии в кампании 12-го года, своими познаниями впечатления... не произвёл:

– «Но так как ранее ему не приходилось много раздумывать над крупными операциями и мероприятиями, вызываемыми ходом войны, и так как он еще не выработал в себе отчетливой точки зрения, то теперь, когда ему надо было принимать решения и действовать, он почувствовал, насколько чуждо ему все это дело»⁸⁹.

К чести Клаузевица, он настолько старателен в обдумывании, интересующих его принципов войны, что сам признаёт ограниченность одной лишь грамотности:

– «Кто хочет действовать в такой стихии, какой является война, тот может книжным путем воспитать только свой разум. Но если он придет с готовыми уже мыслями, не вытекающими из побуждений данного момента и не облеченными в плоть и кровь, то поток событий опрокинет начатую постройку, прежде чем она будет готова»⁹⁰.

⁸⁹ Клаузевиц К. 1812 год. – М.: Госвоениздат, 1937

⁹⁰ Клаузевиц К. 1812 год. – М.: Госвоениздат, 1937

Ах! Оставьте эти пустые разговоры об «образовании»! Военная практика, способности, а далее – доступное каждому офицеру самообразование: изучать иностранные труды по фортификации, любопытствовать об артиллерийских таблицах углов возвышений, обсуждать «новинки военной литературы» (оборот того времени)... – что же Наполеону не так, если Багратион на деле хорош?

Вероятнее, одно – это шпионские донесения из России, в которых как раз Багратион – заметно ершистый национальный бузотёр. Булгарин рассказывает о поразившем его случае, когда, «между делом» (скажем с понятной двусмысленностью о подобных визитах...) он обнаружил у своей пассии, заезжей француженки-петербуржки, опросной, якобы «статистический» лист (разумеется, оттуда – из самого Парижа). Глаза его раскрылись в изумлении: «надлежало объяснить комплект полка и означить, сколько рекрут поступило в полк после войны.

– Спрашивалось также: какой комплект артиллерии при стотысячной армии?.. Всего теперь не вспомню. Но что более всего меня поразило – это вопрос: каким образом получают и распространяются в России английские журналы и брошюры, и где именно центр английских приверженцев?».

И ведь не раз Булгарина предостерегали, что Петербург и Москва наводнены шпионами и шпионками Бонапарта! Да что там, если Балашеву в той же аудиенции Наполеон прямо говорит: «Я знаю не хуже вас, сколько у вас войск и, может

быть, даже лучше вашего»!

И кто бы из них не сообщил, что Багратион глуп, поскольку вредит самому себе? Ведь князь Пётр не воздерживался и от речей, и от записок самых резких (которые современными историками, оказывается, не могут быть вычитаны верно). От резкостей в словах, чем ближе был 12-й год и, тем более, когда наступил, его, что называется, вовсе понесло. Он говорил и писал своим корреспондентам: Растопчину, Аракчееву, и пр., в открытую именно потому, что знал доподлинно, что всё «это» передаётся Александру (!), а других действительных личных каналов воздействия на императора он не имел никаких. Он даже вынужден сказать это ему напрямую:

– «Всемиловитейший государь! Не быв введен в круг связей политических, я буду говорить о тех только предметах, которые мне известны по долговременной службе в поле: и они заключаются в следующем.... .

...6-е. Политические обстоятельства, в отношении намерений Австрии, мне неизвестны: но ежели держава сия сохранил нейтралитет, то весьма бы полезно было переменить положение 3-й армии...»⁹¹

В том-то и дело, что «искать» их было ему не по характеру:

– «Тому, что Багратион выбран был героем в Москве, со-

⁹¹ Генерал Багратион: Сборник документов и материалов Под ред. С.Н. Голубова и Ф.Е. Кузнецова. М.: Госполитиздат, 1945. Из донесения П. И. Багратиона Александру I о военной и экономической дготовке России к войне № 203 6[18] июня 1812 года. Пружаны.

действовало и то, что он не имел связей в Москве, и был чужой. В лице его отдавалась должная честь боевому, простому, без связей и интриг, русскому солдату, еще связанному воспоминаниями Итальянского похода с именем Суворова»⁹².

Лев Толстой верно определил политический характер Багратиона, но полностью заместив настоящую причину. Не только в Москве, но и в Петербурге, Багратион не собирался иметь никакой другой партии, кроме... самой императорской семьи (как верховного сюзерена), но только при её политической вменяемости. Да, что есть, то есть: проповедник «национально-объединительного» движения в направлении буржуазных свобод, себя мыслит только в кодексе феодального корпуса, что, впрочем, не редкость....

Эта резкость что-то очень напоминает, а, вернее, натурально предваряет собой поздний литературный пример – знаменитое бесхитростное прямословие ... Чацкого из комедии Грибоедова. И тот в священном публичном свободомыслии никак не ожидал быть объявленным... безумцем – так чем отличается этот навет в глупости? А, может быть..., это действительный прототип?! Родственники и приятели Грбоедова: Якушкин, братья Чаадаевы, ужели не обсуждали с ним, между университетскими лекциями, невоздержанность на язык знаменитого героя?

Есть старозаветный приём полемики определённого типа

⁹² Л.Н. Толстой «Война и мир»

– вырывание отдельных слов и фраз из связного текста. По отношению к Багратиону этот приём особенно популярен, но стоит только взять «связку», всё становится на своё место:

– «А через неделю, находясь уже в Бобруйске, Багратион сообщил свое мнение о происходивших событиях А. П. Ермолову: «Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили. Теперь побегу к Могилеву, авось их в клещи поставлю. Платов к вам бежит. Ради бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундир носить, право скину его. <... > Им все удастся, если мы трусов трусим. Мне одному их бить невозможно, ибо кругом был окружен, и все бы потерял. Ежели хотят, чтобы я был жертвою, пусть дадут имянное повеление драться до последней капли. Вот и стану! Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человек духу, субординации, и все в расстройку. Армия была прекрасная; все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескам, в жары на марше, лошади артиллерийские и полковые стали, и кругом неприятель. И везде быю! Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр – искать и бить! Вот одна тактическая дислокация, какая бы следствия принесла нам. А ежели бы стояли вкупе, того бы не было! Сначала не должно было вам бежать из Вильны тотчас, а мне бы приказать спешить к вам, тогда бы иначе! А то побежали и бежите, и все ко мне обратилось! Теперь я спас все и пойду только с тем, чтобы и вы шли. Иначе – пришлите командо-

вать другого, а я не понимаю ничего, ибо я неучен и глуп»⁹³.

(Ну, не угодно ли эту «глупость» принять за искомое? Так сказать, явка с повинной?)

Совершенно ясно очерчены задачи из обстановки; напомирование об устроенном (кем-то неназванным!) разделении сил и требование поиска к скорейшему соединению (которого надо желать и своевременно предвидеть), отсутствие письменного приказа от Александра вместо уклончивых намёков, ибо их выполнение означает гибель армии и так далее; а последние слова уж точно – ирония над многолетней беспомощной стратегией штаба Александра. Он уверен, что ещё возможно перехватить инициативу и никому уже не дано ни подтвердить, но и не опровергнуть его.

В письмах он обращается ко всем:

– Александру: «Чего нам бояться? Неприятель, собранный на разных пунктах, есть сущая сволочь». Так он пытается втолковать этой размазне основы тактики самого Наполеона – атаковать противника до соединения его сил, тогда это и будет «сволочь» (т.е. толпа, куча – прим.) (и лучше бы «битая»...).

– Аракчееву: «Никого не уверишь ни в армии, ни в России, чтобы мы не были проданы». Кстати, увидим ещё, что думает по этому поводу Кутузов, коего, как «старого лиса Севера» ещё никто не обвинил в глупости....

⁹³ Чтения ИОИДР.1862. кн.V.M.,1862. С.195. цит по Михаил Казанцев «Не отдали б Москвы»

– Аракчееву о Барклае: «Ваш министр, может хороший по министерству, но генерал не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего отечества». Что ж, есть признание достоинств Барклая, а слово «дрянной» означает только то, что он говорил в лицо самому Барклаю. Здесь самый хрестоматийный пример – спор, случайно услышанный Ермоловым:

– «Ты немец, тебе все русские нипочем», кричал Багратион. «А ты дурак, и сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским», отвечал Барклай».

– То же самое князь имеет в виду Александру: «Иноверцы не могут так усердно служить».

Что же стоит за его резкостями против «немцев» в адрес Барклая? Это не личные и даже не национально-личные претензии. Здесь отчаянная попытка возмутить каким-то способом врождённую политическую косность самих «власть держащих».

В смешном виде ответ заключён в наборе своеобразных аргументов младшего брата царя, великого князя Константина Павловича, заявленных после Смоленска – против «отступающего Барклая» за «атакующего Багратиона». За некрасивым хамством царственного брата непосредственному начальнику Барклаю, всё те же доводы: «Немец, шмерц, изменник, подлец, ты продаешь Россию, я не хочу состоять у тебя в команде. Курута, напиши от меня рапорт к Баграти-

ону, я с корпусом перехожу в его команду...»⁹⁴.

Это тоже не личное обвинение, а «глас очередного вопиющего» против «системы» (самими же Павловичами устроенной!). Если даже по легкомыслию Константин выпросился у отца быть при Суворове в Италии, то, чёрт побери, он всё-таки был там! И видел, что значит – наступать, как бы сам не был к этому способен.

Ответ даст маркиз Паулуччи. Он известен внимательным читателям «Войны и мира» и там есть достаточная его характеристика. Кстати, действительные, но малоизвестные лица, Толстой не искажает или вернее, «они не искажаются», так как их для размещения своей идеи он не использует, возможно, учитывая, что у читателя нет материала для восстановления действительности.

– «Когда еще государь был в Вильне... При нем был начальник императорского штаба генерал-квартирмейстер князь Волконский, генералы, флигель-адъютанты, дипломатические чиновники и большое количество иностранцев, но не было штаба армии. Кроме того, без должности при государе находились: Аракчеев – бывший военный министр, граф Бенигсен – по чину старший из генералов, великий князь цесаревич Константин Павлович, граф Румянцев – канцлер, Штейн – бывший прусский министр, Армфельд – шведский генерал, Пфуль – главный составитель плана кампании, ге-

⁹⁴ Муравьев Л.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986 по Кучерская М. А. Константин Павлович—Москва: Молодая гвардия, 2013.

нерал-адъютант Паулучи – сардинский выходец, Вольцоген и многие другие...

—... Паулучи был тут потому, что он был смел и решителен в речах, генерал-адъютанты были тут потому, что они везде были, где государь, и, наконец, – главное – Пфуль был тут потому, что он, составив план войны против Наполеона и заставив Александра поверить в целесообразность этого плана, руководил всем делом войны.

—...Паулучи, возражая Толю, предложил план движения вперед и атаки, которая одна, по его словам, могла вывести нас из неизвестности и западни, как он называл Дрисский лагерь, в которой мы находились.

—...По тому тону, с которым с ним обращались придворные, по тому, что позволил себе сказать Паулучи императору, но главное по некоторой отчаянности выражении самого Пфуля, видно было, что другие знали и он сам чувствовал, что падение его близко»⁹⁵.

Итак, похоже, что и в романе – Паулуччи дельный и деловой человек, понимающий, что не было в это время задачи важнее, чем отвлечь Александра от его очередного мракобесия – увлечения мертворождённой стратегией прусского штабиста Пфуля с безумными идеями, как признал назначенный ему адъютантом Карл Клаузевиц.

Действительно, Маркиз Паулуччи представитель (или осколок, им виднее) итальянской аристократии средневеко-

⁹⁵ Л.Н. Толстой «Война и мир»

вья. Решителен, храбр, остроумен, содержателен. Воевал и против Наполеона, и за установленную им власть. Принятый из Австрийской в Русскую службу полковником, он заинтересовал Александра (видимо, как всякий иностранец...). Правда, попытка применить его в собственно военном планировании в финской войне 1808-1809 . не понравилась ни тогдашним генералам, ни поздним военным историкам. (Опять не хватило образования?). Позже, в штабе 1-й Западной армии у Барклая он тоже продержался ровно неделю.

Но на фронте маркиз не плошал: переведённый после Финляндии генерал-квартирмейстером к главнокомандующему тогда в Грузии, генералу-от-кавалерии Тормасову, взяв два батальона егерей при двух легких полевых пушках, внезапным ночным штурмом выбил десять тысяч объединённого персо-турецкого гарнизона из Ахалкалакской крепости, за что произведён в генерал-лейтенанты. (Таковы местные особенности Кавказской войны, где крепость дорого стоит).

И только сам, сменив на посту главнокомандующего в Грузии, Тормасова, принявшего в 1811 году Обсервационную (Третью западную) армию, маркиз Паулуччи сполна «проявил свою суть»:

– Военнослужащие должны ведать, что лучше умереть со славой, чем жить в бесславии, и для того, хотя бы то стоило жизни, никто не должен шагу уступать неприятелю, несмотря ни на какое его превосходство

– Я предвещаю, что кто из офицеров даст над собой верх неприятелю, тот предан будет военному суду и с бесчестьем уволен со службы, ибо кто держит в мыслях, что он русский и что его одолеть нельзя, тот сам всегда победит неприятеля

Когда некий грузинский князь обратился к новой власти за помощью округе от набегов разбойных горцев Большого Кавказа, то получил у маркиза отповедь: «Прежде, при грузинских царях, жители сами защищали свои деревни, а если они теперь стали русскими, то за трусов не стоит утруждать войска, защищающие границы всей Грузии от неприятеля, а не от хищников»⁹⁶.

Паулуччи, действительно, замечательный человек. Он настоящий проводник прогрессивного периода европейской национальной буржуазности. Что он мог понимать в русских или в грузинах? Абсолютно ничего конкретно, но он умел преследовать идею, здесь – прогрессивное развитие современного государства возможно только политической самостоятельностью народа, осознающего себя в этом движении. (Сказать прямо – по идее подобного же рода, воздействие хотел оказать и сам Лев Толстой). В то время – присвоив себе права гражданина буржуазного государства. В начале XIX-го века это было национальное «самоосвобождение» от феодализма, то же самое было в начале XX-го века с большевистским интернационалом. Сообразительный человек скажет, что прогрессивные исторические этапы похожи. Ещё более

⁹⁶ Потто В. А. Кавказская война

умный добавит, что это то же самое на новом витке истории и будет прав!

Паулуччи вывел своё самосознание из бурлящей национально-освободительным движением Италии; о подобном мечтал и Багратион: предлагаемая им война была не феодальным оборонничеством по указке прусско-немецко-остзейской штабной палки, выдуманной отступательной доктрины или героическим самопожертвованием “народной войны”, а требовала новодисциплинированной армии революционного (назовите, хоть французского) типа. Только при этом смысле становится понятным его завет «быть русскими», разумеется, не подразумевая кровного происхождения в «иноземщине», а в предъявлении того, что только и может дать новый дух армии. В пределах своего понимания, то есть на поле военных средств, Багратион поднимал прогрессивное национальное сознание России. Однако, назревал парадокс расхождения смыслов: если в Европе национальное движение означает направление к буржуазно-личным свободам, то, ожидаемое благоденствие России чаялось, во всяком случае, без «великих потрясений», действительно, никому не нужных.

Если вести войну – то, начиная с содержательности в задаче и цели (не зря потом Кутузов всячески упирался Заграничному походу, понеже добивание французов было на руку только германцам, Австрии и Англии), и кончая методом (то есть, наступательную).

Неудача будущей Крымской войны, бедствия Николаевской (ещё один братец Павлович на нашу голову...), так называемой, «реакции» не в том, что буржуазный дух прогрессивного периода так и не был пропущен в Россию этой правящей кастой, а в том, что она частью парализовала, частью извратила закономерный рост национального самосознания.

«Русский» – политически тогда означал требование прогрессивно-национального государства, но в какой степени, собственно, буржуазного? Этого уже не узнать никогда.... Тем не менее, с Багратиона вектор России и Грузии лежит совершенно в одном направлении и по сию пору, с заменой основания на более прогрессивное, социалистическое. А то, что страны эти сейчас противопоставлены, так в этом только эгоистично-личная воля конкретных «личностей в истории», значит «злая» для растерявшегося общества.

Паулуччи продержался на службе до 1830 года, пока не подал Николаю I прошения об отставке и разрешения покинуть Россию (следовало ожидать...). За это время, как генерал-губернатор остзейского края, он отменил старое крепостное право местного дворянства во всей Прибалтике: Курляндии Лифляндии и Эстляндии. В 1829 году он трижды пытался провести предложение об отмене крепостного права в Псковской губернии. Он заставил переводить все документы на латышский и эстонский языки, половина крестьян при нём стали грамотными. Не жалел денег на государствен-

ные школы и учительские классы. Разругался с остзейскими помещиками, которые душили прибалтийских крестьян своими привилегиями. Чего же больше? И кто понял бы его лучше, чем Багратион?

Однако, предположим, что Паулуччи, как видно по его деятельности, хоть и достойный офицер поля боя, но, вероятно, совсем не военный теоретик, а более политик и администратор. Клаузевиц подтверждает это! Паулуччи явно вываливается из его узкопрофессионального взгляда:

– «На место генерала Лобанова был назначен генерал-лейтенант маркиз Паулуччи. Он отличился в войне против турок и персов. Это был человек беспокойного ума, отличавшийся необыкновенной говорливостью. Одному Богу известно, каким образом из этих его качеств сделали вывод относительно его исключительной способности руководить крупными операциями и разрешать труднейшие вопросы войны. Обладая сумбурной головой, он отличался отнюдь не добродушным характером, а потому скоро стало ясно, что ни один человек не сможет с ним ужиться. Он оставался начальником штаба лишь несколько дней»⁹⁷. Клаузевиц его просто не выдерживает! – «Маркиз Паулуччи, о котором мы говорили раньше, сменил генерала Эссена. Автору крайне не хотелось состоять при особе этого странного человека»⁹⁸.

В своём фундаментальном труде «1812 год», среди впе-

⁹⁷ Карл Клаузевиц. 1812 год

⁹⁸ Карл Клаузевиц. 1812 год

чатлений и оценок очевидца событий, Клаузевиц находит возможным взять рассуждение даже при ограниченных данных, например, о Кутузове:

– «Однако автор недостаточно близко стоял к этому полководцу, чтобы с полной убежденностью говорить о его личной деятельности. Во время Бородинского сражения он его видел всего одно мгновение, и наряду с этим личным впечатлением он имеет главным образом в виду то мнение, которое непосредственно после сражения сложилось в армии».

Разве не удивительно, что кроме статистических данных и указаний на перемещения 2-й армии, Клаузевиц ничего не говорит о самом Багратионе? Кроме примечательной оговорки:

– «Автор, состоявший тогда в должности обер-квартирмейстера при первом кавалерийском корпусе (Уварова), находился в свите своего генерала как раз у Кутузова, когда подъехал полковник Толь. Последний только что вернулся с левого фланга и сделал доклад Кутузову, что все обстоит превосходно и что князь Багратион отбил все атаки. (В первые два часа боя иначе и быть не могло.)». Всё!

Багратион, которого он видел; о котором с начала отступления от границы много слышал того, что вообще не постигаемо его рассудочным кругозором? Карл Клаузевиц – молодец; он молчит..., не впадая в известный грех дюжинного обывателя – стремление опознавать «гениев» и тому подобных оригиналов. Не стоит вменять современникам сразу и

«понимания общего», и «проникновения частного», то есть непосильной для них скорости оборота личного сознания и общественного мнения. Лишь со временем масштаб сделанных кем-то изменений принуждает запоздало отдавать им должное.

Точно так же, при внешней благопристойности необходимых подробностей, плоскогато рассматривает Клаузевиц и Бородино, и Кутузова, и план войны Наполеона. Его сведения очень ценны, при единственном условии – правильно понимать основания к размышлению, этого, весьма достойного «во всех отношениях», военного специалиста.

«7-го в 6 часов утра началось собственно сражение. Евгений, имея около 40 000 человек, находился на левом берегу Колочи и должен был атаковать русский центр. Даву и Ней с такими же приблизительно силами стояли на правом берегу Колочи и должны были атаковать левый фланг русских. Жюно, гвардия и часть кавалерийского резерва в свою очередь составляли массу в 40 000 человек, которые группировались как резерв позади Даву и Нея, а Понятовский со своим корпусом в 10 000 человек должен был продвигаться вперед по старой московской дороге и охватить левый фланг русских»⁹⁹.

На его взгляд: «Весь ход сражения был чрезвычайно прост. Ввиду того что Тучков помешал охвату левого крыла, французы стали наступать перпендикулярно на центр и

⁹⁹ Карл Клаузевиц. 1812 год

левый фланг всей тяжестью своих масс...». Он верно регистрирует явление, но не знает скрытого обоснования именно такого хода сражения. Точно так же он не понял, почему под Бородиным одержана Кутузовым безусловная победа. Но это пояснение лучше оставить до удобного случая.

Беда в том, что дежурная рассудочность мало годится для действия в серьёзных делах, одним из которых является война. Кто скажет, что Барклай не хотел хорошего и был против плохого; ну и что из этого получается в дело? Его пространственные соображения понравились императору. Он получает от Александра I в марте 1810 года обратно свой план «О защите западных пределов России» утверждённым и... назначением военным министром. И что теперь говорить, что линия фронта, в любом случае, не должна была переходить линии Рига – Витебск – Киев? Что сам Барклай, наилучшим решением из всех, рекомендовал наступление и действие от пределов Варшавского герцогства (как потом и Багратион)? Что в 1811 году он тоже был за предварительное выдвижение сил за Неман?

Все формально разложенные варианты предлагаются государственно немощному императору с, выбранным им в помощники, прусским штабным офицером, который «...не имел никаких практических знаний... ничего не знал о мире повседневных явлений... почти исключительно был занят бесплодными мудрствованиями... составил себе крайне одностороннюю и скудную систему представлений о военном

искусстве» (К. Клаузевиц о Пфуле – прим. авт.) или: «поступал, как поступают лунатики, о которых рассказывают, что они бродят опасными путями по коньку крыш, пока не будут разбужены и не рухнут с высоты».

Александр выстроил бумажную схему, чтобы какое-то время мнить себя полководцем и стратегом:

– «...я веду войну медленную (выжидательную), и поскольку превосходящие силы идут на меня, я отступаю, сосредоточивая свои силы к укрепленной позиции, которую я подготовил с этой целью на Двине.

В то же время я предписал перейти в наступление второй армии, направляя ее на правый фланг неприятеля, который идет на меня, также как и значительному отряду казаков, чтобы его беспокоить»¹⁰⁰

Что бы Александр I не говорил, свойства характера подтверждённые всей его жизнью, оставляют ему только один образ действий – «глубоко стратегически отступать», прячась за народное сопротивление, на которое он прекрасным образом и рассчитывал!

– «...я избегал бы генерального сражения и отступал до тех пор, пока французы нашли бы, вместо решительной победы, другую Полтаву»¹⁰¹.

¹⁰⁰ .Богданович М. И. История отечественной войны по достоверным источникам. СПб., 1859-1860. Т. 2. С. 508. цит по .Михаил Казанцев «Не отдали б Москвы»

¹⁰¹ . Богданович М. И. История отечественной войны по достоверным источникам. СПб., 1859-1860. Т. 2. С. 508. цит по .Михаил Казанцев «Не отдали б

– «Наполеон думал уничтожить нас под Вильной; но согласно принятому нами образу действий не подвергать себя опасности против превосходных сил и вести войну медленную, маневрируя, мы отступаем шаг за шаг, между тем как князь Багратион подвигается со своей армией на правый фланг неприятеля. Вскоре мы надеемся действовать наступательно»¹⁰²

Этим сумасшедшим планом якобы возможного флангового удара 2-й армией, Александр I просто преследовал ответственного боевого генерала! Неисполнение этой прозябательной идеи, нечто вроде намерения поставить Наполеону «детский мат», он присовокупил в копилку своих обид Багратиону.

Видимо, нравственно совсем не желая того, Барклай оказался среди тех, кто переложил войну на плечи народа. Например, генерал П П Чуйкевич, чиновник Секретной экспедиции Военного министерства, напроективровавший в 1811 году Александру I действовать «... маневрированием и уничтожением запасов продовольствия и воды...», имел ещё предложения: если «Быть может, что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большое пространство земли», то «Потеря нескольких областей не должна нас утрачивать, ибо целостность государства состоит в целостности его армий»; заведомо

Москвы»

¹⁰² . Попов А. Н. Эпизоды из истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. Кн. 4. С. 431. цит по .Михаил Казанцев «Не отдали б Москвы»

предполагая, что «...совершенное разбитие 1-й и 2-й Западных армий может навлечь пагубные для всего Отечества последствия».

Барклай исполнил поручение облечь теорию «испанского варианта» в добротную доктрину. Александр хорошо разыграл эту карту, которая до сих пор имеет влияние, превознося вынужденную оборону гражданского ополчения и просто населения во всём её героизме, но только чтобы спрятать своё политическое бесплодие. Он не делал никакой тайны из своих планов и открыто через Коленкура уведомлял Наполеона о своей, с позволения сказать, стратегии : «Если император Наполеон начнет против меня войну, – сказал мне Александр, – то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены.... несмотря на понесенные вами потери, никто не сможет диктовать вам свою волю. Можно даже принудить своего победителя принять мир»¹⁰³.

Александр был готов к войне задолго до войны, только вот очень своеобразно... Да уж не желал ли он её?! Конечно, его нервировало военное положение государства, но не сказать, чтобы ему стало хуже. Многие в свете были им недовольны, его положение было неустойчиво до того, что сестра интриговала против него! Если в глазах дворян Европы (следовательно...и дворян русских) он всё ещё был в кровавых пят-

¹⁰³ .Коленкур А. Поход Наполеона в Россию

нах соучастия в отцеубийстве, то теперь внимание общества отвлеклось насущными бранными делами, причём беспрепятственно обозначая источник своего воодушевления! Вот, что писала раненому после Бородина прапорщику Пестелю его мать:

– «Елизавета де Пестель. Санкт-Петербург. 8 сентября 1812. ... Говорят, что ни одна битва не сравнится с битвой 26-го числа, и что сражения при Прейсиш-Эйлау, Ваграме и др. были детскими играми по сравнению с этой, и что мужество, неистовство и ярость войск были беспримерны. Вся нация испытывает к врагу ненависть и бешеную ярость, подобно испанцам, если так продолжится, это будет уже не война армий, но война народная, как в Испании! Все кричат о мести и уничтожении, все предпочитают смерть миру с этим жестоким человеком, все согласны скорее сжечь все, чем владеют, чем оставить что-либо врагу. Каков же будет конец этих неисчислимых бедствий!!!»¹⁰⁴.

Сейчас особенное историческое время, когда политическая борьба идёт даже не на поле идей, а ещё более общем духовном поле. Поэтому даже классическое, с республиканским духом, выражение: «Патриотизм – последнее прибежище негодяя», в котором как раз ясная попытка честно-го поборника истинной государственности уличить политикана-выжигу выворачивается наизнанку с целью сделать-таки именно крикунов – доверенными представителями обще-

¹⁰⁴ . Семейная переписка Пестелей. Публ. Н. Соколовой и Е. Лебедевой

ства. Что ж, Александр I в полной мере воспользовался патриотизмом.

Могут возразить, мол, Александр случайно попал впро�ак в задаче «из каких зол» выбирать главнокомандующего! Ведь у него был свой, ровесный ему и далеко не бесталанный генерал Николай Каменский, к неудаче для царя, безвременно скончавшийся. Штабисты признают, что по всем вероятностям, именно ему император с самого начала поручил бы кампанию 1812 года (не вспоминая о Кутузове и в обход Багратиона). Тем более, что на это есть письма самого Александра, прямо предписывающие Каменскому принять 2-ю Западную армию по ожидавшемуся выздоровлению.

Не владея системой суворовского воспитания армии, граф Николай взял от острейшего соперника своего отца (пожалованный за выслуги фельдмаршалом и графом, Михаил Каменский) его наступательную доктрину. Что бы из этого вышло? Совершенно неизвестно, но пока Александр охотно просал ему, недопустимые для репутации других военачальников, потери «живой силы» (что предполагает, как минимум, тревожную нотку авантюренности характера). И сделал вид, что не заметил менее чести, но более эгоизма в той, багратионовской Русско-шведской кампании 1808 года, когда Каменский:

– «отклонял от себя это назначение, ссылаясь, с одной стороны, на слабое состояние здоровья, «не соответствующее усердию» его к службе, а с другой – предвидя «не толь-

ко большие затруднения, но почти невозможность к выполнению предполагаемого плана»; поэтому «малая надежда в успехе» заставляла его опасаться, что «неудача, которой легко ожидать, может приписаться «ему в вину»»¹⁰⁵.

А «план Б» был уже готов.

Драмы на войне – от прапорщика до генерала

Но, к потрясению для Барклая, их спор не был окончен со смертью Багратиона... Кутузов (ох! он умел заставлять действительность течь в нужном ему направлении или же, «изтолстовски», прозревать её течение, что, в итоге, одно и то же...) на совещании в Филях сделал неизбежным – итоговое решение о необходимости оставлении Москвы – получить именно от Барклая (за грехи его...). И ему же поручил это отступление организовать, впрочем, неудивительно, что образцово выполненное.

Кутузов не собирался принимать на себя груз предвоенных грехов императорского двора и, вообще, чужой распорядительности, которые уже не могли быть исправлены. Барклай тут же «ушёл в глухую защиту», засев за составление оправдательных бумаг, мол, план кампании не одному ему принадлежит и просит публичного печатания своих доводов, но... отставлен главнокомандующим от всяких дел, что всеми принято как прямое уничтожение.

¹⁰⁵ . П..А. Ниве Русско-шведская война 1808-1809 гг. Публикуется по изданию: Ниве П.А. Русско-шведская война 1808-1809 гг. С.-Петербург, Военная Типография. 1910.

Только Александр своей волей снова подтягивает его «в строй» при начале Заграничного похода, и Кутузов поручает бывшему командующему основной 1-й, теперь небольшую, раздёрганную 3-ю армию и даже не даёт времени на переформирование. А ведь всего год назад, в марте 1811 года, Кутузов находился в служебном подчинении у Военного министра – Барклая-де-Толли, и должен был с ним соотноситься соответственно:

– «Вильна. Получа отношение вашего высокопревосходительства о предназначении меня главнокомандующим к Дунайской армии, я тотчас приготовился к исполнению высочайшей воли. Доверенность государя в толь важном случае заключает в себе все, что только льстить может человека, хотя бы наименее честолюбивого. В летах менее престарелых был бы я более полезным; случаи дали мне познания той земли и неприятеля; желаю, чтобы мои силы телесные, при исполнении обязанностей моих, достаточно соответствовали главнейшему моему чувствованию, то-есть приверженности к лицу государя, ныне над нами царствующего. Генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов»¹⁰⁶.

По смерти Кутузова случилась удивительное стороннему наблюдателю, а на деле ожидаемое событие. Первое же сражение было проиграно. Как только реакционная свора (ни

¹⁰⁶ . № 370 1811 г. марта 1. – Отношение М. И. Кутузова М. Б. Барклаю-де-Толли по поводу своего назначения главнокомандующим Молдавской армией ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2952, л. 95

одно слово не отрицательно: реакционная – физический ответ на дерзкое действие выскочки стать «братом монархов», свора – соединение «сил» при травле зверя собаками) обложила Наполеона, он стал отступать... и побеждать. Отступать под уже непреодолимым количеством противника, прибывающего в союзники, и продолжая побеждать в каждом отдельном сражении. Потери были настолько велики, что дружная «гоп-компания» высших сановников быстро стухла. Помните ли ещё несчастного юношу Чичерина из эпитафии?

– «Наступил день сражения под Кульмом. ... Французы, под покровом тумана, превосходящими силами атаковали его (то есть, опять французы наступают!-прим. авт), и на помощь был послан Семёновский полк. Стрелки 3-го батальона, где служил Чичерин, с громким «ура» двинулись на высоту. Участник сражения Муравьёв-Карский писал: «Никогда не видел я чего-либо подобного тому, как батальон этот пошёл на неприятеля. Небольшая колонна эта двинулась скорым маршем и в ногу. На лице каждого выражалось желание скорее столкнуться с французами. Они отбили орудия, перекололи французов, но лишились всех своих офицеров, кроме одного прапорщика Якушкина, который остался батальонным командиром». Чичерин примером своим ободрял солдат: «Он влез на пень, надел коротенький плащ свой на конец шпаги и, махая оной, созывал людей своих к бою,

как смертоносная пуля поразила его»¹⁰⁷.

Нельзя ли присовокупить к литературной «слезе ребёнка» в изложении писателя Достоевского, что стала притчей во языцех, и этого, почти ещё, ребёнка?

– «Невозможно, – говорил я три месяца назад Якушкину, – невозможно, чтобы Мишель Чаадаев был умен. Самое большее, что я могу признать за ним, это доброе сердце и, если угодно, некоторую образованность, но он просто туп и совсем говорить не умеет. И действительно, и он и его брат, поступив в наш полк, произвели весьма невыгодное впечатление. Педантическая резкость и равнодушная небрежность тона роднят его брата с московскими щёголями, кои образуют совсем особый класс смешных чудачков, столь же странных, сколь и нелепых.

Мишель также оставляет неприятное впечатление. Двигается он медленно и вяло, всегда молчит, весь переход совершает пешком вместе со своим взводом, не отставая от солдат ни на шаг и таща на себе тяжелейший ранец; прибыв на место, сейчас же забирается в угол, по-прежнему ни говоря ни слова, устраивается на скамье и не встает с неё целый день, словно погруженный в глубочайшую апатию; можно видаться с ним целые месяцы и ничего от него не ждать. Он всегда был для меня загадкой и я не мог поверить, что он обладает умом, который ему приписывают.

Но за последнее время несколько раз случилось, что наши

¹⁰⁷. Дневник Александра Чичерина. 1812-1813”, Издательство “Наука”, 1965 г.

квартиры оказывались рядом, и я имел возможность наблюдать его вблизи. Трудно поверить, но он оказался не только прекрасно образованным, очень умным, очень рассудительным, но даже приятным и нередко весёлым собеседником. Если его расшевелить, он шутит, бывает очень любезен; если разговор зайдет серьезный, его речь отличается здравомыслием; поведение его отмечено благоразумием и обдуманностью; так что сколько ни ищи, не обнаружишь тех черт, кои прежде так бросались в глаза.... Но Мишель Чаадаев доказал, как обманчива внешность. Когда три месяца тому назад я утверждал, что он глуп, я не мог думать, что теперь обнаружу у него прекрасный характер, ровный, разумный и приятный, какой я хотел бы видеть у своего друга, что он будет вызывать теперь моё восхищение»¹⁰⁸.

Ах! какого примера дружбы мы лишились! Но и только? Невообразимая вещь: все армейские товарищи Чичерина сплошь зашифрованы в дневнике прозвищами, так, что историки даже не берутся соотнести их с кем-то. И вдруг, неожиданное, открытое послание в вечность о трёх студентах Московского университета, вступивших в военную службу в 1812 году для защиты отечества. Через пятьдесят лет бывший каторжанин-декабрист Якушкин скажет: «мой короткий приятель, недавно умерший брат известного Петра Яковлевича, Михаил Чаадаев провёл жизнь в деревне философом».

¹⁰⁸. Дневник Александра Чичерина. 1812-1813”, Издательство “Наука”, 1965 г.

Как странно! Есть огромная по страдательному подвигу “на ниве политического просвещения” жизнь Якушкина на серебрянных рудниках Сибири, где не один ссыльный лишился рассудка. Пётр Чаадаев – первый самостоятельный общественный философ России, последние тридцать лет безвыездно проведший в Москве на Новой Басманной. Мишель Чаадаев, избежавший ареста, добровольный затворник нижегородского родового имения Хрипунова, где безотлучно провёл тридцать два года и успевший перед смертью уничтожить огромный личный архив с откровениями юных и зрелых лет, не исключая всей переписки с тем же Якушкиным. Всё это почти уравнилось крохотным, потерянным и случайно найденным дневником друга их юности...

А ведь все несчастья их жизни, начиная со смерти Александра Чичерина, общественной экзальтации Ивана, искорёженной карьеры Петра, надлома Мишеля, начались этим чёртовым Заграничным походом, которому так противился их полководец Голенищев-Кутузов! Благодетельное политическое просвещение?

Простое соображение, что Европа это не Провидением назначенный «локомотив истории», а континент, потерявший из-за пандемии средневековой чумы больше половины своего 90%-го крестьянского населения, почему-то не приходит в голову «т.н. либеральным демократам». Только катастрофическая нехватка рабочих рук освободила крестьянских общинников от крепостного права, размыла сословные гра-

ницы для их отхода в прогрессивные формы труда и снизило удельную массу земледельцев до того количества, которое уже возможно было просто уничтожать капиталистической промышленностью. Так, что: «Хвала, тебе, Чума!»? Относительно чего норма? Может, не Россия – отсталая страна, а Европа слишком «скороспела»? Если можно так выразиться, учитывая, что они так кичатся своими материальными успехами... Прогресс закономерен, но пока существует «бессознательная история», случайно вырвавшиеся экономически вперёд, европейские страны платить за своё благополучие принуждают всех остальных, да ещё шпыняют как бы «отстающих» недоумками.

Вы заметило это – «лишившись всех своих офицеров»? Самый истребляемый армейский состав – обер-офицеры, младшие командиры. Они непосредственно ведут строй, собою увлекая подчинённых в бой. Из описания дела следует, что опытные французы прицельно выбивают офицеров, а нижние чины без командира нестойки. Откуда же вообще возьмётся в них боевой дух, если нет, доверенного солдатами, главнокомандующего? Того, кто обоснует надобность сражения, вселит веру в непобедимость, короче, найдёт дорогу к сердцу солдата, будучи и сам воодушевлён единым с ними пониманием необходимости своего погибельного дела? Кутузова не стало, Багратиона нет, Суворова давно уже нет...

Всегда ли подобный командир прав? Нет, это известно на

примере того же Наполеона: будучи единым духом со своими «ворчунами», он давно предал их, совершенно утратив обоснование своих войн как политического средства, поставив целью достижение несоразмерных личных желаний. Но сейчас речь не о целях, а о чувствах, которые, как оказалось, могут исчисляться в животах.

Насколько необходим в бою этот «элемент», насколько он учитываем и... подчинён только немногим, свидетельствует ещё один необходимый для «наведения порядка в истории» человек. Необходимый даже Толстому, ведь он упомянул его дважды. Этим он оставил подсказку для тех, кто захочет узнать, как наблюдать правду момента в подобных случаях. Он нам ещё пригодится:

– «Русский офицер, в то время, был гораздо лучше, нежели прежде; я уже говорил об этом и объяснял почему, но солдаты были далеко не те, что были прежде и чем стали три года спустя....

... Хотя войска встретили, по правде сказать, и много препятствий, но они все вели себя не с той неустрашимостью, которая 19 лет тому назад помогла им взять Измаил. Они не имели того доверия к Прозоровскому, какое внушал им Суворов, одно имя которого всегда было связано со славой. Было много замешательства, бесполезной стрельбы, еще более беспокойных криков и все потеряли головы»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ . Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806-1812 гг. / Пер. Е. Каменского // Русская старина, 1908. – Т. 134. – № 4. – С. 225-240

Главкомандующий теперь Витгенштейн, казалось, успешный полководец, «прикрывший Петрополь» и одерживавший победы, вдруг совершенно потерялся... и выпустил армию из рук. Оказалось, что «образование», чтение прусских учебников и увлекательная белиберда теорий ничего не значит без коренной воинской способности, которую никто не в силах ясно определить.

Управлялись, как могли. Толь отличный штабист, видимо, вовремя для себя вспомнил поучительный случай с прекрасным генерал-квартирмейстером Германом, который добротнo планировал «вообще» и успешно исполнял частные боевые операции, но сам большими соединениями не командовал. Насмотревшись на Суворова, состоявши при его армии, он как-то решил, что справится и сам – и, приняв командование в Голландской экспедиции 1799 года,... принуждён был капитулировать да ещё и в плен (чем немало позабавил Александра Васильевича)!

Похоже, что под Люценом, Толь вовремя остерёгся ответственности, хотя в остальных: «сильная доверенность к гению Толя ручалась за успех. Но вышло противное: Толь в тот день сильно заболел (догадался – прим. авт.) и пролежал на кургане, где была главная квартира. Князь Волконский действовал, сколько мог; но дело, ему незнакомое, не шло на лад.... (Царю тоже, наконец, достался случай «порулить» – прим. авт.): ...С 11-ти часов утра до 6-ти часов вечера беспрестанно скакали к нему и повторяли одно и то же, что пра-

вый фланг отброшен и что мы обойдены; но Александр отвечал одно:

– Упрямый в войне всегда победит

Когда, наконец, приехал Пален, а очевидность говорила нам, что французы далеко у нас в тылу, тогда государь приказал армии отступить, а Ермолову прикрыть отступление
ея»¹¹⁰.

Преодолев послевокусие Кутузовского к нему отношения, коллектив, так сказать, незадачливых военачальников послал за Барклаем. Все признавали за ним значительную долю тех способностей, в которых так нуждались. Не принято вспоминать, что Заграничный поход обошёлся без примеров воинского искусства, которое, в итоге, позволяет сберечь солдатские жизни. И даже, если допустить, что причиной всему неуёмный Наполеон, то ничего нельзя поделать с сообщением Маевского. Это очень серьёзный свидетель, который ценен тем, что находится на совершенно особенном положении.

Что называется, волею судеб, но в армии и даже очень «действующей» армии, он долго отправлял службу гражданского чиновника в должности аудитора, то есть, делопроизводителя с широкими полномочиями вплоть до пригляда за хозяйственной частью. Маевский быстро обнаружил, что частенько: «По системе того века генерал (скажем, тот или иной – прим. авт.) не заботился о делах дивизии. Я... именем

¹¹⁰ . Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 9

его командовал дивизиею, а в войне водил войска не только в поход, но и в бой»¹¹¹.

Эта старозаветная манера простиралась до подавляющего большинства высших военачальников. Так, будучи в подчинении фельдмаршала Прозоровского и «не найдя нигде заготовления», он недоумевал до ответа командующего: «Со всею моею памятью, которой Бог меня одарил, я забыл было указать вам точки продовольствия...»¹¹².

Затем, более из ревности к правильному порядку, чем по иным причинам, Маевский показал столь значительные успехи в организации дел, что у Багратиона: «Я заступил место и начальника штаба и дежурного генерала и ординарца и вестового». После его гибели Маевский получил дополнительную обязанность авангардного дежурного штаб-офицера у Милорадовича, а затем даже «в звании генерал-аудитора («генерал» здесь только как специфика армейского юмора - прим. авт.) поручение командовать заднею цепью ариергарда».

Начав регулярно выполнять, собственно, боевые задачи, при этом он не оставлял никаких своих прежних обязанностей: «До меня не было ни устройства, ни продовольствия, это не дело Милорадовича... Генерал Корф, командовавший передовую цепью, обрадовавшись изобильному корму людей и лошадей, скачет к Милорадовичу с полной благодар-

¹¹¹ . Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8.

¹¹² . Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8.

ностью. Но едва он высказал содержание речи своей...как Милорадович с обыкновенным и торжествующим своим тоном сказал ему: "благодарите не меня, но Маевского (указывая на меня) он кормит и вас и меня". Одной этой черты достаточно для похвалы Милорадовича; он своё брал себе, а целое уступал подчинённому»¹¹³.

В духе Милорадовича были и такого же рода экстравагантные поступки: «В один день он приказал мне напоить и накормить приведённую партию пленных и дать им по червонцу на брата. Не зная ещё манеры Милорадовича, я говорю его дворецкому: "отпустите им всё назначенное" Но дворецкий, улыбаясь, сказал мне:

– Вы всякий раз будете иметь подобные приказания, и если по неосторожности употребите своё, то вовек не получите назад. Наш генерал не имеет сам ни гроша, и часто бывает, что после сильных трудов, спрашивает поесть. Но так как чаще всего у нас нет ничего, то он ложится и засыпает голодный без упрёка и без ропота". Я не раз испытал это и сам, и, из жалости к его беспечности, заботился о бедном его столе»¹¹⁴.

Итогом его репутационных успехов стал перевод по воле Александра I в начале 1813 года из чиновников гражданских – в чин даже не капитана, на что Маевский мог рассчитывать по Табели о рангах, а сразу в.... полковники! Но и должность

¹¹³ . Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8.

¹¹⁴ . Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8.

старшего адъютанта главного штаба с подчинением ему общей военно-походной канцелярией императора, Маевского не останавливает. Понимая, что он до конца жизни не оправдается перед военной корпорацией своим возвышением «по штабной части», он «... после Кульмского сражения Пятнадцать кампаний, сто полевых и десять генеральных сражений назначен шефом 13 Егерского полка и с ним делит все опасности...», три штурма – в 1831 году он заканчивает генерал-майором.

Маевский, действительно, большой оригинал, в некотором смысле, «изобретатель и рационализатор» и даже «законодатель мод» в полках. Подобная деятельность требует ясного понимания действительного состояния дел. Он делает серьёзнейшее заявление, которое надо предупредить категорическим указанием на его смысл. Несмотря на своё предрасположение к службе и близость к армии, в строй он вступил 33-х лет, то многое, что кадровыми воинами делается по, усвоенной в обучении, привычке, он должен был расположить в уме причинно-следственно. Вплоть до необходимости воинской доблести.

– «...храбрость почиталась первейшей добродетелью воина. Если же сказать правду, то добродетель эта не есть и принадлежность всякого – это особый дар неба, потому-то и надобно отделять всегда храбрых от так известных под именем : "он не трус". Впоследствии стали думать , что всякий солдат есть уже герой и что простая храбрость не есть уже

особая добродетель. Это мысль похожа на ту, когда бы всякого стихомарателя стали считать писателем-гением, ибо и тот и другой пишут стихи....

... Те ошибаются, которые думают, что мундир составляет храбрость: нет, она родится с человеком и никогда ничем приобретаться не может. А если храбрость не есть общий удел человека, то и её надо считать: тому, кто имеет – даром неба, а тому, кому она полезна, счастьем государства Простая даже храбрость... столь же необходима, как необходимы лафет и колёса для пушки; а лафет ведь не стреляет, так же как и простая храбрость не распоряжает. Но одно без другого мертво и неподвижно. Велик тот, кому природа подарила оба эти таланта вместе»¹¹⁵.

Убедившись, что собственной решимости делить опасность недостаточно для должной степени воодушевления полка, когда нет *настоящего* главнокомандующего, под тем же Люценом он командует так: «Надобно заметить, что это было первое сражение, где по плану моему приготовлены были повозки для раненых; цепь – для удержания трусов. Это сделалось впоследствии законом и оставило лишние тысячи в рядах храбрых»¹¹⁶.

Так, что совсем не Сталин изобрёл заградотряды и не Северяне применили их впервые во время Гражданской войны Севера и Юга в США 1861-1865 гг., как говорили знато-

¹¹⁵ . Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8.

¹¹⁶ . Мой век, или История генерала Маевского // Русская старина. 1873. № 8.

ки, а применил их (по крайней мере, в новое время) полковник Маевский в 1813 году и не из людоедских побуждений, а средством уберечь свой полк от губительной паники из-за того, что в русской армии не нашлось никого, лучше Барклая, который, увы! не умел вызывать храбрости в бою, любовь к нему солдат.

Барклай начал применять свои умения, не забывая... откладывать (по старой привычке?) генеральное сражение – и получил всё, о чём мог только мечтать. С капитуляцией Парижа «поздравлен фельдмаршалом», воспоследовали графский и княжеский титулы, высшие русские и европейские ордена; даже горожане Лондона прислали шпагу с бриллиантами.

Между тем, всё это продолжительное время, Александр прикладывал усилия, постоянно занимаясь «купированием посттравматического синдрома» своего фельдмаршала... Представлял на смотрах, в Париже заманивал на балы, взял с собой в Англию, как показательного героя. Говоря словами Пушкина: «... Я мелким бесом извивался, Развеселить тебя старался, Возил и к ведьмам и к духам, И что же? всё по пустякам...». Везде Барклай был сумрачен, избегал, покидал и всячески всего уклонялся. Казалось, что-то удерживало память его в прошедших событиях... В конце-концов, приписки в письмах обычно делаются от души, за пределами расчётливой логики:

– «Июля 19-го дня на марше При дер. Холм 1812 году

Р. С. Я с нетерпением ожидаю времени того, в котором честь иметь буду видеться лично с Вашим сиятельством и согласить с Вами общие наши действия. Я не могу Вашему сиятельству изъяснить, сколь мне больно, что между нами могло существовать несогласие. Прошу Вас все забыть и рука в руку действовать на общую пользу Отечества»¹¹⁷.

Из Англии он назначен главнокомандующим 1-й армией к нынешнему наместнику в Польше – бывшему скандальному своему подчинённому, великому князю Константину. Что они могли сказать друг другу и кого припомнить? Александр I, отделившись окончательно к 1816-му году от Наполеона, изъявил желание проехаться по России и захватил Барклая с собой. Но вид окрестмосковских незатянувшихся ещё пожарищ создавал в поездке неловкость. Не раз Барклай просит об отставке. Наконец, в 1818 году, получив дозволение отойти от дел, отпуск и большое денежное воспомоществование, Барклай-де-Толли 56-ти лет умер в Пруссии по дороге на чешские лечебные воды....

Как вариант сюжета: Булгакову для примера нравственного спора не было нужды удаляться к Иешуа и Пилату. В совсем недавних событиях сравнились между собой двое достойных полководцев: один, прикрывшийся народом, покровительствованный царём; другой, народ прикрывавший, ца-

¹¹⁷ . М Б Барклай-де-Толли – П И Багратиону. 1812 1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона....: Из собр. Гос. Ист. музея Автор: Сост.: Ф. А. Петров и др.Издательство: М.: «Терра» Год: 1992

рём отстранённый – Барклай и Багратион.

Удивительно, что никто не вдумывается в последние слова, уносимого с поля боя, Багратиона своему оппоненту. Обратите же внимание, что он, разумеется, обратился не к Кутузову, потому что на поле боя не время отвлекать стратега от его сосредоточенного ожидания в исполнении задуманного. Но метафизика генерального сражения перевела, наконец-то, Барклая в Багратионовы подчинённые...: первая фраза: «Передайте Барклаю, что теперь он решает судьбу боя. До сих пор все идет хорошо. Да сохранит его Бог!...». Но здесь надо читать со второй: «Несмотря на заведомую невозможность позиции, мною он удержана. Теперь сделай ты, как умеешь... и пусть Бог рассудит!».

Академик Тарле привёл, к сожалению, без ссылки на источник, фразу, которая по своей безымянности теперь может сойти за божий глас: «Душа как будто отлетела от всего левого фланга после гибели этого человека». «Наместник бога на земле» в пределах действующей армии, фельдмаршал Кутузов, подтверждает: «Сей несчастный случай весьма расстроил удачное действие левого нашего крыла, доселе имевшего поверхность над неприятелем...».

Может быть, кому-то (особенно, историкам) и это чувство покажется снова недостаточным для решения спора «о двух командующих», и довольно бесплодного, поскольку историоманы рядятся абстрактно, не входя в существо дела, ведь состоящее же из конкретных обстоятельств.

Ещё один вопрос, например, почему Кутузов не дал сражения у Царева-Займища на позиции выбранной Барклаем и отошёл к Москве? Но ведь ответ прост и он состоит не только в качестве самой позиции. У Барклая никакой армии уже не было!! Той армии, которая может выдержать удар превосходного противника и решить свою задачу. Барклай умел пользоваться армией, но не умел создавать её – полководец-исполнитель, не более...

Маевский сообщает, что Кутузов крепко выражается «в своём донесении царю, прибавляя ещё другое и более сильное, что армия Барклая превратилась в мародёров, и что он половину её употребляет, чтобы караулить другую»¹¹⁸

Он добросовестный свидетель Кутузову: «Всемиловейший .государь!... По прибытии моем в город Гжатск нашел я войска отступающими от Вязьмы и многие полки от частых сражений весьма в числе людей истощившимися, ибо токмо вчерашний день один прошел без военных действий... Не могу я также скрыть от вас, всемилостивейший государь, что число мародеров весьма умножилось, так что вчера полковник и адъютант его императорского высочества Шульгин собрал их до 2000 человек; но противу сего зла приняты уже строжайшие меры»¹¹⁹.

Он принимает эти меры сразу в день приезда, обращаясь

¹¹⁸ . Мой век, или История генерала Маевского» // Русская старина. 1873. № 9.

¹¹⁹ . № 113 1812 г. августа 19. – донесение М. И. Кутузова Александру I о прибытии к армиям, о пополнении войск и решении дать сражение

за помощью в секретном письме к начальнику Московского ополчения Маркову:

– «Милостивый государь мой граф Ираклий Иванович! Армии нашел я между Гжатска и Царево-Займища. Мародерство, вкравшееся в армии, усилилось так, что, думая о сохранении сколько можно спокойствия в столице и окрестностях, я нахожу нужным обратиться и к вашему сиятельству с тем, чтобы вы находящимся ныне в Можайске, Верее и других местах войскам ополчения вашего дали повеления ваши, что естли бы мародеры от армий показались где-либо в окрестностях Москвы, то, перелавливая их, собирать при полках ваших и, по собрании некоторого их числа, мне доносить. По мере изготовления войск ополчения Московского направляйте их впредь ... всех к Можайску и через каждые два дня о числе собранных и готовых войск доставляйте мне сведения...»¹²⁰.

Тут же отдаётся приказ по армии:

– «Сегодня пойманы в самое короткое время разбродившихся до 2000 нижних чинов. Сие сделано не старанием начальников, но помощью воинской полиции. Таковое непомерное число отлучившихся от своих команд солдат во избежание службы доказывает необыкновенное ослабление надзора господ полковых начальников. Привычка к мародерству

¹²⁰ . Русская старина» декабрь 1896 № 107 1812 г. августа 2 18.-письмо М. И. Кутузова начальнику московского ополчения генерал-лейтенанту И. И. Маркову о необходимости борьбы с мародерством и о присылке в армию частей ополчения № 36 Гжатск

сею слабостию начальства, возымеv действие свое на мораль солдата, обратилась ему почти в обыкновение, которого искоренить предлежать должны самые строгие меры. Главное дежурство 1-й армии отошлет пойманных сего дня бродяг при списках в полки, которых на первой раз предписываю оным наказать строжайшим образом. За сим имею я надеяться, что господа полковые начальники для пользы службы и собственной чести возьмут меры и старания к прекращению сего вкравшегося уже в большой степени вреда. В будущее же время таковые пойманные по жеребью будут казнены смертию»¹²¹.

Доверенный посланник при армии, кн. Петр Волконский, прямо соотносившийся с Александром, докладывал: «...Армия недовольна до того, что и солдат ропщет, армия не питает никакого доверия к начальнику, который ею командует... Генерал Барклай и князь Багратион очень плохо уживаются, последний справедливо (!-прим.авт.) недоволен. Грабеж производится с величайшей наглостью...»

Итак, Барклай не удержал духа своей 1-й армии, видимо, не имея к тому способности.... Но потребовалось ли Кутузову для восстановления порядка прибегать к расстрелам, как это пытался делать Барклай? В том и штука, что правильные начальники умеют внушить правило не доводя до расстреливания. И Кутузов, и Багратион следовали заветам Суворова,

¹²¹ . № 109 1812 г. августа 18. —приказ М. И. Кутузова по армиям о борьбе с мародерством № 2 Главная квартира село Старая Иванова

который обращался к достоинству человека:

– «В стояниях и на походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко, тотчас на месте. Домов, заборов и огородов отнюдь не ломать; везде есть разноименные дрова. Где случается фуражировать, чинить то при войсках, правилом, с крайним порядком. Есть ли тут благоразумие, где лишать себя самого впредь текущих последствий, довольной субсистенции и кровли? Наблюдать то и в неприязнейшей земле; делать и во оной жалобе всякого обывателя тотчас должное удовольствие. Не меньше оружия поражать противника человеколюбием».

Насколько истинный авторитет воздействует, не прибегая к жестокости, Толстой показывает на примере «сверхштатного» фуражирования, казалось бы, оставленного без последствий. Но мы-то знаем, что все меры были приняты, но их вразумительность позволила не прибегать к крайностям:

«— Дежурный генерал в конце доклада представил светлейшему к подписи бумагу о взысканий с армейских начальников по прошению помещика за скошенный зеленый овес. Кутузов зачмокал губами и закачал головой, выслушав это дело.

– В печку... в огонь! И раз навсегда тебе говорю, голубчик, – сказал он, – все эти дела в огонь. Пускай косят хлеба и жгут дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Без этого нельзя. Дрова рубят

– щепки летят. – Он взглянул еще раз на бумагу. – О, аккуратность немецкая! – проговорил он, качая головой.»¹²².

Кутузову для наведения порядка достало заслуженного авторитета и оздоравливающего рекрутского пополнения «полков потерявших в убыли людей». Мягкость мер достигается тем начальником, который вовремя предвидит опасность. Сам Кутузов на марше поступал так:

– «1811 г. августа 3. ...Мне известно, что при проходе прежде по Молдавии и Валахии полков 9-й дивизии делались от них разные шалости и обиды обывателям. Сей их поступок обращает мое внимание и заставляет предостеречь вашего превосходительства, дабы при теперешнем проходе той дивизии к назначенному пункту не происходило отнюдь подобных шалостей и своевольств. В противном случае, ежели я услышу, что кто-либо и за сим будет делать жителям обиды и другие непозволительности, то с начальников, коим виновные будут принадлежать, взыщу по всей строгости законов»¹²³

Факт остаётся фактом: в одинаковых условиях Багратион смог удержать свою 2-ю армию боеспособной, Барклай способностью владеть духом армии в любой обстановке не обладал, что Багратион заметил ещё при соединении под Смоленском. Почему так? «Я весьма любил князя Багратиона, он

¹²² . Л.Н. Толстой «Война и мир»

¹²³ . № 540 предписание М. И. Кутузова С. А. Ермолову о поддержании строгой дисциплины в войсках при прохождении по Молдавии и Валахии

имел отличные свойства, а особенно необыкновенную доброту сердца»¹²⁴ — доподлинно не только генерал Комаровский догадывался о свойствах характера своего командующего, но и нижние чины. Чему же удивляться, что Кутузов теперь смотрел на Барклая косо?

Совокупность полководческих свойств Барклая явно уступает Багратиону. Почему же высшее дворянство не находило в них особенной разницы? Потому, что их исторической помещичьей реакционности (уже) Багратион так и остался непонятен. Его «русскость» принимали за всё, что угодно: патриотизм, чудачество, ту же «глупость», только не за политику. А если бы поняли, то испугались бы. На их счастье, старый Кутузов мог ещё достичь того же, опираясь на то же самое самосознание, только в понятном им, ещё старом патриархально-бессознательном варианте.

Тако же трактовщикам оказываются непонятыми высказывания Багратиона о Кутузове, которые представляются резкостью или проявлением несдержанности.

Например, в письме Барклаю-де-Толли 14 сентября 1811 года по поводу турок, Багратион писал: «...Коль скоро они перейдут прогонять Кутузова, тем паче, что его высокопревосходительство имеет особенный талант драться неудачно и войска хорошие ставить в оборонительное положение, по-сему самому вселяет в них и робость». Историки комменти-

¹²⁴ . Е.Ф. Комаровский. "Записки графа Е.Ф. Комаровского", М.: Товарищество русских художников, 1990

ругают эти слова по своему мнению: то действительной недостаточностью Кутузова перед бравым рубакой, то вздорностью самого критикана. Нисколько!

Для начала в тексте можно допустить расслабление опущенных нервов того, кто прекрасно понимает цену своего риска. В письме невольный намёк на своё вечное дежурство в самоистребительном прикрытии. ... Но он должен исполнять свою должность (почему?) настолько примерно, что неизбежно и назначаем на неё (зачем?). Сколько можно играть в эту Багратионову рулетку? Да и нет ли здесь более иронии к общему ходу дел, ведь тот же Кутузов сам невольник положения – вечно подставляемый ничтожным императором, полководец, в свою очередь вынужденный постоянно жертвовать прикрытием!

Во фразе Багратиона целая история ложной военной доктрины «конкретного» императора и поддержанной «определёнными» придворными партиями. Кутузов не имел никакой возможности из неё вырваться – война даже не от обороны, но всегда уже из проигрышной и проигранной кем-то допрежь позиции. Кстати, как раз турецкие дела дали повод, Кутузову, наконец, предоставленному самому себе, оправдаться, хотя бы перед собой.

Через несколько лет в июле 1812 года та же императорская доктрина заставит уже Багратиона, так же выводить отступающую 2-ю армию из белорусских болот перед превосходящими силами Даву. Наполеон восклицал: «Они у меня в

руках!» и теперь уже Раевский, то предварял врага, то прикрывал главные силы, которым «для открытия пути отступлением, имея предписание: " учинить нападение, несмотря ни на число неприятеля, ни на твёрдость позиции, которую он занимать мог».

Когда об этом заговорили передовые офицеры? Наверно, и не прекращали:

– «Но стратегические виды решительно пожертвованы были каким-то мнимым тактическим выгодам, основанным на ложном мнении, что войску русскому столько же необходимо для битвы местоположение открытое, сколько французскому закрытое или изобилующее естественными препятствиями, и что, сверх того, войску нашему, от малого навыка его к стройным движениям в боях, выгоднее оборонительное, чем наступательное, действие; как будто за семь лет перед тем при Суворове оно знало не только сущность, а даже название сего рода действия! Как будто бы Альпы, с их ущельями, пропастями, потоками и заоблачными высями, принадлежат более равнинам, чем закрытым и изобилующим естественными препятствиями местностям! Но таково было рассуждение всех вообще военачальников того времени, и на сем-то рассуждении основана была мысль на открытом местоположении при Эйлау сразиться оборонительно»¹²⁵.

¹²⁵ . Д. В. Давыдов. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го

Но если Кутузов, в силу возраста, положения и самого характера (и это ещё не все обоснования) скрепя сердце, уже не видел иного выхода, как только делать возможное, то деятельный Багратион, у которого не было иной возможности (для чего?) выполнить свою (какую?) задачу, кроме как взбунтоваться Суворовской системой против «проклятой неметчины».

Багратион разошёлся с историей: в юности, «при матушке Екатерине» продвигаясь в чинах, он воевал тактически и был «не промах», но пора зрелости не порадовала его подходящим театром, кроме одного, где возможные действия были блокированы всё той же силой. Мы никогда не узнаем меру его стратегически замаха, настолько «субъективные условия» ему противодействовали. После шведской войны, вроде бы представилась возможность самостоятельных действий, но характер русско-турецкой кампании 1806-1812гг. был настолько особенный, что её мог выиграть один только Кутузов. Талант должен подходить к условиям проявления. Всепобеждающим гением осенён Кутузов.

Ещё ближе подобраться к происходящему можно в словах Багратиона, сказанных после Смоленска о назначении Кутузова главнокомандующим. В письме 16 августа губернатору Москвы Федору Ростопчину он объясняется совершенно ясно, но историки так и не смогли вычитать буквального смысла этих слов, полагая их простым раздражением. Однако, каждое слово в нём доказательно обстоятельствами его

написания:

– «Слава Богу, довольно приятно меня тешут за службу мою и единокровные: из попов да в дьяконы попался. Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного повеления он не имеет, чтобы наступать, я Вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай. Я, с одной стороны, обижен и огорчен для того, что никому ничего не дано подчиненным моим и спасибо ни им, ни мне не сказали. С другой стороны, я рад: с плеч долой ответственность; теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги. Я думаю, что и к миру он весьма близкий человек, для того его и послали сюда».

Ни одно слово здесь не обиходно, ни одно предложение не обыденно. И сплетни это не те «сплетни», а ещё увидим, какие... Тон возмущения первой фразы объясняется смыслом второй: он прекрасно знает, что Кутузов не только находится под однозначным давлением «высочайшего повеления» всё той же императорской «доктрины», но и наступление не полагает преимущественным приёмом, причём не потому, что он не умеет этого сделать, ...а по другим причинам.

И снова Толстой оказывается прав: он прячет всю долгую причинную мотивировку Кутузова, оставляя лишь итог – как тотальную «народную дубину». Поневоле расстроишься! «Вождь» – это, разумеется, пожалованный Кутузову по этому случаю чин фельдмаршала, столь желанный самому Багратиону.

Но начинается реплика с «князя». И опять сие не имеет отношения к самому Кутузову! Просто Багратион не удержался вспомнить о своём собственном положении, ведь как можно сравнивать? Но чтобы объяснить одно это слово, требуется изрядное отступление.

Размышление на бивуаках

«История не терпит сослагательного наклонения»: знаменитая полемическая дубинка, которая на поверку оказывается глупостью. Смысл в ней настолько умят, что превратился в бесформенную массу. Много ли толку будет в картине, где разные краски смыслообразующие в разумном их распределении, просто смешаны? Живописец превращается в маляра.

В истории отражается общественная жизнь людей, происходящая из действий многих личностей. Чем более соборно их действие, тем более оно выражает естественный процесс, следовательно, закономерно и однозначно. Микроскопируя эту же общность людей до единичной личности, обнаружим ту свободу воли и судьбы, что определяется и степенью личной сознательности. Оба вектора существуют параллельно до крайних участков общественно личной исторической деятельности. Судьба отдельного человека (преимущественный набор переживаний) действительно может быть переменчива; но для всех вместе – чёрта с два, со всеми промежуточными положениями. Одновременно, вся машина «разнодействующих» может смещаться, если в личное сооб-

ражение преимущественно многих, войдёт согласуящая их идея. Но «как оно было» – будет утверждаться после; и случится оно так из преобладания одних личных волей над другими по каждому конкретному поводу.

Легко проверить: почти ежедневно «маленькую» Финляндию политиканствующие резонёры ставят в пример (странно, что они ещё не говорят – «лапотной») России, как пример решения каких-то там задач. Но Финляндия отнюдь не «маленькая», не «белая» и не «пушистая»! Не забывайте, что её эмблемой ко второй мировой войне была свастика (хоть и приятного голубого цвета). Не впадая в рефлекторные ужасы, это просто символ буржуазной националистичности. Не более, но и не менее. Финляндия открыто заявила свой символ и... феноменально удержавшись в капитализме как бы патриархальном, что ли, могла бы пользоваться этим символом и впредь. Ведь решая свои задачи (сто лет спустя после присоединения к России и освобождённая Февральской революцией) – расстрелами и концлагерями подавив своих «красных пролетариев», она удержалась внутри своих национальных пределов, следовательно, с точки зрения прав общности (аналогично правам личности), ничего не нарушила!

Хотя (либералы об этом почему-то не вспоминают) и она тоже хотела быть «побольше» и напала на Россию, когда та представлялась слабой, двумя войнами в 1918— 1920-х и 1921— 1922-х годах. Но соразмерность самой себе, уникаль-

ная расчётливость местной «кулацкой» буржуазности, уберегла её от крайних эксцессов фашистской идеологии, подсказала отказаться от штурма Ленинграда, вообще саботировать, по мере сил, буйного германского партнёра и даже успеть выскочить из союза с ним за считанное время до расплаты за этот грех.

Недаром российское общественное мнение того времени не находило никакого оправдания русско-шведской войне 1809 года, но один из результатов – уступка Швецией всей Финляндии в вечное владение России, не принесло ничего, кроме вреда. Государство отяготилось самобытным финским народом, который не собирался соединяться ни с кем (и пусть бы оставался при своём старинном отношении к Швеции, да так, собственно, и вышло). Александр даровал ей всё: конституцию, свободу развития буржуазных отношений (что в самой метрополии так и не случилось). Россия не получила обратно ничего. Если кто и цвёл «за гранью дружеских штыков», говоря словами Лермонтова, то это была Финляндия.

Финляндия своей национальной «хуторской экономической культурой» (в наших внутренних терминах – «кулацкой») есть капиталист из образцовейших и крепчайших в мире. Её окраинность и историческая неприметность до новейшего времени помогли укрепить эти уникальные условия. Эта, завоёванная Александром I, территория оказалось автономией полностью опережающей метрополию – до той

поры (и пока) капиталистические отношения будут считать мерилом прогресса. Они ничего не ожидали получить и получили всё. Булгарин вспоминал продолжение своего боевого обер-офицерского эпизода:

– «Вообразите мое удивление, когда в 1840 году в Гельсингфорсе, где я находился с семейством для купания в море, явился ко мне старик и спросил по-шведски, помню ли я его. Я не мог припомнить. Он объявил мне, что он почтмейстер из Улеборга, бывший и в 1808 году в том же звании, и хозяин моей давнишней улеборгской квартиры. Тогда я припомнил его, потому что он был добрый хозяин и угождал мне, как мог. Он тогда еще записал мою фамилию и читал мои сочинения в переводе на шведский язык, особенно всё, что я писал о Финляндии, всегда вспоминал о своем старом постояльце, с которым расстался дружески. Узнав, что я в Гельсингфорсе, куда он приехал как финский патриот и старый питомец Абовского университета праздновать трехсотлетие его существования, он не мог воздержаться, чтобы не повидаться со мною. Мы обнялись дружески, и я повторил ему мою благодарность за угощение в Улеборге. Старый почтмейстер весьма удивился, что я разучился говорить по-шведски, полагая, что с тех пор, как я лепетал на этом языке, должен говорить на нем не уступая природному шведу. «Скажите по совести, – спросил я старого моего хозяина, – правду ли сказал я тогда в вашем доме, что вам будет не хуже после соединения с Россиею, как было при шведском

правления?» Старик отвечал: «Предсказание ваше сбылось, и мы совершенно счастливы!» – «Вы этого и стоите!» – примолвил я, и старик пожал мне дружески руку»¹²⁶.

Впрочем, не трудно соблюдать законы перед сильным. Точнее, пред сильным-то и хочется соблюдать законы, мало ли что.... А эти дарованные свободы и есть признание за Финляндией силы того буржуазного превосходства, которого сама Россия была лишена, и нет его до сих пор, и напрасно его вызывать, а лучше бы заняться «погремушками из своей избушки».

Но буквально с другой стороны была Грузия. Ей был нужен союзник, уже более, чем союзник, настолько превосходило её силы попеременное персидско-турецкое давление. Но и Россия подошла к необходимости обеспечить себя на юге. Однако ожидаемых благих последствий от Георгиевского трактата заключенного в 1783 году между Екатериной II и царём Ираклием II не последовало. С одной стороны, «злой скопец», персидский шах Ага-Мохаммед-хан, в 1795 году именно за союз с Россией начал мстить Грузии страшными опустошениями и «делал из крови реку текущую». С другой, царь Ираклий в попытках как-то перераспределить силы, снова вступил в отношения с Турцией, хотя не имел уже на то права. И самые губительные последствия произошли, когда престарелый воин повторил ужасное заблуждение короля Лира, разделив царство между несколькими наследника-

¹²⁶ . Ф.В. Булгарин Воспоминания

ми, разумеется, с тем же результатом! С третьей, в России до того не оценили верно того давления, которое обрушится на Грузию из-за желаний выйти из орбиты влияния мусульманских стран, что на заседании Государственного Совета 8 августа 1801 г. по вопросу присоединения Картли-Кахетинского царства Александру I от лица присутствующих было подытожено:

«Простая протекция (то есть не обеспеченная надлежащей силой прим.авт.), какую с 1783 года оказывала Россия Грузии, вовлекла сию несчастную землю в бездну зол, которыми она приведена в совершенное изнеможение, и продолжение оной на тех же основаниях немедленно ввергнет ее в совершенную погибель»¹²⁷.

Военная помощь из нескольких батальонов и пары дюжин орудий, которые к тому же отзывались обратно, была совершенно недостаточна. После смерти Екатерины в 1796 году, Павел, по своему обыкновению, и в отношении Грузии сочинил несколько оригинальных идей. Первая из них в том, что он допустил возможность разрушить дружественный союз с Грузией.

Грузинская сторона, не подозревая об этом, была готова на любые уступки, но... за одним исключением. Это исключение можно изложить в двух вариантах: романтическом и экономическом. В экономическом варианте, если выразить

¹²⁷ . Архив Государственного Совета, т. 3, СПб, 1878, с. 1197. цит. по Завоевание или и добровольное присоединение?» Отар Джанелидзе

строго эти неясные мечты, ей грезились то, что потом сполна получила... Финляндия!

Практическая независимость, конституция, граница, своя валюта с 1860 года, правительство, своя милиция и даже небольшая наёмная армия (!), все налоги оставались в употребление своей страны.... Однако, хотя по вхождению в Россию, Грузия опередила Финляндию меньше, чем на десять лет, но прогрессивно-экономически – отставала от неё более чем лет в сотню, поэтому могла осознавать лишь желания романтические. В этом смысле, все условия ограничивались, по сути, одной мерой предосторожности: восстановление российского покровительства возможно только с сохранением автономии и прав царствующего дома. В противном случае договор должен быть расторгнут.

«Согласно поручению царя, грузинским послам следовало потребовать от императора «письменное подтверждение» нижеследующего: «Не прекращать в доме моем царского звания, а допустить царствовать наследственно как это было при предках моих»... в заключительной части упомянутого выше «наказа» Георгий XII писал: «В случае, если наша просьба не будет услышана, всякая зависимость, кроме международных соседственных отношений, должна быть уничтожена».... Стало быть, Георгий XII не только не отказывался от престола, но в случае пренебрежения его позицией, даже угрожал разрывом союзных отношений, предусмотренных Георгиевским трактатом и был готов ограничиться

лишь «добрососедским общением»¹²⁸.

Но всё пошло по-другому. Сначала Павел I ещё до возвращения грузинских послов в Петербург с предварительными согласованиями 17 декабря 1800 г. назначает Государственный совет. На следующий день 18 декабря 1800 года Павел I подписал манифест об упразднении и присоединении Картли-Кахетинского царства. То есть еще при жизни грузинского царя Георгия XII, смерть которого последовала 28 декабря 1800 года, Павел I нарушил предварительный договор. Вместо того, чтобы с царевичем Давидом, наследником престола, оформлять двухстороннее соглашение, так называемый «Обоюдный императорский акт», царевича отстраняют от переговоров, а затем от престола.

Замысел подтверждается более ранним секретным поручением 15 ноября 1800 г. командующему Кавказской линией генерал-лейтенанту Кноррингу уточнить, дополнительное количество войск кроме имеющихся там 4-х батальонов, для занятия Восточной Грузии. В декабре и январе 10 тысяч солдат с артиллерией совершили тяжелейший горный переход. Собственно, они одними из первых пробивали будущую Военно-Грузинскую дорогу. Генерал-лейтенант Карл Фёдорович Кнорринг отставлен от должности в начале 1803 года по «обнаружению в деятельности сильных злоупотреблений»¹²⁹ (кстати, он родной брат неуживчивого Богдана Фёдо-

¹²⁸ . «Завоевание или добровольное присоединение?» Отар Джанелидзе

¹²⁹ . Потто В. А. Кавказская война в отдел. очерках, Спб., 1887

ровича «ботнического». Ох, уж эти «русские» остзейцы!).

Павел I не сразу решился на, что ни говори, процессуальное злодеяние: «...император Павел всегда говел на Страстной неделе; но в последний год царствования отговел ранее, на Крестопоклонной, чтобы, как он сам говорил, иметь свободное время для принятия в подданство Грузии, и, желая угодить своим новым подданным, хотел явиться при этом торжественном случае в одежде прежних их государей-императоров греческих, почему и велел приготовить для себя далматик. Одежда эта, дарованная византийскими императорами как отличие некоторым святителям Восточной церкви, сделалась впоследствии священным облачением сперва архиепископов, а потом и епископов под смиренным именем сакоса. Вследствие сего распространилась молва, будто бы император желает священнодействовать, для чего и заказал себе архиерейское одеяние»¹³⁰

Но... стали готовиться два проекта: один дипломатическим ведомством (честный), другой военным (обманный). По предположению начальника Канцелярии главноуправляющего Грузией в 1801-1802 гг. П. Буткова одной из причин выбора варианта «нечестного» была фантастическая идея «вручить Грузию кавалерам св. Иоанна Иерусалимского» вместо Мальты, захваченной англичанами. Но он этого од-

¹³⁰ . Рассказы генерала Н.О. Кутлубицкого о временах Павла I. Записаны деятелем просвещения Черниговской губернии Александром Ивановичем Ханенко <http://dugward.ru/library/pavel/kutlubitskiy.html>

нозначно не утверждает, наверное, варианты возможны...

При всех тягостях, последовавших для «гlexи» – грузинского крестьянина, получившего не послабление, а дополнительного «салтыков-щедринского генерала» на шею, нет и речи, что общественная история могла пойти иначе, настолько спасительным оказался союз с единоверным народом против исмаилизма, уничтожавшего грузинскую идентичность. Побойтесь бога! грузины ещё с древнейшими греками закладывали то, что потом будет называться Европой (само это имя тогдашнего происхождения), с чего бы им влезать в тоталитарную политизированную секту среднеазиатского гегемонизма, ведь христианство было принято ими как государственная религия в 326 году ещё до Рима, в том числе, по оборонительной от сасанидских персов, причине?

И того довольно, что заметил потом проездом Грибоедов: «Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уж с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне правительством, всё так спокойно и смирно, как бы в земле, издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вместо прежнего самоуправства, ныне каждый по своей тяжбе идет покорно в дом суда и расправы, и русские гражданские чиновники, сберегатели частных прав, каждого удовлетворяют сообразно с правосудием. На крытых улицах базара промышленность

скопляет множество людей...»¹³¹.

Но зачем опираться на худшее, когда есть возможность сделать лучше? И это уже не жёсткие удила объективизированной истории, а... сослагательность воли каждого человека, его личности и его чувств.

Например, чрезмерного родственного благодушия царя Ираклия II, или лицемерия Александра I, ведь на заседании Государственного Совета 8 августа 180 г. он задал вопрос: «Не учинится ли несправедливость законным наследникам грузинского престола с присоединением Грузии?». В котором нетрудно заметить ответ. Даже среди ближайшего круга членов «Негласного комитета» нашлись граф Воронцов, граф Кочубей и другие ответственные присутствующие, которые противились беззаконию и полагали, что правильно будет «оставить Грузию на том самом основании, в каковое поставила оную императрица Екатерина Вторая»¹³²

Горе слабым! Но интересен парадокс противоположности: насколько слабой и объективно побеждённой может оказаться общественная «социальная машина», настолько же нестигаемой и неодолимой может оказаться личность, пока есть возможность действия. Тогда всё определяется их числом.

¹³¹ . А.С. Грибоедов. Письмо к издателю "Сына Отечества" из Тифлиса от 21 января 1819 года

¹³² . Архив Государственного Совета, т. III, цит. по Завоевание или добровольное присоединение?» Отар Джанелидзе

Очевидно, что Павлу I, при всех его «перегибах», нельзя отказать хоть бы в каком-то обосновании своих проектов, в том числе, и этому. Известно, что в первых числах месяца своего умерщвления 11 марта 1801 года, он занимался устройством губернского управления ныне Восточной Грузии – бывшего Картли-Кахетинского царства. Представляется вероятным, паче очевидным, что Павел имел замысел не (очень) порядочной, но понятной игры на перспективу. С одной стороны, поочерёдно «выключая» одного за другим царствующим особ и претендентов на престол всех частей, раздробленной в это время Грузии, аннексируя эти части и, в то же время, позволяя одному из косвенных династически-политических оппонентов, отличаться на службе своему «императорскому величеству», раз уж он оказался таким молодцом!

Кое-что в событиях может указывать, что так могло быть. При штурме Суворовым Пражских предместий Варшавы, Багратион состоял в премьер-майорах конного Софийского карабинерного полка на прикрытии артиллерии правого крыла. После отражения вылазок, «содействуя всюду с удивительною храбростию и быстротою», карабинеры вместе с артиллеристами инициативно отштурмовали и сами укрепления. Учитывая, что командующий кавалерией генерал-майор Шевич, «будучи болен» командовал «собрав все силы», расторопный офицер имел случай отличиться. Суворов отметил его по итогам Варшавы производством в под-

полковники.

Впрочем, у князя Петра состоялась также и протекция, но вполне косвенная, ни для кого не постыдная. При назначении в 1778 году Суворова командующим Крымским корпусом, «на краю тогдашней земли», дистанцию от Перекопа прикрывает «корпус команды господина генерал-порутчика князя Багратиона, обретающегося близ Шангирейского ретраншемента».хлопотная задача из постоянных рейдов по предотвращению высадки турецкого десанта (в том числе, под предлогом «выгрузки на берег за водой» турецкого флота), коммуникационное обеспечение русских войск, устройство «провиантских магазейнов» и прочее выполнялась исправно. Это следует из Суворовской служебной переписки, где по отношению к И. В. Багратиону явно читается не выражение приказов, а координация действий:

– «...Господина генерал-порутчика князя Багратиона войск команды его с Козловским пехотным полком господин бригадир Петерсон, вперед его сиятельства прибывшей в Крым, приблизился тогда к Кефе, и отряды 3-й бригады распрострил на оба крыла под нужные заставы в сравнение турецким эволюциям. Его же сиятельству князю Багратиону сообщено было, чтобы он, выступя от Шангирея, перешед Перекоп, расположился под Мамшиком на Черторлике в резерве...»¹³³.

¹³³ . 1778 г. сентября 11. — Рапорт А: В. Суворова П. А. Румянцеву о маневрировании турецкого флота у побережья Крыма и о принятых контрмерах. А.В.

– «По случаю пришедших к здешним берегам турецких кораблей... приближившейся уже с Днепра от Шангирейского ретранжаменту к Перекопу корпус господина генерал-порутчика князя Багратиона, 14-го сего сентября возвратился попрежнему к Шангирею на свое место, равномерно как более около здешних берегов турецких судов совсем не видно..... а по прибытии там состоять им в корпусе его ж, господина генерал-порутчика князя Багратиона, которому и предписал их расположить по своему рассмотрению»¹³⁴.

– «...О возвращении командированных в подкрепление здешнего корпуса пехотных полков, вкупе и Суздальского, которой здесь обретался, в команду господина генерал-порутчика и кавалера Текеллия, предложил я господину генерал-порутчику князю Багратиону, а равно и о коммуникации, в рассуждении Шагингирейского поста, надлежащие меры приняты быть имеют»¹³⁵.

Ещё показательнее слова Суворова во время его служебного конфликта с фельдмаршалом А.П. Румянцевым. Тот, имея прихоть командовать войсками из своего имения Вишенки в чрезвычайном отдалении, не стал входить в подробности кляуз со стороны Шагин-Гирея на действия Суворова,

Суворов т.2

¹³⁴ . 1778 г. сентября 21. – Рапорт А. В. Суворова П. А. Румянцеву о возвращении на свои места полков корпуса генерал-поручика И. В. Багратиона, введенных в Крым в связи с угрозой турецких десантов № 101 Бахчисарай т.2

¹³⁵ . 1778 г. октября 29. – Рапорт А. В. Суворова П. А. Румянцеву об отплытии турецкого флота из Крыма и сведениях о турецких войсках

видимо, решив взыскивать из чувства своей обеспокоенности (слова Суворова: «мне пишет, будто из облака»). Суворов в записке с просьбой о переводе от Румянцева «... вещаю из пользы к службе. Я бы еще мог чем по службе угождать, естли б пожил», кратко указывает обстоятельства:

– ... Не описать вам всех припадков слабостей моего здоровья, а служба весь этот год была мне в числе рядовых (т.е., тяжёлая в исполнении – прим.), иначе бы до успехов не достичь, а о помощи. – теперь повелеваю с одним порутчиком, сего года, моим учеником, и одним майором за вестового; протчие ж все больны, горячка с лихорадкой нас в Бахчисарае захватила. Платон Никитич Аболдуев скончался

– ... татары, ежели ныне не подняли нос, то не поднимут, и ныне наилутче тихи

– ... Христиане выведены, а то успеху была б явная помеха (военно-политическая задача по переселению христианского населения из подчинения крыскому хану. – прим.авт.)

– ... Чего лучше России дополнительного мира с выгоднейшими кондициями, включая в то полезные учреждения в протектованных вольных здешних областях.... Тако. – на заворот – с хорошими командующими, но не собственниками; в протектованных дружеских землях, для их охранения, досталось бы оставить приличные войски

Как положено, на случай своего отъезда, он должен обозначить кандидатуру толкового начальника: «Но есть и здесь

в запасе князь Багратион, это последнее»¹³⁶

Генерал-порутчик царевич князь Иван Вахуштович Багратион, скончавшийся спустя шесть лет в декабре 1784 года 55-ти лет, приходится троюродным дядей князю Петру. Почему же Суворову не составить какого-то мнения о фамилии в целом? Тогда знаменитая сцена в Италии удивительно дружеского обращения Суворова к Багратиону, как к старому доверенному знакомому, столь недоверчиво воспринимаемая современными историками, может быть понята, например, всего лишь из надежды на прежний опыт удачной службы с его родственником!

Но следующий подъём его карьеры был связан уже с «высочайшим» к нему вниманием. Этим же месяцем, как только Павел приходит ко власти, Багратион получает батальон, затем полк. Очевидно, по результатам службы, в 1798 году произведен в полковники и через год в генерал-майоры, видимо, под будущее гвардейское подразделение: его лейб-гвардии Егерский батальон инспекцией «зверя» Аракчеева обнаружен «в превосходном состоянии»! Но сказать только это – не сказать ничего. Багратион стал завсегдатаем императорских приёмов в самом интимном, собственно, семейном, кругу. Благоволение из одной симпатии?

Здесь определённая неувязка в том, что Багратион – «ека-

¹³⁶ . 1778 г. сентября 16.—письмо А. В. Суворова П. И. Турчанинову о взаимоотношениях с П. А. Румянцевым и с просьбой о ходатайстве перед Г. А. Потемкиным о новом назначении . т.2

терининец» и проводник Суворовской системы боя, а никак не Павловской прусской шагистики. Вряд ли он восторженный поклонник экзерциций высочайше утверждённой воинской схоластики с «прусским духом». И вот император, известный взысканием малейших отступлений от предписанных им муштровых «перегибов», Багратиону не сделал ни одного замечания! Чего здесь больше: умения Багратиона разумно выполнить самые сложные циркулярные артикулы или интересы Павла? Но и это не всё.

Современная жизнь абстрагируется и блекнет, забывая названия простых вещей. Что за такое «спецназ»? Всегда допрежь нелинейная пехота назывались – егери. «Гренадеры и мушкетёры рвут на штыках, а стреляют егеря», как определял Суворов. Преимущественно цельная стрельба, засады, разведка, бой рассыпным строем и всё, что положено... переназванному теперь «спецназу». Безопасность выезда царской семьи на летний сезон в Гатчину и Павловск обеспечивали гвардейцы. С 1800 по 1811 годы это поручалось Багратионовскому 6-му лейб-гвардии Егерскому полку. Даже высоко оценивая боевую подготовку, так угодить при назначении порою избыточным Павловским причудам? Не похоже ли это на содержательные задачи, в которых Багратион, по видимому, должен был сыграть существенную роль?

Полагаете, что князю Петру это было непонятно? Или он не понимал, что власть династии Багратионов, где ни царь, ни его наследник не отказывались от престола, свергнута си-

лой? Ведь документов ни об отречении, ни о двусторонней конвенции об отказе от независимости не существует. Могло быть ему всё равно, что в мае 1801 года, задолго до того, как новый манифест Александра был обнародован в Тифлисе, Кнорринг окончательно устранил царевича Давида от управления страной, учредив временное правительство под председательством генерала Лазарева?

Но князь Пётр оказался человеком уже нового поколения, который понял, что старое время ушло безвозвратно. Всё, что он может сделать для своей отчизны лежит через службу родине новой. У царя Ираклия при всей его прославленной личной храбрости не было возможности устроить современное регулярное войско нового образца. Очень вероятно, что Багратион понимал, что находится в условиях, когда возможное «цивилизаторство» идёт лично через него и через таких, как он. У него не было иного выхода, кроме как сжав зубы, идти своим собственным путём – стать более русским, чем..., чем кто?

Вот, например, немного младший его, без обиняков, старый боевой товарищ, Михаил Милорадович. Он настолько часто в мемуарах именуется «сербом», что, наверно, заметную нотку романтического иноземья или сохранял, или пестовал. Хотя настоящим сербом был его прадед, «завербованный» лично Петром I для возмущения жителей Черногории к совместной борьбе против Турции. Семь лет его службы Пётр Великий оценил, среди прочего, одарив чином полков-

ника и поместьями в Малороссии «... не могли уже паки туда (в Черногорию – прим.авт.) возвратиться». К чести Михаила Милорадовича он, видимо, хранил завет прадедова письменного обещания своим черногорцам – вернуть свободу из рук «Великого Царя». И настал час это обещание выполнить. Но по всем поступкам Михаила Милорадовича видно, что он являл собой, некоторым образом и насколько это может быть в реальности, вариант «поручика Ржевского», только в генеральском звании: «...четыре года юный Михаил учился в Кёнигсбергском университете, где тогда читал лекции сам Эммануил Кант. Еще два года – в Гёттингене. Затем – в Лейпциге, Берлине и Потсдаме. После чего для усовершенствования военных знаний, в частности артиллерии и фортификации, Милорадович отправился в Страсбург и Мец... несмотря на обилие престижных университетов, слушателем которых считался Михаил Андреевич, его образование было поверхностным. Он не только нигде не прошел полного курса, но даже и не усвоил серьезно иностранных языков»¹³⁷

Ворох проступков разного рода, которые он натворил в Сербии «освободителем», с трудом выправлял его старший товарищ, Багратион. При этом, за ним образ беззаветной храбрости, умелого, исполнительного офицера и генерала, безупречного в воинском долге. Вплоть до его героического смертельного ранения на Сенатской площади и трогательных, по солдатской выдержке, прощальных слов и завеща-

¹³⁷ . Я. Нерсесов «Русские генералы 1812 года»

ний. Только в сравнении видна колоссальная разница между людьми, один из которых (помимо прочего) организован идеей, а другой просто на своём месте.

Сложные петли императорской политики для подданных, во всяком случае, для некоторых, превращались в силки. У Александра I был сильный ход – заглушить возмущение грузинской аристократии, введя 4 октября 1803 г. грузинское дворянство в число родов российско-княжеских при утверждении седьмой части "Общего российского гербовника". Но произошла эмпирическая «заковыка», столь сладостная сердцу охотника за конкретным фактом и столь неприятная лично князю Багратиону.

Здесь пришли во взаимодействие две весьма разошедшиеся системы. Грузинская – древняя, исконно родовая, при всей её анахроничности, всё-таки существующая на феодальном уровне владения земельными правами относительно своих крестьян. Русская – где представители древней правящей династии Рюриковичей были не только стихийно, но и сознательно сведены в пустое, отстранены случайно возвысившимся захудалым родом Романовых. А уж когда род Романовых, стал родом, только «так называемых Романовых», то просто проживали свой век на «отшибе государственности»:

– «Императрица Екатерина II в шутку часто говорила: «Два человека у меня делают все возможное, чтобы разориться, и никак не могут!» И точно, Л.А. Нарышкин и граф

А.С. Строгонов оставили после своей смерти огромное состояние и весьма незначительные долги относительно к имению, долги, которых итог в наше время не почитался бы даже долгом! Никогда я не слыхал, чтобы Л.А.Нарышкин пользовался щедротами государыни, но знаю наверное, что граф А.С. Строгонов не брал никогда ничего, довольствуясь одной царской милостью»¹³⁸

«Удельные князья, бояре и дворяне 15 и 16 веков, составлявшие в России высшее сословие, никогда не имели других прав и преимуществ, кроме сохранившихся по преданию; не основанных на древних хартиях или кодексах, а укоренившихся на одной давности и привычке. До Екатерины, богатство и спесь боярских родов составляли всю их силу и достоинство! Законы и суды для них не существовали, они теснили низших и маломощных дворян как рабов своих. Временщики которые были их сильнее, в свою очередь не давали им возможности оградить себя от их нападков и притеснений. Суды и начальство покровительствовали тем, кого опасались»¹³⁹.

«Между помещиками во всей России было много страшных забияк, которые самоуправствовали в своем околотке, как старинные феодальные бароны, и приводили в трепет земскую полицию. Кроме того, были настоящие разбойники,

¹³⁸ . Ф. В. Булгарин (1789-1859) Воспоминания

¹³⁹ . «Сто лет тому назад» Из записок Д.П. Рунича. Русская старина 1896 ноябрь т.88

нападавшие на помещичьи дома и на путешественников....

...Таким происшествиям теперь и поверить трудно! Но я уже сказал, что ничего нынешнего никак нельзя сравнивать с тем, что было за полвека и за сорок лет пред сим»¹⁴⁰.

Те архаические «дворянско-производственные» отношения, что ещё были простительны Грузии в её уникальном военно-государственном укладе, были уже невозможно реакционны в России. Русская культура многим обязана коренной русской аристократии на всей шкале дееспособности, но, к сожалению, государственное управление они выпустили из рук. (Но, наверняка среди бессознательной реакционной массы помещиков были «лучшие из лучших» аристократы, которые не хотели терять государственной головы. Не так ли?)

На личное сочувствие рассчитывать не приходилось тому, чей дед – племянник царя Вахтанга VI, а сам он правнук царя Иессея, и времени этому не минуло ста лет и всем им ведущим свой тысячелетний род то ли со времён персидского царя Артаксеркса I, то ли израилевого царя-пророка Давида. Древний титул владетельных князей – для России, долго выбиравшейся из раздробленности, был подозрителен.... Здесь он был доведён до полной незначительности; чего нельзя сказать о грузинских князьях, почитавших древнюю княжескую честь. Но Багратион-то – вообще царского дома! Не удельный князь в древнегреческом, гомеровском

¹⁴⁰ . Ф. В. Булгарин (1789-1859) Воспоминания

смысле «когда царь пас и царица пряла», а представитель вчерашнего царствующего рода!

«Российское правительство полагало, что формальное сохранение династического статуса за потомками грузинских царей может создать угрозу реставрации. Превращая их в князей Российской империи... петербургские администраторы полагали тем самым, уравнив принцев царской крови с прочими грузинскими аристократическими родами, ослабить авторитет прежних династий и укрепить власть российского Императора во вновь приобретённых землях»¹⁴¹.

Но здесь накатила ещё одна смысловая волна: Пётр I начинает жаловать титулы, соотносясь с правилами, принятыми в Западной Европе. Появляются, среди прочих, графы и...князья (первый из которых Меншиков). Но это новое дворянство и новые князья совершенно другое дело! оно интересует царя и императора только как «служивое» лично ему. Чтобы отличать «новых» полезных от «старых» малопольных, для жалованного князя и даже графа вводится новое титулование «светлейший». Оно есть новый императорский «знак качества». Но такая система противоречит самому смыслу феодального рода по древности и знатности происхождения.... Короче, вливание нового вина в старые мехи, смешение древнего родового и нового служивого дворянства породило неразбериху... Было ли это непонятно *глупым лю-*

¹⁴¹ . Думин С. В. Грузинский Царский Дом // Гербальдические ведомости. – 1995. – № 4(12)

дям прошлого? Отнюдь:

— «Но благоверный же Государь Император Петр Великий со всем привел их в затмение своею табелью о рангах. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем, к приобретению дворянского титула, и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне Всемилостивейше Царствующая Наша Мать, утвердила прежние Указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших востревожило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет Указ, и тем родам, которые дворянское свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титул Маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо благоприятства попал в посмеяние, и с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения. Сказав сие поклонился мне об руку и вытянувшись прямо, стоял передомною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька и дав ему советовал, что приехав в Петербург, он продал бы бума-

гу свою на вес разнощикам для обвертки; ибо мнимое Маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению изстребленного в России зла, хвастовства древния породы.»¹⁴².

«Путешествие из Петербурга в Москву» опубликовано в 1790-м году и Багратион вполне мог его почитать и посмеяться над своим положением. Удивляться, что Сенат утвердил было Радищеву смертную казнь? На этом примере заметим, что «древним глупцам» предстояло ещё долго находиться в исторических обстоятельствах и принимать их во внимание – понимая, но не имея возможности превозмочь.

Суворов, а после и Кутузов обращаются к Багратиону: «Ваше сиятельство». Сам же он настолько вне какой-либо гордыни, что мог бы присоединиться к Суворову, который говорил: «Титлы мне не для меня, но для публики потребны». И лишь один раз, когда это коснулось дела – ускользнувшей от него возможности стратегического планирования, один стон, одно слово вырывается из-под его пера – вот это самое «князь» в письме Растопчину. Ведь Кутузову он пожалован с титулованием «светлейший» (!), что по новой системе почётней его родового, подлинного «сиятельства». Для него это неважно, но пока существуют «анкеты» и тому подобные моменты... Он-то понимает, что Кутузов никак не может обойти его хоть в этом – невозможно! Но в России бывают и не такие чудеса....

¹⁴² . А. Н. Радищев "Путешествие из Петербурга в Москву"

Кстати, Багратионам титул превосходящий остальных родовых князей был с тем же смысловым нарушением всё-таки (возвращён? утверждён?) в 1865 году, когда члены бывших царских домов («потомки последних царей Грузии и Имеретии») получили титулование Светлейших князей: Грузинских, Имеретинских, Багратион-Имеретинских и Багратионов. Князь Пётр имел-таки право чертыхнуться! (Доказано...)

«А если это любовь?»

Тем более, что были ещё обстоятельства в которых князь Пётр мог иметь виды на свой «соц. статус» и даже в идеальном случае..... И, опять-таки, необходимо предварительное рассуждение.

Главная задача Толстого в «Войне и мире» – наглядное предъявление «механизма социальной машины» с тем, чтобы разобравшись в устройстве, обществу затем овладеть ей ко всеобщему благу. (Сократим слова в цитате для выделения главного смысла):

– «Когда мы говорим, например, что Наполеон приказал войскам идти на войну, мы соединяем... ряд последовательных приказаний, зависевших друг от друга. Наполеон не мог приказать поход на Россию и никогда не приказывал его. Он приказал нынче написать такие-то бумаги в Вену, в Берлин и в Петербург; завтра – такие-то декреты и приказы по армии, флоту и интендантству и т. д., и т. д., – миллионы приказаний, из которых составилась ряд приказаний, соответствующий»

щих ряду событий, приведших французские войска в Россию....

– Для того, чтобы приказание было... исполнено, надо, чтобы ... могло бы быть исполнено. Знать же то, ... невозможно не только для наполеоновского похода на Россию, где принимают участие миллионы, но и для самого несложного события ибо ... всегда могут встретиться миллионы препятствий. Всякое исполненное ... есть всегда одно из огромного ... неисполненных. Все невозможные ... не бывают исполнены. Только те, которые возможны, связываются в последовательные ряды ... и бывают исполнены

– Итак,... какого бы то ни было управления или общего дела... обозначается закон, по которому люди ... слагаются всегда между собой ... , что, чем непосредственнее люди участвуют ..., тем менее они могут приказывать и тем их большее число; и ... , чем меньше то прямое участие, ... , тем они больше приказывают и тем число их меньше...

Это-то отношение лиц приказывающих к тем, которым они приказывают, и составляет сущность понятия, называемого властью»¹⁴³.

Толстого, пожалуй, можно даже дополнить в том, что:

– приказывающий со стороны, то есть пришедший к распорядительству не от прежде исполняемого этого дела, не способен отдать правильного приказа

– всякий сейчас человек должен понимать, что он имеет

¹⁴³ . Л.Н. Толстой «Война и мир»

право неисполнения нравственно невозможного и определение такого невозможного – действительного или мнимого, относится только до его собственной совести, что и есть перераспределение власти

С каких-то пор (эпоха т.н. «новейшей истории») освященное «помазание на власть» становится более, чем недостаточным и необходимо обосновать кем-то заявленное право на власть. А тому, кто её заявляет необходимо доказать её правильно. Доказать, а не внушить, навязать, сослаться и тому подобное. Разум должен войти в необходимые социальные взаимные отношения людей и, конечно, в «священную» область личных прав.

Толстой первым делом ставит задачу убрать бессознательное почитание власти, следовательно, он должен её дискредитировать, вывести обывателя из-под слепого преклонения. Это абсолютно правильная задача,... но её реализация, как любая практическая реализация даже хорошей теории неизбежно есть «перегиб одностороннего действия», что надо иметь в уме.

– «Напротив, лучшие генералы, которых я знал, – глупые или рассеянные люди. Лучший Багратион, – сам Наполеон признал это. А сам Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицком поле. Не только генералы и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших высших, человеческих качеств – любви, поэзии, неж-

ности, философского пытливого сомнения. Он должен быть ограничен, твердо уверен в том, что то, что он делает, очень важно (иначе у него неостанет терпения), и тогда только он будет храбрый полководец. Избави бог, коли он человек, полюбит кого-нибудь, пожалеет, подумает о том, что справедливо и что нет. Понятно, что исстари еще для них подделали теорию гениев, потому что они – власть. Заслуга в успехе военного дела зависит не от них, а от того человека, который в рядах закричит: пропали, или закричит: ура! И только в этих рядах можно служить с уверенностью, что ты полезен!". Так думал князь Андрей...»¹⁴⁴

Эти слова, заведомо несправедливые к Багратиону, но, в значительной степени, и к Наполеону, верны лишь в том, что Бонапарте, действительно, в определённый момент службы (преимущественно общественного содержания) безвозвратно поддался эгоизму удовлетворения в тщеславии (совершенно личного). (Кстати, самому Толстому настолько очевидна несообразность навязанного упрека Багратиону в «глупости», что, даже крайне нуждаясь в чём-то подобном для своей идеи, он вводит «рассеянность» как пристойную оправдательную замену).

Как раз всё это видно в поступках Наполеона (если представлять более-менее целостный образ), и при всех талантах и заслугах в этом грехе ему не оправдаться. Толстой решает предельно сложную задачу: научить человека выбирать-

¹⁴⁴ . Л.Н. Толстой «Война и мир»

ся из «бессознательной социальной машины», чтобы овладеть её управлением. Всё дело в этом. Не машины плохи: они неизбежны ибо неизбежна общинность человека. Но не стадо место его ныне, а оркестр, где каждый способен разумно вести партию своего инструмента, который симфоничен остальным.

Нет никаких сомнений, Багратион для Толстого – наисильнейшая позитивная действительная фигура, так как Кутузов прибережён им для выхода в метафизику. И этого-то ферзя он... жертвует (!), возводя напраслину, чтобы шаховать короля «чёрных». Снова очевидно, что «Война и мир» отнюдь не «роман» с историческими персонажами, задача книги сугубо этико-философская.

Судите сами, насколько одновременно прав и не прав Тургенев: «Роман Толстого плох не потому, что он тоже заразился «рассудительством», этой беды ему бояться нечего; он плох потому, что автор ничего не изучил, ничего не знает и под именами Кутузова и Багратиона выводит нам каких-то рабски списанных современных генеральчиков». Он заметил приём, но не понял его значения.

Итак, примем, что читатель должен всегда сам позаботиться о подлинности вводимых данных, иначе он потеряет основания к размышлению. Только вот перепроверить действительность, как это ни удивительно, способен не каждый. Теперь – не каждый, так как проверяющий должен быть, как минимум, «нормально чувствующим» человеком. А норма в

последнее время стала активно «толерантно» прессоваться в необязательность.

Например, взять пробу ощущений: воспринимать ли опереттой внезапный брак генерал-майора давно прошедших времён? А ведь именно так современный обыватель ознакомливается с этой альковной историей. К тому же, уровень действующих лиц! Если при дворе Екатерины II и пошучивали иногда в тяжеловесно-прусском стиле, но шутовской свадьбы и то с бывшим прапорщиком, как при Анне Иоанновне, не повторяли. Всё было всерьёз и свадьбы Павел I устраивал не в случайности.

Приписываемая французскому королю Людовику XIV знаменитая фраза, если и была произнесена, то отнюдь не заявлением, а объяснением: «Государство – это я, потому что я – король!». Павел I гораздо «абсолютичней», он утверждает без обиняков: «Каждый человек имеет значение, поскольку я с ним говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю».

Обычно принятые водевильные причины для этой свадьбы одна лучше другой: то заботливый монарх соединяет сердца страстного генерала и юной легкомысленной кокетки, то срочная необходимость пристроить девушку (ну, вы понимаете...).

Но если взять произошедшее в содержательном смысле: к «светско-общественному напряжению» между «старыми боярами» и «новыми служивыми дворянами». добавились и «псевдо-Романовы». То есть, внедрившаяся на русский пре-

стол Гольштейн-Готторпская династии озаботилась как-то пристроить предыдущих выскочек Петровской эпохи. Легенда (в полном смысле слова) «родового» происхождения 18-летней графини Екатерины Скавронской столь же темна, как и её происхождение «чисто физическое» (не исключено, внебрачная дочь князя Потёмкина). Но как сама курляндская крестьянка Марта Скавронская попала в постель Петра I чередой промежуточных любовников, так и весь последующий уклад дворцовой жизни, заданный теперь ею в «чине» государыни Екатерины I, не отличался добропорядочностью «по женской линии». Разумеется, Багратион никак не мог предполагать обрести в этом круге, собственно, жену приемлимую по его характеру. Однако, для Павла I сбить коктейль из дворянства аристократично-архетипического Багратиона и почти «наемни» жалованного дворянства роду Скавронской от Петра I, могло составлять идею упражнения в «умиротворении» рассогласований высшего дворянства..

После утраты самого почившего героя – генералиссимуса Суворова, главный итог его Итальянского и Швейцарского походов – утвердившаяся репутация князя Багратиона как перспективного полководца: «Князя Багратиона, яко отличнейшего генерала и достойного высших степеней, наиболее долг имею подвергнуть в Высочайшее благоволение».

Едва он вернулся, приглядевшись к нему ещё раз в гатчинских манёврах, император Павел I, в этом же 1800 году, самовольно и единовременно учинил венчание Багратио-

на, как громом поразив и его самого и объявленную невесту. Возразить не было ни малейшей возможности. Ничто здесь не противоречит предположению, что Павел имеет виды на Багратиона, причём, одновременно обезопасивая его и благодетельствуя «безсостоятельного» генерала на жалованьи, огромным приданым жены. В конце концов, после Екатерины пришла эпоха экономии: кажется, Суворов был последним военным профессионалом высшего уровня, кто из самой службы приумножил состояние из «наградных». Как бы то ни было, при всей неприятности таких событий, 35-летний Багратион мог надеяться на приближение к цели. Но... всё рухнуло.

– «Тридцать четыре часа сряду (с трех часов пополудни, 26 числа, до двенадцати часов ночи на другой день) продолжалась непрерывно стрельба из пушек и из ружей, в самую ужасную погоду! Снег падал хлопьями на распутившуюся землю; грязь была по колени. Раненые вязли в этой смеси грязи со снегом, и умирали от холода. Конница едва могла на рысях ходить в атаку. Орудия погружались по оси в землю, и упряжные лошади издыхали от изнеможения, в жару действия. Без огней, без пищи воины должны были проводить по несколько часов жалкого отдыха, после кровопролитной резни холодным оружием, и утомленные снова шли в бой»¹⁴⁵.

То есть, семь лет спустя, в этой самой жестокой битве рус-

¹⁴⁵ . Ф.В.Булгарин (1789-1859) Воспоминания, М.: Захаров, 2001

ско-прусско-французской войны при Прейсиш-Эйлау 7 февраля 1807 года, какие слова Вы бы шептали или думали, ведя передовую цепь 4-й пехотной дивизии в штыковую атаку, если тот, кто отдал Вам этот приказ – главнокомандующий русской армией Беннигсен – один из заговорщиков (пятидесяти четырёх лет! не поздно бы?) и прямых убийц императора Павла? Впрочем, «Знавшие хорошо Беннигсена, утверждали, что он был человек чрезвычайно тонкого ума и вкрадчивый, когда ему было это нужно, и питал в душе непомерное честолюбие»¹⁴⁶.

Багратион, занимая он то место, перспектива которого маячилась при Павле, уже тогда мог «отбрить» Наполеона (если бы это ещё надобилось). Отчётливо заметно по его оговоркам, что он приучился не поддаваться французскому «афтершокс»-революционному напору: «Я люблю страстно драться с французами: молодцы! Даром не уступят – а побьешь их, так есть чему и порадоваться».

Бессмысленно обсуждать то, что невозможно проверить. В атлетическом спорте любая опытная зрелость понимает опасность юного соперника, учитывая его более преимущественную сторону в возрастном нарастании мощи. Поэтому оценки действий Наполеона гораздо более старшими Суворовым и Кутузовым порой откровенно эмоциональны, и эти профессиональные оценки – превосходной степени. Багратион, лишь немногим старше Наполеона; воспринимает его,

¹⁴⁶ . Ф.В.Булгарин (1789-1859) Воспоминания, М.: Захаров, 2001

как сверстник, прагматично, только условием задачи. Ход событий не дал сравнить их в искусстве стратегии войны.

Обнаруженный документ с планом кампании 1812 года, представленный Багратионом Александру 1 не имеет даже даты от небрежения канцелярии его императорского величества к полководцу первого разряда; возможно, что и сохранился план случайно. Действительно, Александру он совсем не подходил, где главное в инициативном перехватывании Наполеона на территории Польши, что одно только лишала его – как там Наполеон говорил Балашеву? – «До сих пор у меня 80 000 поляков, с каждым днём число их увеличивается и я сформирую их до 200 000 человек. Боже мой! Что за народ поляки; какой энтузиазм одушевляет их; уверяю вас, они бешеные; они сражаются, как львы....». Нет, решительные действия выше понимания Александра. Да и вообще, он с трудом воспринимал доводы здравого смысла: упрямо зачёл Багратиону в «неполный результат» необходимость отвода войск на левобережье Дуная в турецкой кампании 1809 года; позже князь также не дал сбить себя с толку, сохранив в 1812-м году 2ю Западную армию, несмотря на прямые приказания пытавшегося предводитель императора-неудачника, которые поставили бы её под уничтожающий удар.

Багратион, ведущий в бой наступательную цепь, ещё не знает, что потеряны не семь, и не двенадцать лет – потеряна жизнь, так как сумасбродный в способах достижения цели, Павел, государственные соображения всё-таки систем-

но «имел поверхность» над собой; после него мужская линия династии явно впадает в субъективное само(не)державие, ведя страну всё далее в кризис. Увы! по условиям происхождения и воспитания, его психика была подорвана царственно-житейскими неурядицами.

«Воцарение нового императора вселило ужас во все сердца. Одаренный всем, что нужно для того, чтобы быть великим государем и одним из самых обаятельных людей своей империи, он достиг лишь того, что возбуждал страх и отдалял от себя. У Павла была пылкая душа. Вследствие невозможности действовать, его характер, вспыльчивый от природы, ожесточился. Он сделался подозрителен, суров и требователен до мелочей. Он уединился, проводил при дворе не более двух или трех месяцев в зиму, а все остальное время рассеивался от скуки, снедавшей его, в Гатчине, формированием батальонов, которые он дисциплинировал по прусской системе. И эту невыносимую дисциплину он ввел не только среди своих солдат, но и среди сановников своего малого двора. Опоздание на одну минуту наказывалось военным арестом.

Следствием этих странностей было то, что его избегали настолько, насколько могли. Но тогда были еще слишком счастливы, так как отделялись лишь вспышками и арестами, а теперь уже дело шло о состоянии, ссылке и даже жизни»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ . Головина В. Н. Кончина Екатерины II и воцарение Павла I. (Шильдер Н –

Как ни удивительно, но Павел I и Багратион, несмотря на всю разницу их положений, имели косвенно, но сопрягаемые, в случае совпадения исторических вероятностей, задачи. Но, понятное дело, «мяч был на стороне» Павла Петровича.

Почти никаких документов нет; паче того, достоверно, что многие важные документы были уничтожены. Остались, так, клочки.... Следовательно, опять придётся довериться чувствам. Что можно сказать об отношении Багратиона к принудительно-наречённой в супруги Катеньке Скавронской, кроме того, что он никогда не давал повода думать, что рассматривает её вынужденное положение, как жены – в обязательство ему? Он требует соблюдения по отношению к ней всех норм общественного уважения, следовательно, связанные волею драматических обстоятельств, они признают личные права друг друга. Ещё вернее, что он не может (и не должен) давать возможность потачки любому умалению её чести, ибо она связана с честью его, а он здесь – исполнитель воли Государя; итак, кто против?!

Вот только деньги... Несмотря на свое (или более родовое?) богатство, она предпочитает, что называется, «служебную тумбочку» мужа. Генерала возможно разорить? К 1801 году она уже наделала ему долгов на 80000 рублей. А ведь с окончанием эпохи Екатерины не стало и надежды оставить на чёрный день» хоть какой-нибудь наградной деревеньки.

Коротко говоря, этот личностный проект Павла составил для Багратиона лишь великосветскую эфемериду и более ничего...

После этой, пикантной отнюдь не со стороны князя Петра, житейской побасенки, историки всегда переключаются на «шуры-мурную» интерпретацию его отношений с великой княжной Екатериной Павловной, наидражайшей сестрой Александра. Сюда же обычно добавляется ласковое отношение к полководцу и маменьки – вдовствующей императрицы. Марии Фёдоровны, урождённой принцессы Софии Доротеи Августы Луизы Вюртембергской.

Удивительное дело, несмотря на то, чтобы думал о знаках внимания с их стороны сам Багратион, которому (как и всякому) польстило бы внимание хорошенькой и удалой молодой женщины, историкам не следовало бы отвлекаться от содержательной стороны такого её поведения.

Вот уж чем знаменита младшая сестра императора, так это тем, что без колебаний сдвинула бы братца с престола, представься только действительный случай. Иметь при этом «на этот самый случай» преданного, в самой крайней степени, верного (и первого во всех смыслах!) рыцаря? Да при этом ещё политического союзника по «русскости»! (Карамзин развил свой талант историка-поборника русской идеи с её помощью). Это настолько очевидно, что, вероятно, и сам Багратион не обманывался на сей счёт. Не видит этого только «массовидный историк», всё загоняющий князя Петра взды-

хоть при луне.

Самый знаменитый «гвоздь этой программы» – несколько писем между Александром и Катиш сразу по смерти Багратиона. Даже в широко известной книге доктора исторических наук Е.В. Анисимова «Генерал Багратион. Жизнь и война.» – всё та же альковная подача, хотя «контекст текста» гораздо более указывает на семейный переполох именно политического толка. Прочтём же их, наконец, внимательно! Без неверных пропусков, здесь важно каждое слово...

Итак, не было большей заботы у императора России после Бородино с 21 сентября 1812 года, чем разыскать компрометирующие письма своей сестры к Багратиону – причём, именно так она сама поставили перед ним задачу....

13 сентября Великая княжна Екатерина Павловна отписала брату из Ярославля и почему-то во всех публикациях опускают первую фразу:

– «Этим письмом я хочу сообщить вам о предмете, крайне чувствительном и принципиальном в его деликатности, наконец, признание своих ошибок и цепь обстоятельств оправдают меня в ваших глазах и вымолят содействие»¹⁴⁸

Здесь явно слишком много важности в деле простого бы флирта. Пуританских нравов, тем более, со времён Петра Великого в царских династиях не бывало; какие ещё там ошибки в склонности сердца (так милой историкам)? и ка-

¹⁴⁸ . Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. – СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910.

кие возможны внешние (подразумеваются) обстоятельства по уровню великой княжны?!

Конечно, она не преставала следить за ним – совершенно вздорным было бы предположение, что письмо Багратиону 9 сентября принц Георгий Ольденбургский написал по своей воле! Ну, из чего, человеку, совершенно постороннему армии, писать прежнему ухажёру своей супруги даже с соболезнованиями ранению? Разумеется, он и упоминает великую княгиню, очевидный источник беспокойства о нём.

Не исключено, что из неточного перевода второй фразы письма Екатерины Павловны, историки лишаются подтверждения этого особенного внимания.

– «Багратион умер вчера вечером; посыльный видел его мертвым, и один из его адъютантов сказал, что он был при смерти: итак это правда.»

Именно, что собственный посыльный (а не «вестник», «швейцар» и т. п., как обычно переводят), вероятно и доставил письмо Багратиону, и ждал ответа, который был надиктован князем в предсмертный день 11 числа. Затем изложение сути просьбы:

– «...Вы помните мои отношения с ним и так же мои слова, что у него остались документы, которые могут жестоко скомпрометировать меня, если попадут в чужие руки. Он сто раз клялся мне, что уничтожил их, но знание его характера всегда заставляло меня сомневаться в этом.

Для меня бесконечно важно (и для вас, смею заметить),

чтобы следующие действия оставались незамеченными. Я прошу вашей милости опечатать его бумаги и доставить их вам, и привлечите князя Салагова, который, насколько мне известно, отвечал за весь архив без разбора, что в прошлых кампаниях, что в эту.

Если вы сочтёте, что это невозможно сделать таким образом или что есть другой способ, сделайте это немедленно, без всякой отсрочки, и, ради бога, чтобы обошлось без посторонних, потому что это ужасно скомпрометировало бы меня.

Простите, мой дорогой друг, в такой момент беспокоить вас столь ребяческой просьбой.

Мы могли бы узнать у Салагова, если ничего не найдётся, где они могли бы быть....»

Далее все (!) историки приводят выдержки обычно из двух-трёх обменных по этому поводу писем, но так как ничего там более не замечают, кроме самого хода событий, стало быть, нечего за них делать работу и приводить целиком – всё равно никто не догадывается в чём там дело (а французский там просто школьный, ей-богу)... Сразу перейдём к толико нужным фразам и выводам, которые напрашиваются, если обдумать там сказанное.

Итак, Екатерина под предлогом сокрытия «личных отношений», просит Александра через нарочного опечатать бумаги покойного. Аргументируя важность, она упорно прикрывается некоей «компрометирующей откровенностью»

в бумагах. Она, действительно, боится: «Он сто раз клялся мне уничтожить их, но знание его характера всегда заставляло меня сомневаться в истине» – какое, собственно, тут знание, если он их таки уничтожил? Однако стоп! Даже если она храбро допускает и даже предполагает, что документы могут пойти мимо её рук – но не будет же братец вскрывать опечатанные уже (!) чужие (всё-таки, всё-таки...) якобы любовные письма до него никак не касающиеся?! Но держится, держится сестрица, завершив отчаянное письмо очередной обманкой: «Простите, мой дорогой друг, в такой момент беспокоить вас столь ребяческой просьбой».

Но она не на того напала! 24-го сентября Александр, по обыкновению ласкательно, предупредит её, чтобы она не удивлялась, понеже бумаги провезут ...мимо неё (!), ждущую в Ярославле, к нему в Петербург:

– «Если случайно этот человек с фельдъегерем не пройдет мимо Ярославля, не беспокойтесь об этом, потому что, говорят, этот путь ужасен, а другой, гораздо лучший, проходит через Вышний Волочек и Ростов. У них есть приказ выбрать лучший. Как только эти бумаги будут получены, я немедленно пошлю их вам».

Что ж, он действительно, постарался, собрав не только все бумаги, бывшие непосредственно при Багратионе, но и добравшись до архива служебных бумаг из шести огромных кип, которые самолично разбирал несколько дней! Что же он искал?

Это довольно ясно из промежуточных их писем, на которые никто, занятых поиском «клубнички», не обращает внимания. Екатерина Павловна всё это время особенно нежно опекает и протезирует в письмах избранника своего, принца Ольденбургского, настойчиво являя этим, что у неё нет никаких иных «организационных намерений». Александр же, в пространном письме от 18 сентября, среди прочего, даёт понять, что знает, сколь близки и через кого, предполагает происки:

– «Я добавлю другие, которые могут вас поразить.... Этой весной, перед моим отъездом в Вильно, я был хорошо осведомлен, что постоянная работа тайных агентов Наполеона должна быть направлена на то, чтобы всячески дискредитировать правительство, поставить его в прямую оппозицию нации; что, чтобы преуспеть в этом, было решено, если я окажусь в армии, поставить все неудачи, которые могут случиться, на мой счет, и представить себя человеком, принесшим в жертву своему личному самоуважению безопасность Империи, не давая генералам, более опытным, чем я, добиваться успехов над врагом...

....Но этого еще недостаточно; адский план также должен был, согласно тем же представлениям, внести разлад в нашу семью» .

Он намекает ей в понимании намерений своего свержения, потому что всё это обострилось ещё с Тильзитского мира: «Шведский посол в Петербурге граф Стединг писал о

большом недовольстве императором и всей мужской линией царствующего дома и, поскольку ни императрица-мать, ни императрица Елизавета «не обладают соответствующими данными, то на престол хотят возвести великую княжну Ека-терину»»¹⁴⁹.

Она же отвечает в письме от 23 сентября:

– «Притворяться, что любишь и умея притворяться с теми, кого мы называем друзьями, толковать слова, продиктованные правдой, как слова мятежников, воображая, несмотря на непрекращающиеся и несомненные доказательства безграничной привязанности, что кто-то будет неправильно понят и, возможно, будет покинут, Признаюсь тебе, что я не умею так любить и хотела бы, чтобы и ты этого не знал. Прошу прощения, что отнимаю у вас время, но мне важно оправдаться перед вами...», ну и так далее, многословно, запутанно, «любяще», короче, говоря, теми же словами: «душа отлетела и тут».

Итак, Багратион исполнил-таки своё обещание и не оставил никаких зацепок к политической компрометации Катиш; она же оставила всякую надежду на самостоятельную игру, видимо, видимо...

Впрочем, она вышла из положения достаточно уверенно; её основной тезис к Александру в письмах этого времени:

¹⁴⁹ . Предтеченский А. В., Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в., М.-Л., 1957; цит. по Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика под ред. Гросул В.Я. М.: Прогресс-традиция, 2000

«Берегите Вашу честь!», что по-женски означает – «Чем я виновата, что ты малодушно прячешься в Петербурге? Общество теряет к тебе уважение, шаткость положения очевидна, дорогой брат». Он же лепечет, что мужество солдата вообще не считает пристойным для себя предметом, а в Москву не едет, признавая, что одно его появление разлагает армию в недееспособность; и как ему мучительно разбираться с тремя бездарными генералами, ни один из которых не смыслит в стратегии...

Гороховые законы старика Менделя устроили в императорской семье знатную шутку: Сестрица Екатерина Павловна не только превосходила своих неудачливых братьев задатками, но и счастливо развила их, избегнув формализующих шагистских штудий. Любительница точных наук с глубоким интересом к содержательным вопросам, сильная умом, энергичным и прямым характером; кажется, прекрасная рисовальщица, смелая наездница.... Александр трепетал её! Кто ещё мог выговаривать ему за метания 1812 года как нашкодившему мальчишке: «Куда же нас вели, когда все разгромлено и осквернено из-за глупости наших вождей?», «Вам не следует указывать на то, что все это не по моей части, – лучше спасайте вашу честь, подвергающуюся нападкам». При том, что она младше его на одиннадцать лет!

Александр вполне мог опасливо ревновать сближение генерала с сестрой, однако, похоже, что Багратион был поглощён другой идеей, вполне гуманитарного свойства, насколько

ко война может быть (могла ещё быть) таковой, в которой он послужил бы и России и... Грузию вывел бы на более прогрессивное место. Идею перенял его сослуживец, (конечно, Ермолов) которого с тех пор историки не забывают высмеять, видимо, не понимая, откуда взялась его кавказские замыслы.

На что могла рассчитывать Екатерина Павловна, в отличие от брата вполне рационально мыслящая? Оценку по записным «стратегикам»-современникам» сравнительно с Багратионом, военные историки дали ещё по шведской кампании:

– «Нельзя не пожалеть, что во главе нашего Вестро-Ботнийского корпуса вместо молодого сравнительно царедворца, не искушенного в горниле военного опыта, не стоял, можно сказать, «травленный волк», подобный «князю Петру» Багратиону. Если бы последнего не остановили в марте Аракчев с Кноррингом – он несомненно дошел бы до ворот Стокгольма, пока старшие решали бы вопрос о том, как ответить на предложение о перемирии...

... Князь П. И. Багратион, наступая в марте 1809 г. через Аланд к Стокгольму, видимо, чувствовал лучше всех своим «суворовским» чутьем эту психологию противника, когда, оттягивая ответ на предложения фонДебельна, торопил свои колонны; чувствовал это и Я П Кульнев, певший в Грисলেখамне «Тебе Бога хвалим» и рвавшийся со своими гусарами и уральцами к стенам шведской столицы... И положение дел

было таково, что эти гусары и уральцы могли вполне свободно тут же, с маху, овладеть этою столицей, как овладевали наполеоновские кавалеристы прусскими крепостями три года перед тем...

К сожалению, как мы знаем, высшее начальство вверилось обману и на этот раз... Кампания затянулась, и потребовался еще целый ряд усилий, чтобы достигнуть выгодной пограничной черты...»¹⁵⁰.

Конечно, нельзя запретить циничного предположения, мол, юная бестия Ек. Павловна манипулировала глуповатым рубакой в своих целях и баста. Но... не складывается. Будет ли бесспорно интересная женщина в годы требовательной юности тратить время на глупого человека? Глупость одна из наиболее отвратительных черт в мужчине. Глупый человек схематичен, что всегда заметно в делах. Багратион, наоборот, никогда не был замечен в ограниченности. Глупость наверняка была бы проявлена неловкостью в отношении к жене, подобного поведения – опять нет. И та, наверняка раздосадованная (не так ли?) подневольным браком, не удержалась бы высказаться об этом за долгие годы.

Что ж, помянутая уже, м-м-м... речистость может сойти за глупость, но при одном условии: допущения неблагоприятных последствий. Если трактовать Багратиона, как искателя чинов, не умеющего вести придворную дипломатию – то он глуп. Но это противоречит всему, что известно о нём.

¹⁵⁰ . П. А. Ниве. Русско-шведская война 1808-1809 гг.

Допустив другое: он не нуждался в дворцовых интригах, наработывая исключительно профессиональный статус. Он служит ради идеи и пропаганду таковой почитающий одной из форм служения – тогда всё складывается. На каком основании? Это то, что должно было быть понятно историкам, если бы они понимали, что любая теория есть выжимка от жизни, а не наоборот.

В конце концов, наверняка в пору, когда он предлагал не отступить, а вовремя перехватить вторжение, он слышал не от одного Ермолова:

– «Я Вам говорю, как человеку, которого нет человека, кто бы не знал, и даже живущие в отдалении в России; говорю тому, на которого не без основания полагает Отечество надежду, тому, которого и государь уважает и которому, конечно, верит....

... наконец, не внемлющему и не разумеющему важности обстоятельств. Пишите, Ваше сиятельство, Бога ради, ради Отечества, пишите государю. Вы исполните обязанность Вашу относительно к нему, вы себя оправдаете перед Россией. Я молод, мне не станут верить. Я буду писать, не заслужу внимания. Буду говорить, почтут недовольным, осуждающим все новое, осрамят и бросят! Но верьте, Ваше сиятельство, что это меня не устрашает. Когда гибнет все, когда грозит Отечеству срам, не только опасность, там нет боязни частной, там нет выгод личных. Я не боюсь и от Вас не скрою, что писал, но молчание, слишком продолжающееся, есть уже

доказательством, что мнение мое почитается мнением молодого человека. Я буду писать еще, и все, что Вы делали и в чем встречено Вами препятствие, изображу. Я люблю Вас, Вы благодетельствовали мне, а потому самого гоударя спрошу я, писали ль Вы к нему или хранили виновное молчание? Так, достойнейший начальник! Вы будете виноваты....»¹⁵¹

Всё-таки, хоть и через двести лет не стоит чернить славу героя, который, можно сказать, по-монашески был предан идее похода, примечательного тем, что он так и не был им сделан. Вот так реальная история возможного (она же ежедневная политика) смеётся над теоретической схемой желаемого. Главное, что и на службе России, и на так и не случившейся службе своеобразно Российско-Грузинской, его личная честь была направлена к обоюдному процветанию двух царств.

Возрадуйте, либеральные резонёры! Багратион, как писавшийся поэт – должен был умереть. В том, что его рана раздробленной ноги окончилась гангреной очевидно более зловредного равнодушия к уже лишнему человеку, чем случайности; ему не было места в новой реакционно-бюрократической системе. Той задачи, которую он ставил себе, и которая несколько раз мелькала в представлявшихся планах предшествующих императорских дворов теперь уже некому

¹⁵¹ . 1812 1814: 175. А. П. Ермолов – П И Багратиону. Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. . . .: Из собр.Гос. Ист. музея Автор: Сост.: Ф. А. Петров и др.Издательство: М.: «Терра». Год: 1992

было поставить, а с ампутированной ногой, не было возможности и исполнить, стало быть, незачем и жить. Поход стал невозможен: «Остальное – молчание...».

Чтобы ещё раз напомнить, что предмет этой книги не исторический, уместно оценить, хотя бы на этом этапе Отечественной войны, предлагаемый историком В. Н. Лобовым его вариант в монографии «Александр I и его военно-политическая деятельность»¹⁵². Он издал её «Для историков, представителей социально-гуманитарных наук. Может использоваться в учебном процессе военно-учебных заведений. Представляет интерес для широкого круга читателей».

Он намерен приструнить тех, кто «опорочивает военную деятельность Александра I и имена таких достойных (как бы «всего лишь» – прим.авт.) людей, как Кутузов, Барклай-де-Толли и Багратион (о которых написано больше, чем об Александре I)».

Вполне можно ограничиться фантаσμαгорией главы «Противоборство Александра I с Наполеоном в войне 1812 года». Ну, тесс, как там «Полководческий талант Александра I раскрывается...»?

Теперь становится понятным, почему одно приближение императора к армии, оказывало на неё парализующее действие, о чём он сам жаловался Катиш...

– «Согласно обнародованному перед войной «Учрежде-

¹⁵² . Александр I и его военно-политическая деятельность /В.Н. Лобов. – М.: Логос, 2012. –

нию об управлении большой действующей армией – «присутствие Государя слагает с главнокомандующего начальство над армией, разве бы отдано было в приказ, что главнокомандующий остается в полном действии»

– «Так, находясь при 1-й армии, в письме к Барклаю-де-Толли он пишет: «Я не буду делать им [корпусным командирам] никаких предписаний, чтобы не расстраивать Ваших распоряжений. И так как Вы, генерал, будете давать им наставления, какие сочтете нужными...», – но в том же (!) письме он «счел нужным указать свое право в отношении к князю Багратиону. Оно и естественно, последний был главнокомандующим армией, а потому Александр I лично руководил и его действиями»

Значит, «естественно».... Хоть на этом спасибо! Аустерлица ему оказалось мало, Александр и далее пребывал в полной самовлюблённости в свои таланты и полагал военное дело совершенно и окончательно бумажным предприятием.

(А ведь именно об этом говорил Наполеон Балашеву, в свою очередь изумляясь столь поверхностному представлению Александра о способности к военначалию:

– «Я слышу, что Александр сам предводительствует войсками. Зачем ему это? Чтобы взять на себя ответственность, если они будут разбиты? Он император по рождению, он должен царствовать, а руководство войсками поручить главнокомандующему. При этом, если он хорошо будет действовать, то награждать его ... если же он будет действовать дур-

но, то прогнать и наказать».

Наполеон политтехнологически прав, усматривая недолжное смешение специализаций новоевропейского «разделения труда». Ему пришлось канонадой прорываться из «граждан» — «за братом моим» в правящую аристократию Европы. Он прекрасно понимает выгоды сословной презумпции править по праву рождения. Но он понял бы и то, что грузинские цари в своей истории не дожили до привилегии нового времени — царствуя, не предводительствовать войсками лично. Для Багратиона здесь отправная точка самосознания.)

Историк Лобов храбро усматривает разумность во всём! Например, что «Логическая связь этого приказа с его планом и повелениями от 12 июня состоит в том, что оно служит их дополнением»... И далее, возвеличивая военную стратегию Александра, совершенно не упоминает всеми высмеянного Пфуля и бессмысленное Александрово ему поклонение (видимо, чтобы не раздражить против себя исторически грамотных гусей).

Приводимые им в качестве доводов цитаты и пояснения поистине несообразны с элементарным здравым смыслом. Но он \этого не замечает!

— «...то если Платов и Багратион не будут действовать с должной осторожностью, то могут быть совершенно отрезаны от сообщений с 1-й армией...».

В тот же день он повторяет:

«Я чрезвычайно опасаясь, чтобы он [Багратион] не замешкался долго в Волковиске и чтобы не случилось бы с ним чего-нибудь неожиданного, так же как и с Платовым, от которого мы не имеем даже никаких известий» – какое детское представление императора об условиях военных действий!

– «Из позднейших писем Александра I видна его своеобразная система

отдачи приказаний, по которой исполнителям сообщались их задачи не сразу, а по частям. Тем самым соблюдался элемент скрытости и секретности» – можно ли придумать что-либо более глупое по отношению к командармам?!

– «Во всяком случае ясно, что оба повеления (от 16 и 18 июня) не противоречат желанию Александра I, а вытекают из известного только ему замысла и его заботы о Москве» – как можно оправдывать «ясность», известную только самому автору её? – это большой вопрос...

А вот так историк, в духе устроителя сего, Александра I, играючи описывает, надлежащее бы им обоим, маневрирование 2-й армии:

– «А так как последние мешали ему идти на соединение, то он отходил все далее, желая обойти его без боя, сохраняя свои силы, и выполнить задачу, при этом внося определенную нервозность и вселяя неуверенность в неприятеля».

Это он так изящно абстрагирует выход Багратиона из смертельного капкана в который его загнал Александр:

– «П И Багратион – А П Тормасову 12 июля 1812 из фоль-

варка Сапежина при Старом Быхове

...Вашему высокопревосходительству известно было мое неперменное намерение вытеснить из Могилева неприятеля, и что Сысоев, разбивший часть авангарда маршала Даву, находившийся в самом ближайшем расстоянии от Могилева, с появлением пехоты и артиллерии, принужден был отступить и потом соединиться с авангардом моей армии. Неприятель, имея более пяти дивизий в Могилеве и по дороге к Дашковке, пользуясь отлично выгодным лесистым местоположением при Новоселке, прикрытым речкою, вышел в 9 часов утра атаковать 7 корпус, бывший при Дашковке. генераллейтенант Раевский, отразив неприятеля, опрокинул его

...Местные выгоды неприятельской позиции, противу коей невозможно даже расположить войска, чтобы могли удобно и совокупно действовать, как я сказал выше, и уверенность в полученных сведениях, что неприятель имеет непомерно превосходные силы противу 2й армии и что 1я армия уже у Витебска, к соединению с коею можно теперь искать менее опасных средств, принуждают меня отступить от своих намерений и принять другое направление...»¹⁵³

Выворачиваются наизнанку и подаются хвалебно самые отвратительные последствия политики императора, затащившего войну внутрь страны. Словами историка :

¹⁵³ . 1812 1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Из собр. Гос. Ист. музея Автор: Сост.: Ф. А. Петров и др.Издательство: М.: «Терра» Год: 1992

– «Александр I осознавал, что главная борьба еще впереди и одной армией с Наполеоном не справиться. Нужны силы, а сила – это народ».

– «Оставив армию, Александр I не назначил главнокомандующего всеми армиями, предоставив обоим командующим свободу действий. Каждый главнокомандующий понимал свою задачу. Барклай-де-Толли полагал, что она состоит в том, чтобы действиями против главных сил Наполеона отвлекать их от петербургского направления. Багратион предполагал в равной мере противодействовать Наполеону, если тот пойдет на Петербург или Москву»

Самое интересное – есть ли у историка Лобова степень доктора наук, настолько мастерски он трактует слова Багратиона об этом же моменте, а вернее, просто ...академически лжёт:

– «П И Багратион – П.В.Чичагову 15 августа 1812.
Собств. приписка

Р. S. Ретирады наши никуда не годятся. Не ведаю никак, кто сему причиною. Я сделал мой долг: отброшенной от армии преодолел все препоны – соединился. Я, хотя и старше его, но государю неужгодно, чтобы один командовал; а ему велено все: стало, хоть не рад, да будь я готов. Я кричу – вперед, а он – назад. Вот и дойдем скоро до Москвы! Хороши мы будем»¹⁵⁴

¹⁵⁴ . 1812 1814: Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. Из собр. Гос. Ист. музея Автор: Сост.: Ф. А. Петров и др.Издательство: М.: «Терра» Год:

В качестве примера неплохи и следующие два эпизода. О состоянии 1й армии Барклая, его выбора позиции генерального сражения и причины скепсиса Кутузова уже шла речь ранее. Историк продолжает:

– «Нужно сказать, что маневр Багратиона и Барклая-де-Толли был произведен блестяще. Обе армии отходили в целом организованно, сохраняя свои силы. Западные военные теоретики отмечали, что Барклай-де-Толли «осуществил отход с замечательным искусством». Это в равной мере относится и к Багратиону»

– «Трудно судить, дал бы Барклай-де-Толли сражение в Царево-Займище или нет, так как в это время в армию прибыл Кутузов. Приняв армию, он осмотрел позицию, после чего приказал отходить».

Возможно, читатель уже почувствовал вкус недоверия к подобному пустому словоизвержению? Но зачем это историку Лобову? Зловредие? Неспособность логики?

*От Багратиона к Кутузову; опять историк под уда-
ром*

Если какие-то оттенки личности Багратиона в найденных документах ещё проявятся, вряд ли они нарушат установленную картину. А теперь пора сдвигаться к светлейшему князю Кутузову. Вот уж бедовый оказался фельдмаршал – даже Толстому пришлось туго! Что там вычитывают в «Войне и мире» бедные иностранцы? Если даже в России в ша-

ге от парты, (а школьное образование не шутка для детей, но опорный консервативный архетип общественного самосознания) со времён самого Кутузова по наши дни модно «исторически» (а ныне подчас истерически) костерить старого фельдмаршала. Но под бешеными порывами "sic transit" «новейших историков», всё полощется на ветру славное полковое знамя "gloria mundi"...

«Были найдены причины тому невероятному, неслыханному и невозможному событию, что русские были побиты, и всё стало ясно, и во всех углах Москвы заговорили одно и то же. Причины эти были: измена австрийцев, дурное продовольствие войска, измена поляка Пшебышевского и француза Ланжерона, неспособность Кутузова, и (потихоньку говорили) молодость и неопытность государя, вверившегося дурным и ничтожным людям.... ... Про Кутузова никто не говорил, и некоторые шопотом бранили его, называя придворною вертушкой и старым сатиром....»¹⁵⁵.

Толстой ещё и смягчил – любители и профессионалы от истории не обходятся без цитирования служивших с ним известных генералов, не стеснявшихся в определениях Кутузова: Милорадович – "низким царедворцем", Дохтуров – "отвратительным интриганом", Раевский – "переменив Барклая, который был не великий полководец, мы и тут потеряли".

Гражданскими историками теперь принято эти нелюбо-

¹⁵⁵ . Л.Н. Толстой «Война и мир»

приятные отзывы принимать с полным доверием за чистую монету, безупречным, как им кажется, "объективизированным аргументом". И только в войсках, знающих, что любовь солдата не даётся даром, сдержанно молчат. Даже Толстой не рискнул разворачивать образ Кутузова во всю величину, настолько он не вмещается в посторонний себе повод и дал только итог:

– «Чем больше он видел отсутствие всего личного в этом старике, в котором оставались как будто одни привычки страстей и вместо ума (группирующего события и делающего выводы) одна способность спокойного созерцания хода событий, тем более он был спокоен за то, что все будет так, как должно быть. "У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, – думал князь Андрей, – но он все выслушает, все запомнит, все поставит на свое место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, – это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое»¹⁵⁶.

Но Толстой не пересказчик событий, его художественная интуиция, входя в обстоятельства прошлого, ищет проникновения в смысл событий философской глубины. Продукт необычен: для верного отображения личностных отношений

¹⁵⁶ . Л.Н. Толстой «Война и мир»

в их общественной среде, опорные действительные фигуры претерпели художественное искажение, но благодаря этому остаются всё более правдивы сути предъявляемой истины, чем ныне подаваемое под видом «так называемой науки».

Но кого можно было бы изобразить так, по-буддийски, подлаживающимся под ход событий, что, кажется, он никогда и не думал воздействовать на них? Кто был бы способен, как бы только занимая место, определять ход событий, как не тот, кто никогда и не был ординарен? Толстой, выражая метафизику действий Кутузова, должен законами своего метода противоречить событиям действительным! Невежда этого не заметит, а понимающий скажет, что иначе и нельзя было...

Казалось, перед нашествием Наполеона, будущий фельд-маршал окончательно выведен Александром I за штат дежурных военачальников, но похож ли он, судя по документам, на престарелого созерцателя?

«Он командовал тогда Петербургским ополчением, занимался им от всей души, присутствовал при приеме ратников, вооружении и обмундировании их, делал им лично наставления и увещания. Глядя на него, когда он с важностью заседал в Казенной палате и комитетах ополчения и входил во все подробности формирования бородатых воинов, можно было подумать, что он никогда не стоял на высоких ступенях почестей и славы, не бывал послом Екатерины и Павла, не предводительствовал армиями и степень Начальника Зем-

ского Ополчения почитал целью своего самолюбия....»¹⁵⁷.

Удивительно! В России среди «господ военных чиновников» действовали интеллектуальные оригиналы высшего дивизиона, но они до сих пор не опознаны в своём истинном достоинстве, затёртые армией формулярных чиновников. Едва хоть различают «эпоху Пушкина» от «времени Николая Первого»....

Не так давно стать арбитром исторической правды попытался... доктор исторических наук (конечно же!), профессор Н. А. Троицкий; буквально пообещавший врезать всю недосказанную правду-матку «без исторических ходуль» о незаслуженно (!), по его мнению, величаемом полководце. Книга "Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты" действительно получилась фундаментальной по вороху цитат, но пригодной к употреблению, только если вымарать весь авторский текст. Ещё в предисловии профессор начинает делать открытия отчаянно простым методом – вообще не вдумываясь в смысл цитируемых им слов:

– «В некоторых значимых отношениях Кутузов как военачальник явно проигрывал в сравнении и с предшественниками, и с современниками. Так, в противоположность суворовскому правилу «Каждый воин должен понимать свой маневр, Кутузов приучал подчиненных к слепому повиновению. «Не тот истинно храбр, – говорил он, – кто по произ-

¹⁵⁷ . А. И. Михайловский-Данилевский, "Описание Отечественной войны в 1812 году", ч. 2, СПб, 1839

волу своему мечется в опасность, а тот, кто повинуется»¹⁵⁸.

Он не хочет (или не может?) понять, что Суворов и Кутузов говорят об одном и том же условии, только в разном смысле уяснения: Суворов – что храбрость не возместит непонимания поставленной боевой задачи, а Кутузов – что бессознательная храбрость не искупает непонимания уже исполняемой боевой задачи – то есть историк делает сущностно ложный вывод.

Троицкий не затрудняется и далее. Полагая задачей покончить с официозом парадных государственныхников «аллилуйными восхвалениями» «величайшего полководца» (которому, по его словам, почему-то непременно надо быть «выше военного гения Наполеона»), он задаёт самому себе и читателям ложную посылку:

– «Все это понятно. Тот факт, что именно Кутузов был русским главнокомандующим на победоносном для России этапе Отечественной войны, сам по себе уже возносит фельдмаршала на космическую высоту, вне зависимости от его достоинств и недостатков, активности или пассивности, свершений или просчетов, то есть от его личного вклада в дело общей победы. Он по должности своей, по тому месту, которое занимал как главный военачальник, ассоциировался и ассоциируется в сознании россиян с образом гения и спасителя Отечества, хотя по совокупности своих дарований и

¹⁵⁸ . Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов. Мифы и факты. – М.: Центрполиграф, 2003

возможностей он был все же ниже собственной репутации»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.